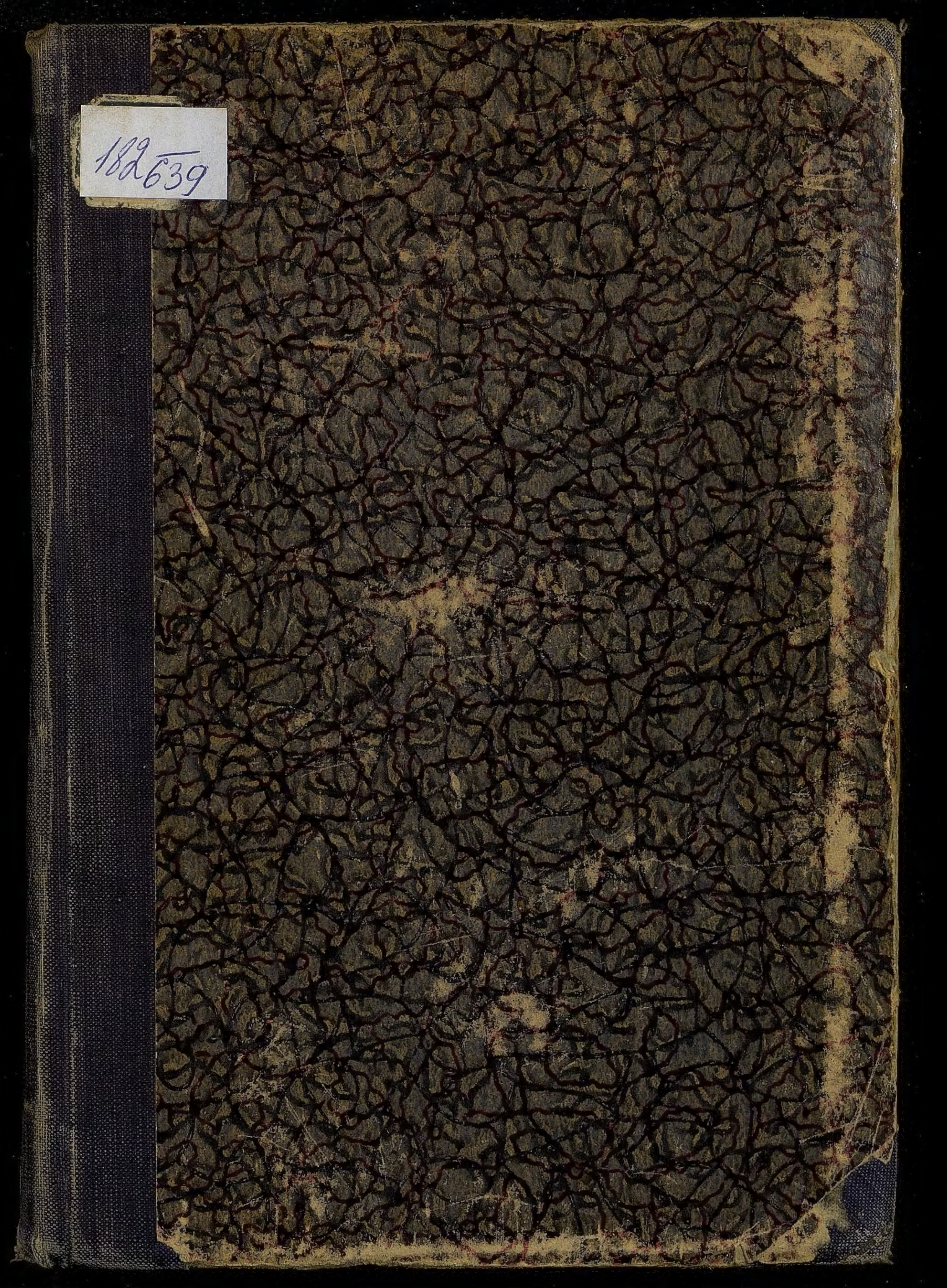

182 639

ВСЕУКРАИНСКАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Проф. Б. Г. КУРЦ

РУССКО-КИТАЙСКИЕ СНОШЕНИЯ

в XVI, XVII и XVIII СТОЛЕТИЯХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

ВСЕУКРАИНСКАЯ НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОФ. Б. Г. КУРЦ

РУССКО-КИТАЙСКИЕ СНОШЕНИЯ В XVI, XVII и XVIII СТОЛЕТИЯХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1929

Библиографическое описание и шифры для библиотечных каталогов на эту книгу помещены в „Літописі, Українського Друку“ и „Картковому репертуарі“ Украинской Книжной Палаты.

Днепропетр., тип. им. 25-р. ВКП
Полиграфтр. Зак. № 5135 –500.
Окрлит № 1712, от 21/VII 1928 г.

ГЛАВА I

ВОПРОС О ТОРГОВЛЕ С КИТАЕМ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ РУССКО-КИТАЙСКИХ СНОШЕНИЙ

I. Первые известия о Китае и китайских товарах в пределах Восточной Европы

Китайское государство, расположенное в восточной части Азии, несмотря на древнее происхождение, весьма долгое время не имело постоянных сношений с народами Европы. Об'ясняется это рядом многообразных и сложных причин. По отношению к Европе раннего средневековья в числе этих причин, в связи с географической отдаленностью Китая, играл главную роль низкий культурно-хозяйственный уровень Европы этого периода, ибо в период между падением Западно-Римской империи и началом укрепления торгового капитала в странах «священно-римско-германской империи» область Европы не представляла заманчивого рынка для культурного Востока, а сама Европа не имела еще ни хозяйственных, ни технических предпосылок для стремления к столь отдаленным рынкам. Имели также большое значение наличие в более близком соседстве с Китаем культурных восточных стран, как Персия, Бактрия и др. государства Средней Азии, бурные военно-политические процессы в самой Азии и, наконец, невозможность для Европы пользоваться торговыми путями через восточно-европейскую равнину и Переднюю Азию, которые позднее были заняты—первая—татарами, а вторая—турками (1).

Тем не менее, нельзя говорить о полнейшей обособленности Китая. Как сообщают классические писатели, китайские товары привозились уже в древний античный мир. Геродот пишет, что меховые караваны шли из Ольвии к Дону, в степи астраханскую и киргизскую и калмыцкую; последняя находилась на западе Великой Монголии. Нужно было проходить через семь разноязычных народов. Скифы, богатые вьючным скотом, занимались перевозкой и составляли караваны в восточную Азию (2). Китайские летописи около 166 года нашей эры свидетельствуют, что в Китай прибыло морем римское посольство, но оно было безрезультатно. В IV ст. Аммиан Марцелин сообщал о народе, жившем в теперешнем Китае, что он торгует, но только на своих границах и на деньги, избегая сношений с другими народами (3). Главное посредничество в евро-

пейской торговле принадлежало черноморским колониям, торговавшим с Востоком, причем тут особенно выделялся Херсонес, в который, по словам Иордана (IV ст. после Хр.), привозились дары Азии (4). Таким образом, еще до возникновения Руси китайские товары могли попадать на ее будущую территорию (5). Однако, не будет лишенным благоразумия смотреть на это, лишь как на возможное явление, заметив, что древний мир производил вообще обширную торговлю с Востоком, откуда получались богатые ковры, ткани и иные товары, среди которых могли быть и китайские.

В период образования Русского государства эта восточная торговля деятельно продолжалась. О значительных размерах торговли Китая в это время сообщает один арабский путешественник, упоминающий в 870 г. о городе Канфу, как главном порте арабских купцов, в этом году разрушенном китайцами, причем погибло 120.000 магометан, персов, евреев и христиан (6). Русские сами завязывали торговые сношения с Востоком посредством волжских болгар, арабов и других, а затем непосредственно, спускаясь караванами по Волге в Каспийское море или на верблюдах в Багдад. Ибн-Хордабде (860—870-е годы) писал о «купцах-русских—они же суть племя из славян», что «иногда (купцы) берут путь за Арменией, в стране славян, затем к заливу столицы хазарской, затем в море Джурджана, затем к Балху и Маваранкагру, потом до Сина» (7). Но вглубь самой Азии купцы не осмеливались ходить, предоставляя дальнейший обмен персам, армянам и грекам (8). Чтобы достичь тогда Китая, русским пришлось бы потратить несколько лет на путешествие: так далеко отстояли крайние пределы тогдашней России и Китая друг от друга, потому что оба государства в то время заключались еще в небольших пространствах, и, расширяясь, еще не включили в себя обширных областей и народов, лежащих между ними. Эти промежуточные народы были дики, и продвижение через них с торговыми целями было опасно и часто невозможно вследствие происходивших у них распрей и войн. К тому же, смена в Азии политических организмов, приведшая к появлению на Руси татар, не могла способствовать сношениям России с Китаем. Между тем, Китай мог возбудить к себе интерес любознательных русских, потому что он, несмотря на свою Великую Стену, давно давал о себе знать (9). Без сомнения, при походе Чингиз-хана китайцы должны были с ним ходить в Россию. У Миллера находим интересное известие о его находке около р. Оби китайской монеты, которую он относил к VIII веку после Хр. и думал, что татары при Чингиз-хане могли получать монеты, как и иные предметы, из Китая (10). При сношениях с татарами и монголами русские могли узнавать о Китае. С другой стороны, китайские историки сообщают, что в период монгольского нашествия впервые появилось в Китае имя русских под названием: Олосы, Алосы, Улусы. Многие русские были набраны, по ханскому обычаю, в пекинскую гвардию. В 1330 г.

впервые упоминается об отдельном русском полку. Русским дали земледельческие орудия, поселили их к северу от Пекина, где они должны были заниматься земледелием и охотой, доставляя все добытое ко двору (11).

Эти данные, сообщенные Юаньши или историей Чингизханов в Китае, заслуживают доверия.

С другой стороны, любопытна также повесть о прежнем состоянии Сибири, написанная в XVII ст. В этой повести рассказывается, что раньше вся Сибирь была голой страной, и в ней поселились китайцы, но когда стал расти лес и «земля рогата стала»,—они испугались и переселились в нынешний Китай (12).

Несмотря на неблагоприятные условия, русские купцы, по мере вовлечения в международную восточную торговлю в результате ослабления «татарского ига», проникают в Среднюю Азию. В 1404 году их встречали в Самарканде, где они могли торговать с индийскими купцами и даже с китайскими, так как «китайские караваны доставляли (в Самарканд) шелковые материи, мускус, драгоценные камни, жемчуг, ревень» (13). Именно Клавихо (1404 г.) видел в Самарканде купцов, торгующих русскими и татарскими товарами: кожами и льняными материями (14). Отважность русских купцов до того простиралась, что один из них, тверской купец Афанасий Никитин, в этом же столетии (1466—1472 г.г.) отправился в Индию с торговыми целями, и в его описании путешествия есть указания на китайские товары (15).

Действительно, по словам Иовия (1525 г.), португальцы видели китайцев в Индии, где китайцы покупали благовонные товары; китайцы даже доходили через страну Синов до Золотого Херсонеса (Малакский полуостров к востоку от Индии), привозя с собой собольи меха (16). При таких условиях неудивительно, если под названием индийских товаров проникали в Россию китайские (17). Рейтенфельд же (1671—1673 г.г.) прямо сообщает, что до открытия португальцами морского пути в Восточную Индию вокруг Африки, т. е. до 1498 г., «товары китайские, индийские и персидские большею частью шли через Астрахань и Тану (Азов), города на Черном море, и отсюда уже распространялись по Европе» (18).

Вот почему русские даже в Астрахани могли покупать китайские товары. Когда же с половины XVI ст. Астрахань вошла в состав Московского государства, разумеется, завязались постоянные, непосредственные сношения России с ханскими, бухарскими и другими купцами.

Поэтому неудивительно, что, кроме показания Клавихо о наличии в начале XV ст. русских товаров в Самарканде, мы имеем от половины XVI ст. свидетельство такого же характера, оставленное Дженкинсоном. Дженкинсон, отправившийся в 1558 г. в Бухарию, рассказывает, что до него в Бухарию приходили из Китая караваны. Они ходили через Кашгар и Ташкент, а так как с 1555 года началась в районе этих городов война, то два народа и «почти подчинили себе Ташкент и Кашгар и занимали такое положение на дороге, что ни один караван не мог бы

пройти неограбленным. Три года уже ни один караван не приходил из Китая и не было никакой торговли между Бухарой и Китаем. Когда путь свободен—до Китая девять месяцев пути».

Приходившие из Китая караваны привозили в Бухарию мускус, расписные материи и пр. Русские же караваны привозили в Бухарию красные кожи, бараньи шкуры, разную шерсть, деревянную посуду, узды, седла и т. п. (19). Китайские товары в русском торговом мире были уже так известны, что торговая книга XVI—XVII ст. среди тафт упоминает «китайку» (20).

Воспоминание об этой торговле было настолько сильно, что об этом говорили в эпоху Петра Великого. Именно Зотов в письме к Демидову с предположениями о водных путях писал, «что Хива и Бухария больно для нас гожи; тут встарину бывали торги из Китая» (21).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Для уразумения культурного взаимоотношения и уяснения духа как народов, так и государств русского и китайского, необходимо принять во внимание важнейшие моменты культурно-исторической жизни Китайской Империи, древнейшей из существующих д о н ы н е и, тем не менее, мало или в недостаточной степени привлекающей к себе критическое перо и внимание науки, которая даже не находит нужным уделять ей соответствующее место в учебном плане преподавания истории.

Китайская Империя, благодаря своему многотысячелетнему существованию, видела смену большого количества династий. Хотя легендарная история упоминает первого китайского императора в третьем тысячелетии до Хр. но более достоверные данные признаются лишь с XI века до Хр.

С конца III века до Хр. в Китае сменяется уже V династия—Хань эпоха которой признается весьма блестящей. В эту эпоху отмечается развитие наук, новые географические открытия и подчинение влиянию Китая стран Или, Коканда, Фергана, Согдиана и др. областей Западного Китая; тогда происходили сношения не только с Индией, но даже с Южной Европой. При этой династии сам Китай, об'единившись окончательно, начал воздвигать со стороны степей Великую Стену. Тогда торговля в Китае была развита, но первый представитель этой династии—Хань презирая ее, притеснял ее всевозможнейшими мерами, и только после его смерти положение купцов несколько улучшилось. Во II веке до Хр. в китайских летописях даже упоминается существование на границах ярмарок и торговли. Кочевники доставляли китайцам лошадей, скот; Корея (через Манчжурию)—железо, оружие, жемчуг, лошадей и проч. Китайский путешественник этого столетия, Чжан-Цянь (Чанг-Киен), сообщает, что через Индию китайские товары проникали в Бактрию. Плиний и Птоломей указывают, что между Александрией и далекой Азией существовала оживленная торговля. Плиний свидетельствует, что Римская Империя получала из Китая железо, шелк, меха и кожи, а согласно китайским историкам, Китай получал из Европы ткани, стеклянные изделия, лекарства, краски, металлы и драгоценные камни. Посредниками в торговле были парфяне и индусы, у которых товары перекупали сирийцы, финикияне и карфагеняне.

После р. Хр., начиная с III в., в Китайской Империи видим междуцарствие, смуты, водворение новых династий; сам Китай распадается на Южный и Северный.

В VII в. (династия XIII—Танов) Китай об'единяется, подчиняет себе Корею, Монголию, Восточный Туркестан; период правления этой династии считается золотым веком китайской литературы. В Китае появляются буддисты, магометане и христиане. Торговые сношения весьма развиваются, китайские суда приходят в Аравию и, наоборот, арабские—

в Кантон. В 1017 г. ввозная пошлина на товары, привозимые арабами, была даже на половину уменьшена.

С X века, вследствие периода смут и междоусобий, Китайская Империя распадается и слабеет.

В XIII в возвышается Монголия, нападает на Китай и в 1260—1280 г.г. окончательно покоряет его; на китайском престоле появляется первая в истории Китая инородческая династия (XX)—монгольская, под именем династии Юань. Так как монголы, кроме Монголии, присоединили к Китаю покоренный ими Тибет (начало сношений Тибета с Китаем относится к 641 г. после р. Хр.), Среднюю Азию и Восточную Европу (Украину и Московию), то сношения Китайской Империи с Европой принимают очень широкие размеры, и в Китай приезжают иностранные посольства, путешественники и проповедники. Своей столицей монгольская династия избрала город возле современного нам Пекина. Однако, монгольская империя просуществовала лишь около столетия.

В 1386 г. китайцы свергли иноземное владычество монголов и признали власть новой династии (XXI)—Мин, бывшей чисто национальной китайской. Новая династия своей столицей сделала Пекин. Результатом переворота, разумеется, явилось отпадении от империи Манчжурии, Монголии, Восточного Туркестана и Тибета. Но Мины постепенно вновь присоединили к Китаю Южную Монголию, Тибет, а также Манчжурию.

К XVII в. в Манчжурии усилилась местная туземная власть, которая, благодаря ослаблению Китая, об'единила в это время манчжурские земли в самостоятельное государство и вступила в борьбу с Китайской Империей. В 1629 году Монголия, а в 1627—1637 г.г. Корея подчинились влиянию Манчжурии, и манчжуры, пользуясь смутами в Китае, окончательно завладели им в 1644 году; с этого года Империей стала править манчжурская династия—Цин (XXII, вторая инородческая в истории Китая, просуществовавшая до 1912 года). Конечно, при этой новой смене династии, страны, прежде зависимые от Китайской Империи, отпали от нее, и ей пришлось опять присоединять их. Но только после упорной борьбы и лишь к концу XVIII ст. Китаю удалось включить в состав Империи Манчжурию, Монголию, Джунгарию, Восточный Туркестан и Тибет. (После об'единения Манчжурии с Китаем, была присоединена Южная Монголия, потом в 1688 г.—Халха т.-е. Северная Монголия, в 1754—1756 гг. Джунгария; Тибет же, признававший власть Китайской Империи еще при Минской династии, признал ее и при первом представителе манчжурской династии, и поэтому, когда в 1717 г. джунгарский Цеван-Раптан овладел Лхассой, то через два года был вытеснен оттуда китайскими войсками). Китайские войска проникали даже за Гималаи и воевали с Непалом, Бирмой и Аннамом; Сиам также принужден был считаться с влиянием Китая.

Так как манчжурская династия была чужда китайцам по языку и обычаям, воинственна, жестока и ненавидима китайцами, она управляла Империей при помощи строгой дисциплины, суровых законов, замещая повсюду административные и военные должности манчжурами и содержа по городам свои гарнизоны.

По отдельным правлениям история Китайской Империи XVII—XVIII вв., т.-е. в период начала и развития непосредственных усиленных русско-китайских сношений, представляется в такой последовательности:

I) Правление Шунь-Чжи (1644—1662 гг.)—покорение Китая манчжурами; присоединение отдельных провинций Собственно-Китая.

II) Правление Кан-Си (1662-1722 г.г.)—вследствие появления русских на Амуре, столкновения с ними; колонизация Северной Манчжурии, основание в ней городов Айгунь, Мэргэн и Цицикар; в 1688 г. подчинение Монголии; войны в Джунгарии и усиление власти Империи в Тибете.

III) Юн-Чжен (1723—1735 г.г.)—совершал походы на Джунгарию, подчинил юго-западных инородцев, преследовал христиан.

IV) Цянь-Лун (1736—1796 г.г.) — покорил Джунгарию, Восточный Туркестан; при нем произошло переселение с Волги в Западный Китай торгоутов (калмыков), умиротворение Тибета, совершались походы в Непал, Бирму и Аннам, покорена Формоза и расширено влияние в Сиаме.

(Gützlaff, «Geschichte des chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking», 1847 г. Boulger, «Short history of China», 1893. G. Pauthier, «Histoire les relations politiques de la Chine avec les puissances occidentales depuis les temps les plus anciens jusqu'a nos jours», 1859. Hermann, «Chinesische Gechichte», 1912. О. Ковалевский. Переворот в Китае в XVII в. и правление Кан-Си, «Журн. Мин. Нар. Просв.»,1839 г., № 5, часть XXV (1840). С. Георгиевский, «Первый период китайской истории». П., 1885 г. Д. Мертвого, «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г.», П., 1884 г. Э. Паркер, «Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней», пер. полк. Грулева, П., 1903 г. Э. и О. Реклю, «Срединная Империя», изд. М. Семенова, П., 1912 г. И. Попов, «От Небесной Империи к Срединной Республике», М., 1912 г., Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. H. Cordier, «Bibliotheca Sinica, Dictionnaire bibliographique des ouvrages, relatifs à l'empire chinois», II edition, Paris, 4 vol., 1904—1908. Подробнее дальше, глава V: «Политическое положение народов, обитающих между Российской и Срединной Империями»).

2) «О торговле и сношениях древних народов Средней Азии», статья из книги Г. Геерена, «Московский Телеграф», 1826 г., ч. XII, с. с. 10, 11, 14, 15.

3) Д. Мертвого, «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г.» (с 14 картами и планами), отпечаток из «Морского Сборника» 1883 и 1884 гг.), П., 1884 г., с. 3.

4) Jordanes, «De rebus geticis», c. II.

5) Прямых свидетельств об этом у нас, разумеется, не имеется, но обширная деятельность арабов, торговавших уже на глазах истории со славянами, подкрепляет эту возможность. Купец Солейман (851 г. по р. Хр.) несколько раз путешествовал в Индию и Китай. Он пишет: «Товары, получаемые из Китая, встречаются в малом количестве и дороги, как в Бассоре, так и в Багдаде. Одна из причин этой малочисленности и редкости их заключается в пожарах, часто имеющих место в Канфу» (под Канфу надо разуметь Кантон или, точнее,—Ган-Чжеу-Фу, город в нескольких днях пути выше по реке, причем Кантон был его портом), а также вследствие крушения судов, разграбления их корсарами и пр.

Интересно заметить, что, согласно арабским известиям, китайцы якобы считали первым царем по могуществу багдадского халифа, вторым—китайского государя, третьим—римского, а четвертым—царя Болгара. Н. Н. Пантусов, «Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь Средней Азии», Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Имп. Казанском У-те, т. XXV, вып. 5, 1909 г., с. 106 и след.).

6) «Очерк морских сношений и войн...» Д. Мертвого, с. с. 3, 4.

7) «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» (с половины VII в. до конца X в. по р. Х.), Я. А. Гаркави, П., 1870 г., с. 49. Однако, в данном случае Ибн-Хордабде не сообщает, о каких именно купцах он говорит (русских?).

8) А. П. Субботин, «Россия и Англия на среднеазиатских рынках», 1885 г., гл. I.

9) А. Спицын (Записки Отд. русск. и слав. археологии И. Русск. Археолог. О-ва, т. VIII, в. I, 1906 г.) был склонен считать технику шапки Мономаха особенно близкой к искусству Китая и потому предполагал, что шапка могла происходить из Средней Азии. Кроме того, А. Спицын дает еще изображение китайского литого зеркала XIII-XIV вв., найденного в Болгарах, но это, конечно, еще не доказывает, что эта вещь попала в Болгары именно в XIII-XIV вв., а не позже.

10) Г. Ф. Миллер, «Описание Сибирского Царства...», кн. I, П., 1750 г. с. 10, прим. второе.

11) «Русь и Ассы в Китае в XIII-XIV в.», заметка еписк. Палладия в «Живой Старине» (периодическ. изд. отделения этнографии И. Русск. Геогр. О-ва), год. IV, вып. I, П., 1894 г., с. 65.

12) Г. Ф. Миллер, «Описание Сибирского Царства...», П., 1750 г. кн. I, с. 12. Путешественник по Азии Карпини (1246 г.), Рубрук (1253 г.) и Марко Поло (1275—1292 г. г.) упоминают среди забайкальских монголов «пресвитера Иоанна», который, как и многие его подданные, был христиа-

нином несторианского толка. Фишер полагал, что несторианская вера переменилась в ламайскую (В. Андриевич, «Краткий очерк ист. Забайкалья от древнейших времен до 1762 года», П., 1887 г., с. 3).

Томский казак Иван Петлин, бывший в 1618 г. в Монголии, сообщает, что ему говорили монгольские старцы (лобы-монахи): «Ваша де вера одна с нашею была, а старцы де ваши черны, а мы де старцы белые; а не ведаем, как ваша вера от нашей отскочила» (Ф. Покровский, «Путешествие в Монголию и Китай сиб. каз. Ив. Петлина в 1618 г.», П., 1914 г., с. 33 Отд. оттиск из «Изв. русск. яз и слов. Имп. Ак. Н.» т. XVIII, 1913 г., кн. 4).

Карпини был послан Батыем к императору Хану-Кайюку, у которого жил русский, по имени Косма. Косма был золотых дел мастером, и Кайюк очень любил его. Он сделал Кайюку трон и печать (I. де Плано Карпини, «История Монголов», пер. А. Малеина, П., 1911 г., с. 57), Рубрук же (1253 г.) в свою очередь, пополняя или видоизменяя известие Карпини, рассказывает, что у Каракарума жил золотых дел мастер, родом из Парижа, по имени Вильгельм Буше, который работал золотые предметы по заказу Мангу-хана. Во владениях этого Мангу-хана жил русский, умевший хорошо строить дома (там же, с. 122).

13) Аристов, «Промышленность Древней Руси», П., 1866 г., с. с. 194, 196, прим. 607.

14) «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.», П., 1881 г., изд. Акад. Наук, с. 329.

15) «Хождение за три моря Афанасия Никитина», Учен. Зап. Акад. Наук, II отделение, с.с. 225—307. Софиевский Временник, II, с.с. 145—164, «Сказания Русского народа», II. Полное Собр. Р. Летоп., VI (с.с. 330—358), с.с. 338, 349.

16) «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, В. Семенова, П., 1836 г., с. 49. Перевод Малеина сочинений Герберштейна и Иовия, П., 1908 г.

17) Итальянцы имели в Тане складочное место для шелковых и других товаров, покупаемых, по свидетельству Пеголотти, в Китае за серебряные слитки. По разрушении г. Таны Тамерланом (Тимуром), эта торговля с Востоком (Индией и Китаем), хотя и происходила, но в меньшем размере, а когда турки совсем овладели Черным и Азовским морем, они прекратили ее окончательно. (Ф. Брун, «Черноморье», ч. I, Одесса, 1879 г., с.с. 131—132).

18) «Чтения Имп. О. Ист. и Др.», 1906 г., III, с. 131.

19) «Известия англичан о России во II половине 16 века», пер. С. Середонина, «Чтения И. О. Ист. и Др.», 1884 г., кн. IV, с. 58. Гамель, «Начало торговых и политических сношений между Англией и Россией», Ж. М. Н. Пр., часть LXXXIX, с.с. 122—123.

20) «Записки Отд. русск. и слав. археологии Археол. И. Общ.», I, отд. III, с. 128.

21) Письмо Ник. Моис. Зотова в «Записках русских людей», изд. Н. Захарова, П., 1841 г., с. 123. Письма и предложения Зотова были напечатаны в «Отечественных Записках», 1883 г., № 40, с. 145.

II. Торговые посредники

Из предыдущего очерка видно, что еще до XVII ст. китайские товары могли прибывать в Россию, но торговали ли с русскими сами китайцы—для суждения об этом у нас нет данных. Правда, только-что приведенные свидетельства в состоянии отчасти это подтвердить, но необходимо принять во внимание, что азиатские купцы, жившие около Китая, имели возможность для успеха торговли выдавать себя за китайцев, как делали, спустя несколько столетий, русские, которые, под видом бухарцев, несмотря на запрещение торговать, смело и хорошо торговали в Западном Китае (1).

Поэтому следует скорее предположить, что передача русско-китайских товаров, поскольку она существовала, естественнее всего должна была совершаться через другие народы. Это обстоятельство, а также незначительность самой торговли послужили причиной, что у русского народа до половины XVII ст. не выработалось ясного понятия о китайской торговле, между тем как об индийской сложилось уже в XV ст. прочное представление (2); поэтому также и слово «Китай» в сознании соответствующих кругов русского народа не имело такого значения, как сказочная «Индия», хотя под последним названием могли подразумеваться и другие страны, не исключая и Китая (3).

Кто был посредниками в этих сношениях—явствует уже из вышесказанного, в данном же месте упомянем только тех из них, которые состояли посредниками и во время непосредственных сношений России и Китая, т.-е. со второй половины XVII ст. Это были бухарцы, калмыки и монголы.

О бухарцах русские слыхали давно. Они с ними торговали еще в Астрахани. Вместе с Кучумом поселились в Сибири многие бухарцы, и при начале завоевания Сибири упоминаются бухарские караваны, производившие торговлю с русскими около озера Ямыша (4). Они могли к нам завозить наряду со своими бухарскими товарами и китайские, но последние лишь случайно.

Калмыки начали рано сноситься с Россий и часто и охотно посылали к нам своих посланцев (5). Но торговля с ними находилась в неблагоприятном положении. В 1626 г., когда Московское правительство хотело построить около озера Ямыша острог, чтобы окончательно овладеть этой местностью, посланный туда экспедиционный отряд отписал в Москву, что «калмацкие торги будут-ли, и прибыль его царскому величеству будет-ли,—про то неведомо, потому что с колмаки повся годы мы, ходячи к Ямышу озеру, видаемся и торгуем, а калмацкие люди приносят продавать лисиченки красные польские, и бобришки, и корсаки, и овчины, и тулупы овчинные, а больши того рухлядь немногая, а больших товаров никаких нету, только продают много лошадей и рогатого скота; а купя лошади, рогатый скот, в городы проводить страшно от них-же, от калмацких людей»,—вследствие их разбойничьих набегов. Так как местность была неудобна для заведения пашен, было решено не строить около озера Ямыша острога, а попрежнему посылать сюда военные отряды за добычей соли (6).

При Алексее Михайловиче сосланный в Сибирь Юрий Крижанич предлагал завести при Иртыше торговлю с калмыками, от которой русские, по словам Крижанича, могли бы получать кожи, а от бухарцев—шелковые материи; «много бы выиграли, если бы могли добывать... бархатов, атласов, камок и крашенин бумажных, кое зовут ариами, зенденьями, китайками и беярами» (7). При этом Крижанич говорит, что русские могли бы взамен давать бухарцам, калмыкам и монголам меха.

С монголами же, жившими в современной Монголии, русские завязали сношения, очевидно, лишь с начала XVII ст., и хотя монголы были тогда знакомы с китайскими товарами, и китайские рабочие даже строили монголам здания (8), но о существовании мены русских товаров на китайские нет оснований говорить.

Это следует из того, что хотя русские в первой половине XVII ст. много раз сносились посредством посольств с монголами, но дальность расстояния, опасный путь среди кочующих разбойничьих племен, воинственность самих монголов,—все это мешало возникновению торговли. Зато русские получили от монголов первые верные сведения о Срединной Империи, жителей которой называли «Китат», откуда и произошло слово «Китай».

Этим именем русские и стали обозначать как собственно китайцев, так и манчжуров (9).

Сами же китайцы называли свое отечество по имени правящей династии (напр., Дай-Мин-Го, Дай-Цин-Го, а также Чжун-Го, т.-е. Срединное Царство, и Хань-Го, т.-е. Хань-Царство, от династии Хань, вступившей на престол в начале III ст. до р. X. и оставившей наиболее прочные воспоминания о себе в культуре Китая) (10).

Таким образом, посредническая торговля могла происходить преимущественно через бухарцев и при этом носила случайный характер, вследствие чего китайские товары были все же редкостью.

О том, что эти товары были в сибирских городах,—у нас имеются документальные данные. В енисейской «товарной ценовой росписи» 157 г. (1649 г.) упоминаются «китайские и бухарские всякие локотные товары»: бархаты, атласы, камки, китайки, выбойки, дабы и др. (11). В половине XVII ст. среди товаров гор. Томска наряду с бухарскими, калмыцкими, английскими и иными иностранными товарами находилась и камка—«китайка». Это—результат посреднической торговли, но размеры ее были настолько незначительны, что, например, в 1652 г. в Томск было привезено камки всего 20 аршин, а в следующем году—7 кусков (56-63 аршина) (12).

При таких условиях значение передаточной торговли с Китаем было весьма невелико.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) А. Корсак, «Ист.-стат. обозр. торг. снош. Рос. с Китаем», Казань, 1857 г., с. 145. Н. Балкашин, «Трактаты России с Китаем», Памятная книжка Западной Сибири, Омск, 1882 г., с. 57.

2) «Меня залгали,—пишет Аф. Никитин,—псы бесермены, а сказывали много всего нашего товара, ано нет ничего на нашу землю, все товар белой на бесерменскую землю, перец да краска то и дешево; возят морем, пошлин много, а на море разбойников много». И. Перфильев, «История русской словесности», ч. I, Казань, 1897 г., с. 504.

3) Очень трудно установить по имеющимся историческим источникам, о каких именно народах говорится в этих иеточниках. Если древние путешественники или купцы посещали Китай, они, сообщая в своих рассказах

о нем, называли его разными именами, и неопределенность этой терминологии не позволяет с уверенностью утверждать, что речь идет о сношениях именно с китайцами; поэтому мы убеждены, что слово «Индия» покрывало собой понятие Китай. Кроме того, высокая культура древнего Китая, по сравнению с близлежащими странами и народами, несомненно, должна была послужить материалом для создания сказаний о богатой, сказочной Индии. Народы в своем поэтическом творчестве не любят вникать в подробности и разлагать создающиеся представления на составные части; в этих процессах тенденция скорее противоположная—к обобщению образов, к сливанию их в нечто единое. Тем более это должно было происходить с государствами, не имевшими своего точно определенного названия, а иногда—и бытия, и разнородными по своему составу. Это и случилось именно с, так называемым, «Китаем». Сами китайцы никогда не употребляли этого названия и теперь им не пользуются (Э. и О. Реклю, «Срединная Империя», русск. пер., изд. М. И. Семенова, П., 1912 г., с. 24). Относительно наименований Китайской Империи подробнее—см. ниже примечание 10.

4) Потанин, «О караванной торговле в Джунгарской Бухарии», Чтения И. Общ. Ист. и Др., 1866 г. кн. II, с. 37.

5) «133 году книга записная калмыцким посланцом», Акад. Наук. Рукоп. отд. I-го отд. библиотеки, бумаги Миллера, кн. Тобольского Архива, ч. IV, лл. 34—43.

6) Г. Катанаев, «Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии», вып. I, П., 1908 г., с. 97, Русск. Истор. Библ., VIII.

7) «Русское государство в половине XVII в.», с. 13 и сл. (изд. П. Бессонова в приложениях к «Русской Беседе» за 1859 г. и отдельно).

8) Статейный список Петлина — Ф. Покровский, «Путешествие в Монголию и Китай сиб. каз. Ив. Петлина в 1618 г.», П., 1914 г., с. 38 и др.

9) Н. Бантыш-Каменский, «Диплом. собр. дел между Россией и Кит. государствами с 1619 по 1792 год», Казань, 1882 г., с. 2.

10) Иером. Иоакинф (Бичурин), «Статистическое описание Китайской Империи», П., 1842 г., ч. I, с. 4. Не называя своего государства «Китаем», китайцы не называют его также и «Небесной Империей», а только по царствовавшим династиям. С воцарения манчжурской династии, т.-е. с половины XVII ст., известно название—Великая и Чистая Империя (или в другом переводе,—Великая Империя Цингов, т.-е. Чистых). В обыденном разговоре китайцы говорят: Срединное царство или Центральная Империя, Четыре Моря (синоним вселенной), Внутренняя Земля, Восемнадцать Областей (по числу провинций Собственно-Китая), Цветущая Империя, Земля Цветов и пр. Китайцы и себя называют разнообразными именами (Ханджин, т.-е. Люди Хана, Ханцы, т.-е. Дети Хана, Цангджин, т.-е. Люди Цанга и пр. Слова «Хан», «Цанг», «Цин»—названия династий Ю). (Э. и О. Реклю, «Срединная Империя», русск. пер., изд. М. И. Семенова, П., 1912 г., с. 24—25). Отсюда и разнообразие названий этого государства среди европейских народов: русские называют его Китай, а западно-европейцы—China, Chine.

11) Н. Оглоблин, «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа» (1592—1768 г.г.), М., 1898 г., ч. II, с. 121. Ссылка на Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., кн. 254, л. 43 об.

12) Потанин, «Привоз и вывоз товаров г. Томска в пол. XVII ст.» «Вестник Имп. Русск. Геогр. Общ.», т. XXVII, отд. II.

III. Стремление западно-европейских государств к транзиту с Китаем через Россию

Существующая передаточная торговля в Азии, естественно, побуждала западные державы делать попытки к сношениям с Китаем кратчайшим путем через Россию, потому что древние пути через страны Малой Азии и юг азиатского материка были

очень трудны, длинны и опасны, а морские—крайне утомительны и продолжительны; даже открытие в 1498 г. сплошного водного сообщения в восточные страны вокруг Африки не удовлетворило запросов торгового мира Европы.

В поисках наиболее легкого и доступного пути в Китай и Индию, англичане в половине XVI ст. снарядили экспедицию для отыскания сообщения через Ледовитый океан (1). Уже Иовий был убежден (1525 г.), что до Китая можно доплыть через Северный океан (2). Сообщая об этом мнении Иовия, неизвестный современник XVI ст. указывает, что сам «Иван (Грозный) назначил большие награды» тому, кто откроет морской северный путь (3). Англичане в числе торговых льгот получили привилегию для членов своей компании проходить через Россию, Бухарию, Индию и Китай. Швеция также имела право ездить в Индию и Китай (4). Однако, быстрое овладение со стороны англичан русскими рынками и стеснение этим туземных купцов вызвало общее неудовольствие как против них, так и против приезда посла Флетчера, тщетно просившего, между прочим, разрешения на отыскание китайского пути (5). В то время голландцы тоже пытались проникнуть в Китай северным путем (6). В 1604 г. прибыл англичанин Томас Смит (7) и, наряду с другими требованиями, опять просил о свободном пропуске для отыскания дороги в Китай, потому что путь вокруг мыса Доброй Надежды считался длинным. Ему об'яснили, что тогда на Каспийских берегах были жестокие войны, и царь боялся пускать туда англичан, опасаясь за их жизнь (8).

Отказы в разрешении на исследования торговых путей на Восток обусловливались политическими и экономическими соображениями Московского правительства. Тем не менее, эти попытки иностранцев не прекращаются даже после того, когда русские сами вошли в непосредственные торговые сношения с Китаем.

Француз Невилль сообщает (1689 г.), что голландцы способствовали запрещению со стороны русских иностранным купцам изыскивать дорогу сушей через Сибирь в Китай: голландцы опасались, что развитие транзитной иностранной торговли с Китаем через Сибирь подорвет торговлю самих голландцев, которую они производили с Китаем, огибая мыс Доброй Надежды (9). Между тем, Франция даже посылала иезуитов в Китай через Сибирь, как «удобным, безопасным и кратчайшим путем» (10). Поэтому французский миссионер Ф. Авриль собирал в 1686 г. сведения о дорогах в Китай, воспользовавшись данными, сообщенными Спафарием и хранившимися в то время в московских приказах. Авриль искал сухопутного сообщения с Китаем через Астрахань и сибирские области, однако русские не разрешили ему проезда через Сибирь (11).

При Петре же Первом отношение русского правительства к этому вопросу только на словах несколько изменяется к лучшему для иностранцев. Так, в 1697 г. был заключен союзный договор с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III, по которому бранденбургским купцам разрешалось ездить через Рос-

сию в Китайское государство, «чего иных государств доселе и не позволено, как туды едучим, так и назад возвращающимся, пропуск учинить накажет (Петр I), с платежем установной пошлины и звычайного провозу и дани» (12). Однако, этот договор в дальнейшем не имел никаких фактических последствий.

Попытки иностранцев овладеть транзитом через Россию потом не раз еще повторялись (13), но русские не были склонны предоставлять западным державам выгоды транзита, имея в виду, что, при соответствующей предприимчивости русского торгового класса, монопольное обладание этими путями могло обещать большую пользу ей самой.

Впрочем, русская предприимчивость была несколько односторонней: произведя много открытий в области отыскания географических торговых путей, она не умела извлечь надлежащей пользы из уже достигнутого. Так, дьяк Григорий Истома раньше англичан нашел путь на Запад из Белого моря около Норвегии, Афанасий Никитин прежде португальцев был в Индии; казак Дежнев задолго до Беринга открыл пролив между Азией и Америкой (14), но лишь другие европейцы, совершив в свою очередь эти открытия вторично, широко использовали их в интересах европейского торгового капитала.

Обобщая сказанное в настоящей главе, нужно признать, что посредническая торговля между Россией и Китаем должна была существовать, и передача товаров производилась индийскими, бухарскими и другими азиатскими купцами, но эта торговля отличалась чисто случайным характером, была непостоянной и незначительной по своим размерам. Попытки же западных держав установить в XVI-XVII ст. ст. транзит с Китаем через русские владения отклонялись Московским правительством из-за опасения соперничества.

Главной причиной отсутствия прочных связей России с Китаем была дальность их местоположения. Этому также способствовал уровень хозяйственного развития их и обитающих между ними народов. Россия и Китай не достигли в то время той степени промышленного и экономического развития, которая обусловливает собой искание далеких рынков сбыта. Промежуточные же народы, вследствие своей низкой культуры, соответствующих систем государственного управления и частых войн, не способствовали упрочению и росту торговых связей. При этом необходимо учитывать и стоимость транспорта, при котором коммерческие возможности не оправдывали перевозки из Восточной Азии в Восточную Европу и, наоборот, потребных для этих стран ходких товаров. И сношения России с Китаем сделались возможными только тогда, когда эти страны вошли в тесное соприкосновение своими границами.

Конечно, оба государства расширяли свои пределы по причинам чисто внутренним, а не вследствие стремления ко взаимному соприкосновению.

Но последнее явилось невольным следствием первого и повлекло к непосредственным русско-китайским сношениям.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) И. Гаммель, «Англичане в России в 16 и 17 ст.» (статья первая, приложение в VIII т. Зап. Имп. Ак. Наук, кн. I, П., 1865 г., с. с. 1—179; статья вторая, приложение в XV т. Зап. Имп. Ак. Наук, кн. II; 1869 г., с, с. 179—308) W. R. Scott, The Constitution and Finance of Englisch, Scottisch and Irisch Joint-Stock Companies to 1720, Vol. I, II, Cambridge 1910, 1912. Инна Любименко, «История торг. сношений Рос. с Англией», вып. I, Юрьев, 1912 г., с. с 7, 9.

2) С. Герберштейн и Иовий Новокомский, перев. А. Малеина, 1908 г., П, с. 262.

3) «Донесение о Московии второй половины XVI века», Чтения И. О. И. и Др., 1913 г., кн. II, с. с. 21, 43, 44.

4) Н. Костомаров, «Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII ст.», изд. II, П., 1889 г., с. с. 19, 38.

5) Флетчер «О государстве Русском», П., 1905 г. Карамзин, «История Государства Российского», X, с. 122.

6) О плавании двух голландских кораблей в 105 г. (1597 г.) «для изыскания пути мимо Новые Земли в Китайское государство, оттуду к Восточной Индии», Чтения И. О. И. и Др., 1895 г., IV, смесь, с. с. 3—5 (дополнение к документу, напечатанному в Чтениях 1893 г., смесь, с. с. 13—14).

7) Смит Томас, «Путешествие в Россию послом 1604—1605 г. г.», пер. Болдакова П., 1893 г.

8) Карамзин, «История Государства Российского», XI, с. 47.

9) «Записки де-ла-Невилля о Московии 1689 г.», перев. Брауде, «Русская Старина», т. 72, 1861 г., ноябрь с. 279.

10) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, столбец 1185 (французская грамота 1688 г.).

11) О приключениях Филиппа Авриля у Пирлинга П., «Исторические статьи и заметки», П., 1913 г., с. 125 и след. «Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные мис. Ф. Аврилем в Москве в 1686 г.», «Русский Вестник», 1842 г., № 4.

12) «Письма и бумаги импер. Петра Великого», т. I, П., 1887 г., с. 176.

13) Проект об отыскании морского пути от Архангельска в Китай в приложениях у П. А. Остроухова, «Англо-Русский торговый договор 1737 г.» (Очерк по ист. рус. торговой политики на основании архивных источников), П., 1914 г. (Труды студентов экономического отделения СПБ Политехнического Института Петра Великого, № 13). Римский папа в июле 1707 г. просил у Петра I разрешить «вольный проход даже до самой Хивы послом его». Но еще раньше в инструкции Куракину от января этого года было приказано об'явить папе, что Петр I «всякую свободность к пропуску миссионеров в Китай и в Персию готов явить». В дек. 1706 г. император Иосиф благодарил Петра Первого за разрешение миссионерам свободно проезжать в Китай. «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. VI, П., 1912, с. 258, т. V, П., 1907 г., с с. 395, 418.

14) Замысловский Е., «Герберштейн и его историко-географ. известия о России», П., 1884 г., с. с 98, 115. Н. Костомаров, «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст.», П., 1889 г., с. 51.

ГЛАВА II

ПОПЫТКИ РОССИИ К НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ СНОШЕНИЯМ С КИТАЕМ

I. Значение завоевания Сибири для русско-китайских сношений

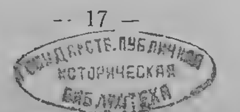
Основным поводом, обусловившим продвижение в Сибирь и занятие ее послужило стремление завладеть новыми областями, где можно было получить драгоценные меха, составлявшие важнейший предмет московской торговли и уже исчезавшие в прежних местах пушного промысла; этому неизбежно сопутствовало желание проведать, с целью наживы, о неизвестных «землицах», где не встречался систематический энергичный отпор, жажда; в связи со стремлением обогатиться за счет чужого труда, боевых подвигов и удовлетворения военно-грабительских наклонностей, столь присущих свободно организующимся военным отрядам, для которых война была средством к жизни; к этому еще присоединилось и стремление к свободе поступков, к возможности скрыться в новой обстановке от прежних невыгодных условий жизни и почти бесконтрольно хозяйничать в этой великой «золотой» стране, населенной преимущественно беззащитными туземцами, в большинстве случаев безропотно выплачивающими налагаемые на них дани (ясак).

Что собою представляла Сибирь—в течение долгого времени не знали (1), но интерес к этой стране, обильной пушным зверем, несомненно, проявлялся в попытках проникнуть в ее пределы. Однако, пока существовало Казанское Царство, оно препятствовало этому. От 1475 г. летописи сохранили известие, что 40 устюжских купцов поехали с товарами в Тюмень, но были убиты казанскими татарами (2). Иоанн Васильевич как бы положил начало завоеванию Сибири, отпустив пленных вогульских князей, и этим, обязав благодарностью сих князей и народы, первый поставил ногу сообщения, а потом и покорения всей Сибири» (3). Но решительное покорение этой страны в действительности связано с именем Ермака, которого благодарный летописец лестно аттестует (отражая до некоторой степени то значение, какое придавал этому приобретению московский торговый капитал): «вельми мужествен и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадой и власы, прикудряв, возраст средний и плоск, плечист» (4).

Перевалив через Уральский хребет, с одной реки переходя на другую, руские завладевали новыми и новыми землями. Сибирские реки, тянувшиеся через необозримые, непроходимые, покрытые девственными лесами равнины и хребты, были первыми дорогами для туземцев еще до пришествия русских. Русские, начиная с Ермака, воспользовались этими же путями и таким способом знакомились со страной; те же водные пути привели их к Китаю. Реки поддерживали сношения передовых отрядов с метрополией, доставляли им военные снаряды и товары. «Кто будет володеть реками, тот будет володеть всёю страною»,—писал Крижанич. Эти же реки послужили опорными пунктами и местами для основания городов (5).

Первым городом, основанным в Сибири, можно считать Тюмень, который был построен в 1586 году на месте города Чингий, близ слияния Туры и Тоболя; а в 1587 г. был основан Тобольск (6). Отсюда с удивительной быстротой и легкостью казаки рассыпались по всей Сибири, основывая повсюду города (7): в 1604 г. заложен Томск, в 1618 г. поставлен Енисейск (8), в 1632 г.—Якутск, в 1647 г.—Охотск (9), в 1651 г—Иркутск (10). Осталось построить города на Амуре, о котором русские впервые услыхали еще в 1636 г. от томских казаков, посланных об'ясачить тамошних тунгусов (11). Эти тунгусы, по Страленбергу, не являлись сами первыми туземцами страны: ими были или татары, или монголы, которые из других земель пришли сюда (12). В 1658 г. Афанасий Пашков основал тут Нерчинск (13). С ним был знаменитый протопоп Аввакум (14), который составил талантливое описание Амурского края, его природы и бедствий, которые должны были переносить первые русские насельники (15). В 1665 г. Никифор Черниговский построил острог Албазин (16), из-за которого потом было так много неприятностей с Китайской Империей. Во второй половине XVII в. казаки, собирая ясак, первые дошли до Великого Океана, увидели, что Сибирь и Китай омываются им, и первые сообщили своим землякам, что между Азией и Америкой есть пролив, соединяющий Великий и Ледовитый Океаны (17). Таким образом, об этом проливе знали еще до Миллера, который ошибочно думал, что ему первому принадлежит честь сообщения о существовании этого пролива (18).

Так постепенно, но неудержимо и быстро, если принять во внимание громадные пространства и первобытные пути сообщения, распространялись русские по Северной Азии. Однако, не все одобряли подобное колониальное занятие сибирских земель. Русское правительство имело слишком много дела у себя дома, чтобы реально поощрять эти завоевания колоний, но оно и не препятствовало стихийному продвижению. Зато автор «Русского государства в половине XVII века» был очень недоволен, что «за наших времен безпречно ся обретают люди, кои подают думы об Сибири и советуют тамо закладать новые остроги и чинить все дале и дале»; от этого, дескать, проистекает вред, потому что в самой метрополии редеет население, т. к. проис-

ходит «много высылание людей на пасады» в Сибирь (указание на правительственную колонизацию завоеванных мест), а также «корзенная казна, какая из Сибири приходит, тако ся умножила, что ей ся есть цена снизила», т.-е. произошло в России понижение цен на меха (19).

К XVIII стол. относится начало освоения Россией земель уже в Средней Азии, но полностью присоединенной к России только в XIX стол. (20).

Параллельно с занятием Сибири проявляется стремление установить связь с новыми соседями, и, чем больше проникали русские в Сибирь и крепче в ней осаживались, тем оживленнее становились сношения с Китаем; но прочно эти сношения установились лишь тогда, когда русские земли подошли ближе к китайским и, таким образом, исчезли те препятствия, какие ставились дальностью расстояния и противодействием самостоятельных сибирских племен. Пустыни же Гоби (Шамо) и горные хребты не служили преградой для сообщений; их преодолевали как русские посольства, так потом и караваны, стремясь в Китай (21).

С другой стороны, и расширение границ самого Китая способствовало, автоматически, через территориальное сближение возникновению сношений с Россией. Все более и более заинтересовывались своим соседом и русские, проявляя желание непосредственно разузнать, что он собою представляет, и завести с ним торговлю.

Итак, расширение границ России и Китая, более интенсивное в первое время (XVII ст.) со стороны России, привело к началу непосредственных дипломатических и торговых сношений между обоими государствами; временем оформления сношений нужно считать половину XVII века, или, точнее,— 1653 г., т.-е. год отправки в Китай при Алексее Михайловиче послом Байкова; попытки же к этим сношениям были положены еще в начале того же XVII столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Об имени «Сибирь»—В. С. Иконников, «Опыт русской историографии», т. II, Киев, 1907 г., с. 1291, прим.

2) М. Чулков, «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящаго и всех преимущественных узаконений по оной государя импер. Петра В. и ныне благополучно царствующей государыни импер. Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым», Москва, Универс. Типогр., у Новикова, 1781—1788 г. г., кн. II, ч. II, с. 5.

3) Щербатов, «История России», 1783 г., т. IV, ч. II, с. 207.

4) Ремезовская летопись, «Сибирский Вестник», ч. IX. А. Круссеров, «Ермак и его походы в Сибирь», «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1882 г.

5) Н. Ядринцев, «Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях», изд. II, 1882 г., с. 74.

6) Сиб. летопись Есипова, «Сибирский Вестник», 1824 г., т. I, с. с. 159—160. См. «Тюмень в XVII ст.» (собрание материалов со статьями прив.-доц. Головачева), Москва, 1903 г.

7) П. Буцинский, «Заселение Сибири и быт ее первых насельников», Харьков, 1889 г., разн. стр. Е. Замысловский, «Занятие русскими Сибири» (речь общего содержания), «Журнал Мин. Нар. Просв.», 1882 г., октябрь. П. Небольсин, «Покорение Сибири», П., 1849 г. Г. Катанаев, «Западно-сибирское служилое козачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии», П., 1908 г., вып. I. Н. В. Турчанинов, «Города Азиатской России», «Азиатская Россия», П., 1914 г., т. I, с. с. 285—360.

8) Описание г. Енисейска, «Сиб. Вестник», 1824 г., т. IV.

9) «Азиатская Россия», П., 1914 г., т. I, с. 346.

10) «Первое столетие Иркутска» (сборник материалов со статьями пр.-доцента П. М. Головачева), П., 1902 г.

11) «Первые русские поселения на Сибирском Востоке», П. Шумахер, «Русский Архив», 1879 г., с. 1.

12) «Das Nord und Ostliche Theil Europa und Asia.... Filipp Strahlenberg», Stockholm, 1730, S. s. 51, 135, 423—424.

13) (7159). «Сибирские летописи», изд. Импер. Археограф. Комис., 1907 г., с. 389. От Байкала-моря до Нерчинского острогу, *первого Даурского*,—2 недели лошадьми (Там же). Андриевич, «История Сибири», ч. I, с. 85.

14) Автобиография Аввакума в «Материалах для истории русского раскола», изд. Субботина.

15) «Первые русские поселения на Сибирском Вост.», П. Шумахер, с. с. 25, 35—36.

16) Бантыш-Каменский, «Дипл. собрание дел...», с. 22, прим. Основание Албазина также приписываетси Ерофею Хабарову.

17) «Повествование о Сибири, пер. с латин. рукописи XVII ст.», (1680—1681 г.) (Юрия Крижанича), «Сибирский Вестник», 1822 г., XVIII, с. 242.

18) «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1758 г., январь, с. 8.

19) «Русское государство в пол. XVII ст.», изд. Безсонова, 1859 г., разд. 49, с. 93, разд. 51, с. 122.

20) При Петре Великом полковник Бухгольц в свой поход (1714—1716 гг.) на Яркенд построил крепость Омск (1716 г.). Во время похода Лихарева построены крепости: Семипалатинск (1718 г.) и Усть-Каменогорск (1719). При Анне Иоанновне киргизы Малой Орды (к востоку от р. Урала) и Средней Орды (бывш. Тургайская и Акмолинская области), теснимые джунгарами, подчинились России, но их земли лишь номинально были присоединены к Российской Империи, потому что фактически русская оборонительная пограничная линия до 1810 г. шла от устья реки Урала по ее течению вверх (крепость Оренбург), к ее истокам, оттуда направлялась к востоку через крепость Петропавловскую («Св. Петра и Павла») (1756 г.), гор. Троицк к крепости Омск, оттуда по р. Иртышу на юго-восток к крепости Семипалатинской и Усть-Каменногорской. В 1798 г. Оренбургская линия была более обезопасена новыми правилами службы гарнизонов. Она была тогда разделена на 5 дистанций: от Усть-Уйской крепости до: 1) Верхне-Уральской, 2) Орской, 3) Оренбургской, 4) Урала и 5) Гурьева. (С. Середонин, «Исторический очерк завоевания Азиатской России» в издании «Азиатская Россия», т. I, П., 1914 г. Кн. В. И. Масальский, «Туркестанский край», т. XIX, изд. А. Девриена «Россия», П., 1913 г. A. Krausse, «Russia in Asia record and study 1558—1899», Second Edition, MCM, London. М. Терентьев, «История завоевания Средней Азии», П., 1906 г., т. I. Архив Государственного Совета, т. II, с. с. 671 и след., П., 1888 г.

21) Н. Ядринцев, «Сибирь, как колония...», 1882 г., с. 85.

II. Разведки Московского правительства о Китае в XVI ст.

Сибирские воеводы первые пустились на разведки о Китае. Они «имели власть отправлять в порубежные государства и земли посольства, которой часто злоупотребляли» (1). Осуществление этого права воеводами,—причем они для усиления своего авторитета говорили от имени русского правительства,— и вносит ныне в известия о первых русских сношениях некоторую неясность.

Первое известие о путешествиях русских в Китай имеется у нас от второй половины XVI века. Карамзин сообщает, что само Московское правительство, в лице И. Грозного, послало в 1567 году Ивашку Петрова с Бурнашем Ялычевым разведать о Китайском царстве, и они вывезли описания своего путешествия (2). Но в данном случае Карамзин был введен в заблуждение составителями хронографов, которые ошибочно приписали описание путешествия Петлина, совершонное им в 1618 г., Петрову, с указанием на 1567 г. (3). Однако, для того, чтобы отрицать возможность намерения со стороны И. Грозного разведать о Китайском царстве, у нас нет положительных данных. Дженкинсон, беседовавший с Иоанном, мог сообщить ему о своих впечатлениях, вынесенных им из поездки в Самарканд, где он слышал о дороге в Китай и о китайских караванах, приходивших в Самарканд (4). Неизвестный автор одного донесения второй половины XVI века, сообщая об уверенности Иовия, что до Китая возможно доплыть северным морским путем (5), от себя говорит, что «Иван (Грозный) назначил большие награды» для открытия этого водного пути (6). Тем не менее, достоверных данных о попытках русских сноситься в XVI в. с Китаем мы все-таки не имеем.

Только с XVII века начинаются официальные сношения с Китаем. При этом первоначально наблюдается стремление завязать сношения через соседние страны монголов, издавна сносившихся и торговавших с Китаем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Миллер, «Ежем. соч.», 1755 г., с. 15—«О первых рос. путешествиях и посольствах в Китай». Н. Оглоблин, «Сибирские дипломаты XVII в.». «Исторический Вестник», 1891 г., кн. 10.

2) Описание путешествия, приписываемого Петрову в 1567 году, находится в разных хронографах. Впервые оно напечатано Карамзиным (т. IX, прим. 648). В «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» Анд. Попова, оно издано по хронографу 17 века. И. Сахаров поместил в 1849 г. в своих «Сказаниях русского народа», т. II, кн. VIII, с. 183—186, текст списка толстовского, хранящегося в Петр. Публ. Библиотеке.

3) Почему путешествие Петрова нужно считать не подлинным, а списанным с путешествия Петлина, видно из следующих соображений:

1) Описание Петрова прямо начинается с Монголии, без упоминания о Сибири, которая в 1567 г. еще не была подчинена русским. Такой переход в устах путешественника, для которого Сибирь должна быть

совершенно новой страной, является странным. У Петлина же неупоминание о Сибири вполне понятно, потому что в его время (1618 г.) Сибирь была давно завоевана русскими, и он сам в ней жил.

II) Слова в устах Петрова, «что монголы орут плугами и сохами, как у тобольских татар», непонятны, потому что Тобольск был основан лишь в 1587 г., а путешествие Петрова значится под 1567 г. Подразумевать же под «тобольскими татарами» население, живущее по р. Тоболу, нельзя, так как они тогда были бы скорее названы «сибирскими». У Петлина же эти слова вполне естественны.

III) Точно также в 1567 году нельзя было выразиться: «кутухт—понашему патриарх», как встречаем в описании Петрова, потому что тогда еще не было учреждено русское патриаршество.

IV) В описании путешествия Петрова 1567 г. прямая речь сменяется косвенной, причем косвенная речь явно обнаруживает, что она является позднейшими вставками, так как в них в третьем лице упоминается Иван Петров и Бурнаш Ялычев, как посланники Иоанна Грозного. Если бы это описание составил Петров, он бы не упоминал о себе в третьем лице, нарушая тем свою прямую речь. Описание же Петлина везде сохраняет характер прямой речи, и упоминание в двух местах о Петрове, как о третьем лице, вполне естественно с его стороны.

V) Все, что есть у Петрова, есть у Петлина, но у Петрова нет многого, о чем говорит Петлин. При этом сведения Петрова кратки, сжаты и неполны в ущерб даже ясности изложения. Данные же Петлина более подробны, не столь отрывочны и более ясны. При сравнении отдельных фраз это легко заметить: напр., у Петрова—«крица в 53 рубля», а у Петлина по одной редакции—«крица в 50, 5, 3, 2 рубля и в гривну», и по другой—«крица по пятидесять рублев и по два рубля и по три».

VI) Если бы оба описания были самостоятельны и одно относилось к 1567 г., а другое—к 1618 г., то, при таком большом промежутке времени между ними, следовало бы ожидать различия в именах лиц, упоминаемых в описании, а то выходит, что в течение почти полустолетия в Монголии и Китае правили одни и те же лица, чего в действительности не было.

VII) Если бы Петлин списал путешествие с Петрова, он постарался бы не упоминать в своем рассказе имени Петрова: «Иван Петров сказывал, в коем озере самоцветен камень»; «А то солгано, что кутуфта умер... да и опеть ожил,—то враки Ивана Петрова».

VIII) Иван Петров действительно жил, но только во времена Петлина, а не в 1567 г. Об этом именно Иване Петрове сохранились архивные данные, и о нем именно упоминает в своем описании Петлин. В 1616 г. атаман В. Тюменец и десятник Ив. Петров были отправлены к Алтыну-хану «проведывать китайское государство», но так как они оба были неграмотны, их речи о совершонном ими путешествии были записаны в Посольском Приказе (см. дальше, статью III этой же главы, прим. 3).

IX) В Моск. Гл. Арх. Ин. Дел сохранился статейный список посольства Петлина, отписка воеводы о его посольстве и его показании («Дела монгольские» 1618 г.). Но нигде не сохранилось архивных известий о посольстве Петрова в Китай в 1567 году. Нет об этом и летописных записей.

X) Составители хронографов XVII века, воспользовавшись описанием Петлина монгольских и китайских земель, но, не зная, кем именно оно составлено, приписали его Ивану Петрову, имя которого дважды встречалось в тексте самого описания. (Только в одном сборнике Акад. Наук находим такую редакцию: «А то про них солгал Василий Тюменец да Иван Петров, что ходили к Алтыну-царю да сказали: кутохта де в земли пять лет лежал да ожил». Ф. И. Покровский, «Путешествие в Монголию и Китай сибирского козака Ивана Петлина в 1618 г.—Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 году». П., 1914 г., отдельный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. Наук», т. XVIII, 1913 г., кн. 4).

Составлено ли описание путешествия Петрова и Ялычева с предвзятой целью или бессознательно,—неизвестно, но факты, говорящие о возможности составления вымышленных статейных списков, наблюдались в

русской жизни. Так, томский воевода кн. Щербатой в 1651 году (159 г.) обвинял томского казака Василия Бурнашева, будто он выдумал «воровские речи» князца белых калмыков о злоупотреблениях кн. Щербатого и внес их в свой статейный список (157 г.) [Н. Оглоблин, «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа», М., 1895 г., ч. I, с. 189. См. также «Вымышленные статейные списки посольства А. Ищеина и З. И. Сугорского» (1570 и 1576 гг.),«Памятники Древней Письменности», 1883 г., XLI].

Вслед за Карамзиным и другие признавали подлинным мнимое путешествие Петрова. Так, М. Венюков («Очерк старых и новых договоров России с Китаем», П, 1861 г., с. 4) полагал, что Петров и Ялычев в 1567 г. «привезли первые известия о Китае... даже Пекин был посещен ими», но «первое наше посольство (было) в 1654—1656 гг.». (То же высказано в статье «Наступательное движение России в северной и восточной Азии», с. 68—135, помещенной в книге: «Россия и Восток. Собрание географических и политических статей М. Венюкова», с. 117). В портфеле Малиновского 3, д. 64, 1567 г, сделана выписка из архивной летописи: «В 7075 году по указу государя, царя и в. кн. И. Васильевича всея России послан атаман за Сибирь проведывать земли Иоанн Петров да Бурнаш Алычев и вывезли роспись Китайскому государству и Мугальской Земли» (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел).

4) «Изв. англ. о России». Чтения И. О. И. и Др., 1884 г., кн. IV, с. 52,

5) Герберштейн и Иовий Новокомский, пер. А. Малеина, П., 1908 г., с. 262.

6) «Донесение о Московии второй половины XVI в.», пер. В. Огородникова, Чтения И. О. И. и Др., 1913 г., II, с. с. 21, 43, 44.

III. Посылка Белоголова в 1608 г., Тюменеца и Петрова в 1616 г.

В 1608 г. томский воевода В. В. Волынский узнал от двух киргизских князьков, что до монгольского царя Алтына-хана (Золотого царя) один месяц ходу, а от Алтына до Китайского государства три месяца ходу, «а на дворе де у Китайсково государя палаты каменные... и приходят де из многих земель с торгом к нему... привозят де к нему всякие узорочья из многих земель». Воевода Волынский отправил тогда «в Китайское государство томских казаков конных—Ив. Белоголова» с товарищами, в сопровождении упомянутых киргизских князьков, обязавшихся проводить русских через земли Алтына. Но в следующем году они вернулись, заявив, что не могли пройти к Алтыну, потому что черные калмыки выгнали его из своих земель (1).

Эта неудача в проведывании Китая, конечно, не могла остановить русских в совершении дальнейших попыток в этом направлении, но только спустя восемь лет после этого, именно в 1616 г., по грамоте из Казанского Дворца, было отправлено тобольским воеводой И. С. Куракиным к тому же Алтыну-хану русское посольство «проведывать Китайское государство».

Посольство состояло из атамана тарского города Василия Тюменеца и литовского десятника Ивана Петрова. С ними была послана для раздачи подарков киргизским князькам и Алтыну государева казна с 2-мя целовальниками из торговых людей и с служилыми людьми, всего было их 12 человек. Алтын-хан присягнул тогда московскому царю, но это не помешало ему потом изменять и снова присягать (2). Тюменец и Иван Петров видели на хане

китайские азями и камки и, очевидно, первые из русских, пили чай. «А будучи он в земле у Алтына-царя, проведывал про Китайское и про иные государства...». Сведения, полученные ими здесь, были очень интересны. Они узнали, что Китай лежит от Алтын-хана на месяц ходу и расположен на морской губе, куда приходят «морем суды великие на парусех с многими дорогими товари», что в Китае нет больших гор и рек, есть пищали, пушки, платье бархатное, атласное, камчатое, киндячное, зенденное и между Китаем и монгольскими владениями происходят сношения и ходят купцы.

Расспросив о Китае и тем достигнув цели своего посольства, Тюменец и Петров в том же году вернулись в Тобольск, а оттуда отправились в Москву, где их показания были записаны в Посольском Приказе (3).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Русская Историческая Библиотека», 1875 г., т. II, с. с. 188—191, отписка 1609 г. царю томского воеводы. Ф. Покровский, «Путешествие в Монголию и Сибирь сиб. казака Ив. Петлина», П., 1914 г., с. с. 9, 10. «Ежемесячные сочинения», 1755 г., июль. Архив Конференции Академии Наук, бумаги Миллера, обертка с переводом сиб. истории: «История Сибирская, глава седьмая» (четко и крупно написанный экземпляр), § 45—47 (из Томского Архива, кн. I, № 8). В январе 117 г. (1609 г.) томские казаки Бурнашко Никонов с товарищами ходили в киргизы за государевым ясаком (Академия Наук, Рукописное отделение I отделения библиотеки, бумаги Миллера, Томский Архив кн. I, л. 37).

2) Присяжный лист, данный Алтыном-царем (Кункачеем) царю Михаилу Феодоровичу в 1633 г.—«Исторические акты XVII ст.» (1633—1699 г.), «Материалы для истории Сибири», вып. I, собрал и издал Ин. Кузнецов, Томск, 1890 г., с. 1. Там же, с. 4, - Роспись жалования Алтыну-хану 1633 г.

3) Моск. Гл. Арх. Ин. Дел, дела монгольские, 10 мая 1616 г. Академия Наук, Рукописное отдел. I отд. библ., бум. Миллера, Томский Архив, кн. I, л. л. 51—54 об. (расспросные речи 15 дек. 1616 г.). Путешествие Тюменеца и Петрова изложено Ю. А. Арсеньевым в издании—«Путешествие Н. Спафария через Сибирь», введение (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отд. Этнографии, т. X, в. I, 1882 г.). В. Андриевич, «История Сибири», ч. I, П, 1889 г., с. 119, приложение № 1 на с. с. 206—208; донесение Тюменеца и Петрова. Ф. И. Покровский, «Путешествие в Монголию и Китай сибирского каз. Ивана Петлина в 1618 г.» (мнимое путешествие атаманов Ив. Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.), П., 1914 г. (отд. оттиск из «Известий отделения русск. языка и слов. И. Ак. Н.», т. XVIII, 1913 г., кн. 4), с. с. 14—26.

Весьма важно отметить обстоятельство, что в текст расспросных речей Тюменеца и Петрова была включена Посольским Приказом следующая справка (Ф. И. Покровский, с. с. 13—19, прим.):

«А в государеве наказе, каков им дан в Тобольску от боярина и воеводы от князя Ивана Семеновича Куракина, с товарыщи, написано: —Велено им посольство править и речь говорить и поминки подать от боярина от князя Ивана Семеновича Куракина, а не от государя. А речью атаман Василей и десятник Иван в Посольском Приказе говорили, что отпущены они к Алтыну царю от государя с Москвы, и у государя у руки были, а они потому и говорили у Алтына царя в земле, называли себя посланниками от государя; а почему им таков наказ дал князь Иван Куракин, и они того не ведают, потому что нихто из них грамоте не умеет».

«А в нынешнем же во 125-м году декабря в 31 день, по отписке ис Тоболска же боярина князя Ивана Семеновича Куракина с товарыщи,

послан к ним государев и боярской приговор с Литвином с Томилком Петровим да с Астороханским с конным казаком с Ывашком Куницыным, а велено им ссылатца с Колматцкими людми и приводити их под государеву руку, чтоб они были под государевой рукой, а с Китайским государством и с Алтыном царем ссылатися им не велено, до тех мест, покаместа об них подлинных вестей проведают».

IV. Посольство Петлина и Мундова в 1618—1619 гг.

Главным результатом посольства 1616 г. было из'явление Алтыном-ханом согласия проводить русских послов в Китай. Вместе с Тюменецом в Москву прибыли в 1617 г. послы от Алтын-хана, вернувшиеся из Москвы в Тобольск в 1618 г. Здесь, в Томске, к ним просоединились русские послы, отправлявшиеся в Китай. «Тобольский воевода князь Ив. Сем. Куракин, по словам Фишера, вздумал наведаться об обстоятельствах сей земли не через чужие известия, но через искусство своих сограждан», и послал казака Ивана Петлина (1). Петлин был толмачом и, как таковой, очевидно, был грамотный. С ним поехал в товарищах Андрей Мундов (Мадов), а также Пятунка Кизылов. Куракин послал их «провожать послов, что присланы ко государю от Алтына царя, и проведать велел им про Китайское государство». Из этих слов, принадлежащих Петлину, видно, что они не были посланы от московского царя, а только от воеводы. Поэтому они и не имели царской грамоты и поминков к китайскому богдыхану. Это об'ясняется тем, что прежде, чем послать в Китай официальное посольство, русскому правительству необходимо было первоначально «проведать Китай», узнать, что он собою представляет, т.-е. «покаместа об них подлинных вестей проведают» (2).

Русские послы отправились из Томска 9 мая 1618 г. и вернулись в Томск весной 1619 г. о Тройцыне дне, действительно, побывав в Китае и составив описание своего путешествия.

В этом описании подробно рассказывается о монгольской области,—какие там города, сколько до них ходу, какая почва, религия, жители, их занятия; упоминается о монгольской «женщине»-княгине, дававшей пропускные грамоты с печатью в Китай, без которых туда нельзя было пройти. Особенно много внимания уделяется торговле: «А до моря от Болшево Китая, сказывают, 7 дней, а корабли де под Китай под Болшей под стену не ходят за сем ден; ходят де под Китай в малых судах, в гиняках, с товары, а те товары царь Тайбун (т.-е. богдыхан) росылает по всем китайским городам. А и с китайских городов тот товар пойдет за рубеж, в Мугальскую землю к Алтыню царю, и в Черные Калмаки, и в ыные во многие государства и в улусы, к Железному царю в Шар-город, под Бухары. А от рубежа с тем товаром ездят из Ортурсково государства, кутуфты и лобы, и ис Кигайсково, и ис Желтых Мугалов, от Манчикатуто, Китайские люди и Манчинакатутины люди со всякими товары: з бархаты, и с отласы, и с кам-

ками, и серебром и с барсы, и с ырбызы, и с черными зенденми, да покупают на тот товар лошади; а с лошади идут в Китайское государство, а ис Китайсково идут за море в Манцы, а по нашему—Немцы. А серебро у них крицами: крица по пятьдесят рублев и по два рубля и по три; по нашему рубль, а по их—лян» (3).

Петлин и Мундов, однако, не были допущены к богдыхану на аудиенцию: «А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали, потому что итти к царю не с чем.—А у нас де в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашего Тайбуна не ходят. Хотя бы с вами, первыми послами, царь Белой послал нашему царю Тайбуну что не великое: не то дорого, что поминки,—то дорого, что Белой царь ко царю дары послал, инобы де наш царь вашему царю с своими послами противо так же послал, да и вас бы де послов пожаловал да отпустил, и на очи бы де свои пустил; толко де царь наш даст вам грамоту к вашему царю» (4).

Невольно сопоставляется с этим грамота, или первый китайский лист, который был прислан в Россию ок. 1619 г. Содержание этой интересной грамоты следующее:

«Валли, китайский царь; из Руси приехали два человека (5), и Валли, китайский царь, говорил им, русским людям: с торгом приходите и торгуйте; выходите и опять приходите. На сем свете ты—великий государь, и я царь не мал; чтобы между нами дорога чиста была, сверху и снизу ездите, и что доброе самое привезете, и я против того камками добрыми пожалую вас.... А мне к вам, великому государю, своих послов послать нельзя, что путь дальной и языка не знают; и от меня к вам, великому государю, челобитье, бью челом тебе, великому государю. Только бы к тебе, великому государю, моим послам путь был, и я бы к вам прислал своих послов. И я по своей вере царь ни сам из государства не выезжаю и послов моих и торговых людей не выпущаю» (6).

Однако, эта грамота была переведена только в 1675 г., вследствие неимения в Тобольске переводчика. Если эта именно грамота была дана богдыханом Петлину и Мундову, то посольство встретило хороший прием и торговало. Но возникает вопрос, насколько точен перевод грамоты, и, кроме того, будет более вероятным полагать, что грамота эта была отправлена каким-нибудь монгольским ханом или князьком, а не богдыханом (7).

Из путешествия в Китай Петлина Московское правительство не извлекло практических выгод. Как видно, оно не видело пользы от торговли с Китаем и Монголией, а только неприятности, тем более, что послы Алтына-хана просили тогда прислать ему «мастеров, которые делают пищали и порох», «платно золотное и с серебром», сукна, доспехи, оружие и драгоценные камни, т.-е. именно те товары, в которых нуждалось само русское правительство.

Вследствие этого томским воеводам в 1620 г. было указано: «А вперед бы есте с Алтыном-царем и с китайским и

мугальским государством без нашего указу ни о чем ссылки не держали, потому что те государства далные, и торговым людем ходити от них в наши государства далеко, а Алтын-царь —кочевные орды, люди воинские, а нашим государствам прибыли от них, окроме запросов, никакие нет, и вперед не чаяти. А разведывали б есте про те государства всяких вестей против прежнего нашего указу, как о том писано от нас наперед сево в Тоболеск, к боярину нашему и воеводе, ко князю Ивану Семеновичу Куракину; да и ныне от нас в Томской город, к боярину и воеводе к Матвею Михайловичу Годунову да к дияку к Ивану Шевыреву писано же, что вперед им с Алтыном-царем и с китайским и с мугальским государствы о послех ссылатца не велено». Если бы из Китая и Монголии пришли в Томск послы и воеводы узнали, что от них будет «государствам нашим прибыль», воеводы должны были сообщить об этом в Москву и ждать указа, что делать; если бы послы пришли только с просьбой о военной помощи и с другого рода «запросами»,—не дожидаясь указа, отказывать им и отправлять немедленно обратно, строго смотря, «чтобы они Сибирские земли не рассматривали» (8).

Изложенное ясно указывает на стремление Московского правительства сноситься с другими странами только при условии получения выгод для России, а так как в то время русские границы были еще далеко от китайских, и само русское государство было занято после периода «смутного времени» сложными внутренними делами, ему, разумеется, не было времени заниматься новыми начинаниями в далекой Азии.

Но что русские «дошли» до Китая, этим московские послы уже величались в Швеции в 1618 г. (9).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Известие взято из Томского архива. Фишер, «Сиб. История», кн. II, с. 268. Палладий, «Заметки о путешествии в Китай казака Петлина», Записки Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ., VI.

2) См. выше гл. II, статью III, примеч. 3, о государевом и боярском приговоре декабря 1616 г.

3) Относительно встречаемого в этом описании названия «Манцы» следует указать, что и вогули, как и остяки, называют себя «манзи». (Е. К. Огородников, «Волжский бассейн по книге Большого Чертежа», «Зап. Импер. Русск Геогр. Общ.», по отд. Этнографии, т. IX, с. 55, П., 1882 г.). Как выше сказано, сами китайцы называют себя «Ханцзы» (гл. II, ст. II), а также «Мань-дзы» (Бантыш-Каменский, «Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами», с. 2). В отношении тобольского воеводы 1609 г. сообщается, что «Алтын-царь Мугалской, ходу от него от Киргиз месец, а его ясашные люди живут, Матцы, от Киргиз два дня, а от Мат живут до него все его люди...» («Русская Историческая Библиотека», т. II, с. 189). В приведенном показании Петлина «манцы» употреблено в смысле — «иностранцы». Заметим также, что это название созвучно с именем «Мэн-цзы» (371 — 288 г. до р. Х.), знаменитого ученика и главного потом учителя школы самого творца китайской государственно-бытовой философии—религии Кон-цзы (Конфуций); своей славой и авторитетом Ман-цзы затмил имена первых непосредственных учеников Кон-цзы («Иллюстрированная история религий... Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей», русск. перевод, 1899 года, т I, с.с. 63, 81, 82).

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, дела монгольские, дело 1618 г. Первоначально путешествие было напечатано заграницей, но неисправно: «Voyages de la Compagnie de Indes orientals», t. XII, Pierre Bergeron. Библиография—В. С. Иконников, «Опыт русской историографии», т. II, кн. II, Киев, 1908 г., с. с. 1901—1902. Гр. Спасский напечатал путешествие Петлина с примечаниями в «Сибирском Вестнике», 1818 г, ч. II, под заглавием «Роспись китайского государства и по обинскому и иным госуд. жилым и кочевым улусам и великой Обе реки и дорогам». Подлинное же описание путешествия, изданное Спасским, хранится в рукописной книге собрания Фролова в Петр. Публ. Библ. под названием: «Собрание о всяких различных писаниях многих вещей». Ф. И. Покровский по статейному списку Петлина, хранящемуся в Моск. Архиве Мин. Ин. Дел, издал «Роспись..» Петлина и его показания («Путешествие в Монг. и Китай сиб. казака Ив. Петлина в 1618 г.», П, 1914 г., отд оттиск из «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наук», т. XVIII, 1913 г., кн. 4, с. с. 29—39).

Миллер имел в своем распоряжении архивное свидетельство о путешествии Петлина (Томский архив, кн. I, № 60), описывавшее только небольшую часть посольского пути, а именно—от Томска до улуса хана Алтына, а данные об остальном пути он нашел «в иностранных печатных книгах (Путешествие в Индию, ч. 12, Траберживона трактат о мореплавании 46, трактат о татарах, с. 106)». Однако, он считал эти иностранные известия искаженными и «почти негодными». «Я часто сам приходил в то мнение, - писал Миллер,—что Ивашко Петлин сам в Китае, убегая трудной туда дороги, никогда не бывал, но описание свое сочинил по изустному об'явлению мунгальцов, в кочевье хана Алтына, ибо оное от других тамошних странах повестей весьма разнствует». В настоящее время это мнение, как мы видели, должно совершенно отпасть.. (Архив Конференции Акад Наук, бум. Миллера, обертка с переводом «Истории Сибирской, главы седьмой», §§ 57, 58).

5) Петлин 23 сентября 1619 г. о своем посольстве сообщил, что Куракин послал в Китай проведать именно «ево да товарыща ево казака Ондрюшку Мундова», т. е. их было двое (главных) лиц в посылке. Богдыхан «дал им грамоту, и они ту грамоту привезли в Тоболеск, и ис Тоболска та грамота прислана к государю с ними». Нахождение этой грамоты нам неизвестно.

6) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел между рос. и кит. государствами», с. 7.

7) В связи с этой грамотой стоит присылка второго китайского листа-грамоты от 1649 г:

«Китайскаго Валли-хана сын Джу-ханди. При моем отце от великаго государя торговые люди приходили торговать. а ныне от великаго государя торговые люди ко мне не ходят. А как при моем отце великаго государя люди приходили и солнце видали, а ныне при мне не ходят твои люди... Ты мне привез два рога лосиные, и я тебе дал против сего семьсот камок. И ты мне самое доброе привези, и я стану тебя и свыше дарить и к тебе, великому государю, послал из Аба из каменя тридцать две чашки. И твои, великаго государя, послы ко мне приходили три человека, и я тех твоих, великаго государя послов из своего государства до Большой реки велел проводить с честью и послал их проводить днища с 3 000 человек» (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел между рос. и кит. государствами», с. 7).

Хотя бы означенные две грамоты действительно были присланы от китайских императоров к русскому царю, а не к азиатским вельможам, жившим на реке Шингале, как об'яснял в Пекине один иезуит Спафарию, все-таки они не могли достичь цели, так как лежали непереведенными до 1675 года, и только тогда Спафарий, отправляясь в Китай, дал их перевести в Тобольске одному переводчику. (Бантыш-Каменский, с. 7, В. Андриевич, «История Сибири», ч. I, П., 1889 г., с. с. 132, 133. Х. Трусевич, «Пос. и торг. снош. Рос. с Кит.», Москва, 1882 г., с. 8).

8) Ф. Покровский, упом. соч, с. с. 43, 45, 46.

9) К. Якубов, «Россия и Швеция», «Чтения в Имп. О. Ист. и Др.», 1897 г., III, с с. 47—48. Б Курц, «Сочинение Кимбургера о русской торговле в царств. Алексея Михайловича», Киев, 1915 г., с. с. 365, 366, прим.

V. Разведки казаков и события 1620—1653 гг.

Сибирским воеводам после посольства Петлина и Мундова оставалось, основываясь на вышеупомянутых «государевом и боярском приговоре» 1616 г. и указе 1620 г., только «разведывать» о Китайском государстве, и до 1654 года у нас нет сведений о сношениях с Китаем (1). Важнейшая причина этому была та, что в то время, особенно в 1631 — 1649 г., в Срединной Империи происходили большие политические перевороты, закончившиеся воцарением новой династии — манчжурской (2).

Тем временем, однако, пограничные разведки и продвижение казаков на восток продолжались, и русские все ближе подвигались к Великому Океану. В 1630-х годах томский казак Москвитин был послан своим атаманом взять дань с многочисленных тунгусов, что тот и исполнил. Его стоянка была на берегах далекого Охотского моря. По возвращении, его преувеличенные рассказы об амурских богатствах и его похождениях пришлись по сердцу казакам. Очевидно, к этому времени (1638 г.) и относится поход в среду тунгусов енисейского атамана Перфильева (3). В 1643 г. Поярков отправился из Якутска «проведывать народы». Он мечтал совершенно покорить тунгусов по Амуру и требовал для этого 300 казаков, но, не получив их, не выполнил своего намерения. После него отправился на Амур Ерофей Хабаров, нашедший на берегах этой реки 5 крепостей, оставленных населением, и одна из них была Албазин, который Хабаров укрепил (4). Хабаров не раз бывал на Амуре. Этот край назывался тогда Даурией, от имени Дауров, живших по Амуру и его притокам. Этим именем русские также называли места около Нерчинска и Селенгинска (5). Туземцы должны были сильно страдать от казаков, так что сам якутский воевода в наказе, данном Хабарову в 1649 году, напоминал ему не причинять им обид (6).

При таких условиях русские все крепче осаживались на новых местах и ближе подходили к границам Китая. Отвлекаемые обстановкой внутренних войн, китайцы не заметили вовремя приближения русских и были смущены, услышав бряцание казацкого оружия. Они, конечно, не могли спокойно примириться с этим фактом, тем более, что казаки завоевывали и разоряли племена, которых китайцы считали подвластными себе, так как они были убеждены, что не было на свете столь обширного государства, как их (7), и что все остальные народы должны платить им дань (8). Поэтому Китай стал проявлять военные намерения. Русское правительство, которое в лице сибирских воевод время от времени продолжало производить случайные попытки к постоянным непосредственным сношениям с Китаем (9), в свою очередь, было встревожено военными приготовлениями китайцев; но в то же время оно было заинтересовано походами Хабарова, который принес в дар царю 120 сороков соболей и множество лисиц (10). Однако, Хабаров,

вызванный в Москву, был заменен Степановым, который не должен был открывать против китайцев боевых действий (11). Степанов же с трудом мог управлять казаками и при Камарском остроге, куда прибыла двухтысячная китайская армия, он был вынужден с нею сразиться и разбил ее (12). Без сомнения, это заставило Китай еще более насторожиться (13).

В ту пору манчжурская династия утвердилась на китайском престоле и начинала обнаруживать намерения к обратному воссоединению со Срединной Империей отпавших от нее народов. Приближение России к Китаю через области, граничащие с Манчжурией, т.-е. с родиной новой китайской династии, естественно, должно было придать китайской политике особую остроту и чуткость в вопросах продвижения русских и освоения ими новых амурских земель. Но Московское правительство и сибирские казаки не были знакомы с положением дел в Китае и шли по линии наименьшего сопротивления на восток, пока не наткнулись на самое чувствительное место Китая нового образования—Манчжурию и сопредельные с нею области, столь близкие сердцу новых властителей Срединного Царства—манчжур. Этим в значительной мере об'ясняется вся та страстность и настойчивость, которые проявило манчжурское правительство Китая в вопросе об очищении русскими амурских областей. Для манчжурской династии, для тех манчжурских экономических и политических сил, с которыми она была связана, это был вопрос первостепенной важности и национальной гордости; для русских же овладение новыми землями явилось лишь расширением колониальных владений для извлечения из них природных богатств—мехов. Поэтому можно только удивляться, как русские, при таких неравных побудительных стимулах борьбы и притом обладая весьма слабыми силами, могли состязаться столь долгое время с Китаем, бросившим на эту борьбу многочисленные, хорошо вооруженные войска.

Русские, как уже сказано, не представляли себе истинного значения этого столкновения интересов двух государств. Московское правительство и казаки продолжали интересоваться Китаем, как новым рынком для торговли. Еще в 1641 г. они не знали дороги к нему через Амурскую область и расспрашивали о нем у туземцев (тунгусов, брацких людей) (14). Эти туземцы в 1640—1641 г. «рекою Селенгой ходили в Китайское государство; вверх по Селенге по реке 10 дней судового ходу». Даурские пашенные «князцы» плавили (1641 г.) по р. Шилке серебряные руды и покупали на серебро у туземцев соболей. Китайцы же, приходя на Шилку, в свою очередь, покупали у «князцев» соболей на «камки и на всякие товары» и вообще вели торговлю со всеми жителями Шилки (15). Другие даурские «князцы» собирали (1646 г.) ясачных соболей со своих подданных и сами отсылали в Китай менять на серебро, медь, олово, камки и кумачи (16). Если сами китайцы сюда приходили с товарами, а туземцы ходили за ними в Китай, то, есте-

ственно, что в Даурии были (1652 г.) камки, тафты и золотые атласы (17). Казаки, внедрившись в эти страны, несомненно, поставили в известность об этой торговле Москву, и там, еще не зная о последних напряженных политических русско-китайских отношениях из-за Амура, или не учитывая их, решено было отправить в Китай в 1654 г. послом Байкова с целью разведывательной и торговой, но не с примирительной относительно Амура.

Это посольство и нужно считать началом официальных сношений России с Центральной Империей (18).

Таким образом, обобщая сказанное, следует сделать вывод, что попытки к непосредственным сношениям с Китаем начались с XVII века и продолжались до половины этого столетия, но были безрезультатны. Это происходило, в учете географических и политических условий эпохи, от того, что Россия и Китай еще не сблизились пределами своих владений, и только когда Россия, под давлением интересов торгового капитала, распространила свои владения до Амура, а Китай, со вступлением манчжурской династии,—на север, должно было произойти столкновение интересов обоих государств, что и повлекло за собой начало дипломатических сношений, вытекавших уже не из случайных соображений и неопределенных стремлений к наживе, а из выкристаллизовавшейся необходимости и естественного хода событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В 1620 г. (128 г.) из Тобольска были посланы «проведывать Китайское государство» казачий голова Андрей Шарыгин и атаман Вас. Тюменец, ходивший еще в 1616 г. к Алтыну-хану. Они должны были найти водный путь из Кузнецкого острога в Китай, но вернулись, не отыскав его. Во время этого путешествия они были снабжены большим запасом хлеба, но товаров у них не было (Академия Наук, Рукоп. отд., бумаги Миллера, Томский архив, кн. I, л. л. 73–74, № 59. Архив Конференции Академии Наук, бум. Миллера, перевод «Ист. Сиб.», гл. седьмая, § 60). Известия об этом путешествии утратились (Фишер, «Сибирская История», II, с. 269).

2) Фишер, «Сибирская История», с. с. 331, 337. «О начале торговых и государственных сношений России с Китаем и о заведении в Пекине Рос. Церкви и Духовн. Миссии», Спасского Г. в «Сибирском Вестнике», 1822 г., ч. ч. XVIII, XIX.

3) «Исторические и статистические записки о странах, лежащих по Амуру», «Сибирский Вестник», 1824 г. В. Андриевич, «История Сибири», часть I, II, 1889 г., с. 73.

4) «Сын Отечества», 1822 г, Берх—о подвигах боярского сына. Андриевич, «История Сибири», ч. I, с. с. 87—92.

5) Бантыш-Каменский, «Диплом. собр. дел...», с. 3.

6) «Акты Исторические», т. IV, с. 67.

7) «Voyage de Moscou à la Chine par Mr Everard Jsbranots Jdes, Ambassadeur de Moscovie, traduit du Hollandois», издано в «Recueil de voyages au Nord», Amsterdam, MDCCXXVII, t. VIII, p. 213.

8) Эту мысль они выразили по отношению к русским, Петлину и Мундову, в словах: «Не то дорого, что поминки,—то дорого, что Белой царь ко мне дары послал». (Роспись Петлина, с. 38, по изд. Ф. И. Покровского).

9) В 1650 г. для поддержания сношений с Китаем были отправлены Ерофей Заболоцкий с 7 казаками, но сопровождавшие буряты убили их на юге Байкала (Сахаров, «О китайской торговле», «Журн. Мануф. и Торговли», 1857 г, ч. III. В. Андриевич, «История Сибири», ч. I, с. 134).

10) Отписка в 1652 г. якутскому воеводе Дм. Франценбекову Ерофея Хабарова об его походе на Амур и пр. найдена Миллером в Якутском архиве и издана в «Дополнения к Актам Историческим» т. III, с. 359.

11) Отписка Онуфрия Степанова 1654 г. об его делах на Амуре после от'езда Хабарова, разысканная Миллером в Якутском архиве, издана в «Допол. к Акт. Ист», т. III, с. 523.

12) В. Андриевич, «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г.», П., 1887 г., с. с. 33—35. Андриевич, «Ист. Сибири», ч. I, с. с. 93—94.

13) Еще до Степанова в 1653 г. был послан Третьяк Чечигин с несколькими казаками, но они погибли от оружия одного из амурских племен. Степанов потом нашел их вещи. (И. Фишер, «Сибирская История с самого открытия Сибири до завоевания сей земли росс. оружием», П., 1774 г., с. 616). «Выписки из бумаг Якутского архива об открытии и завоевании русскими Амура», «Московский Телеграф», 1832 г., № 2, январь, с. с. 266—274.

14) «Дополнения к актам Историческим», II., с. с. 251, 256, 261.

15) «Доп. к актам Историческим,» II, с. с. 248, 258, 259.

16) «Дополнения к актам Историческим», III, с. 53.

17) Доп. к Акт. Ист., III, с. 348. Под 1650 г. известна заметка: «нача проведыватися Даурская земля и Китайское царство прозыватися» (С. Белокуров, «Юрий Крижанич в Р.», с. 141, прим. 159. Чтения И О. И. и Др., 1903, II, ссылка на: Тыжнов, «Записки к Сиб. Ист», с. 49, 57. Ср. С. О. Долгов, «Ведомость о китайской земле и глубокой Индии», СПБ., 1899 г., из CXXXIII. «Памятников древней письменности и искусства»).

18) Чулков говорил, что царь Михаил Федорович, увидя, что посылки сибирских воевод в Китай отчасти увенчались успехом, и предвидя пользу для России от китайской торговли, послал в Пекин изрядное посольство, «дабы заключить с оным мирный и купеческий договор, которое предложение богдыханом желательно принято, и с сего времени началась торговля российская с кит. государством». (Чулков, «Ист. опис. рос. ком», т. IV, кн. VI, «Экстракт из всей вообще торговли российской», с 438). Это—заблуждение Чулкова Швед Кильбургер (1674 г.) относит упомянутые события к царствованию Алексея Михайловича: «В 1654 году русские серьезно начали хлопотать о торговле в Китае, и тогда отправилось в великую Татарию к Пекину их первое посольство», и «посредством его они достигли того, что с того времени торговля у них и у китайцев производится в сиб. городе Тобольске и год от году умножается». (Killurger, «Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A. F. Büsching», Dritter Theil, Hamburg, 1769, S. 313). Об этом также в следующей главе III, статье I, прим. 2.

ГЛАВА III

СНОШЕНИЯ РОССИИ С КИТАЕМ С 1654 г. ДО 1805 г.

I. Посольство Байкова в 1654—1658 гг.

В 1654 г. из Тобольска отправился Байков с дипломатической миссией в Китай (1). По словам шведа Кильбургера (1674 г.), он первый положил начало торговым сношениям (2).

При отправлении Байков получил наказ, согласно которому, ему было приказано (3):

1) Взять от тобольского воеводы пропуск и рекомендательные письма для проезда через калмыцкие селения. 2) Ни с кем не говорить о цели путешествия своего, как только с богдыханом, и лишь ему одному вручить грамоту. 3) Никакому порогу не кланяться, не целовать ноги, но руку можно. 4) Об‘явить богдыхану, что китайские послы и купцы будут беспошлинно пропускаться в Москву и могут свободно торговать по всей России. 5) Узнать о настроении хана по отношению к России, пошлет ли он посольство в Россию, разведать относительно обряда приема послов, о войске, о казне, населении, товарах, пошлинах путях, соседних народах и владениях, и кому они подвластны.

В грамоте же хану было написано: «А с предками вашими Китайского государства с цари и с вами, бугдыханом царем, за дальним расстоянием пути у них, великих государей, предков наших, не было, и у отца нашего, блаженныя памяти великого государя, ссылки и любви не бывало, и послы и посланники не посыливаны».

Таким образом, этим удостоверяется, что раньше не было официальных посольств, а дальше в грамоте об‘ясняется причина посылки первого посольства. «Слыша, что вы друг к другу посылаете послов о дружбе и любви, и так как наше государство подошло к вашему, хотим быть от нынешнего времени в пристойной крепкой дружбе и любви». Умолчание же о военных столкновениях было, вероятно, лишь дипломатическим приемом. Затем в грамоте указывается, что в России не знают китайского титула, и если богдыхан отпишет государю, русские будут употреблять этот титул в следующих грамотах. Титул же русских царей был полностью помещен в начале грамоты и даже из‘яснение происхождения царского рода и упоминание о славных сношениях с другими государствами (4).

С таким наказом и грамотой отправился Байков в Китай (5). Тобольский бухарец С. Аблин был послан вперед об'явить в Пекине о прибытии Байкова.

Путешествие было трудное. «Большинство лошадей и верблюдов погибло от холода, жажды и снега; вместо них нужно было покупать за очень дорогую цену других» (6), причем, «если продавали лошадей и верблюдов на серебро, то в том серебре наливан свинец и медь, а серебра нет и в полы». В Китае оказалось, что «жемчуг дорог перед нашим, перед русским, вдвое, а каменья доброго отнюдь не видали, а на русские товары ни на какие ходу нет, кроме горностаев да песцов, а соболей и лисиц, и бобров и барсов много, а купить не можно» (7). Пребывание самого Байкова в Пекине было неудачное. Мандарины требовали, чтобы он исполнил «ков-тов», т.-е. чтобы 9 раз простерся перед богдыханом и коснулся лбом земли. По китайским же понятиям «ков-тов» и принесение подарков хану свидетельствует, что государь посла признает себя вассалом китайского императора (8). Байков наотрез отказался исполнить этот обряд; также он не согласился пить с ханского стола чай с маслом и молоком, потому что был пост; не пожелал отдавать чиновникам царские подарки, которых имел юфтями и алмазами на 120 рублей, и китайцы тогда насильно отняли их; не хотел вести переговоров с китайским министерством, говоря, что он прислан к самому хану, которому собственноручно и вручит грамоту. Тогда, вернув отобранные у него подарки, мандарины потребовали его удаления. По дороге Байков передумал и решил, было, исполнить китайские требования, но китайцы не согласились на это, и Байков должен был уехать в Россию, вернувшись в середине 1658 г. в Тобольск, а оттуда выехал в Москву (9).

Несмотря на то, что Байков, находясь в Пекине, все время был взаперти, он привез китайских товаров на 1669 р., хотя ему самому было дано 50.000 рублей на торговлю (10).

Таково было неудачное посольство и длительное путешествие Байкова (11). Главной причиной неудачи было нежелание исполнить «ков-тов» и вести переговоры с министрами. Это и в дальнейшем служило главнейшим тормозом к удачным сношениям, и упорство русских посланников, не умевших вести дипломатических переговоров, еще более ухудшало положение вещей. Подобным образом держали себя в сношениях с китайцами и другие, позднейшие, послы. Разумеется, личная ответственность Байкова в этом случае в сильной степени должна быть с него снята, потому, что он действовал по общей практике Московского государства, и ему самому был дан приказ именно так поступать. Впрочем, есть известия, что он привез подарки от хана (12).

Тем временем столкновения казаков с китайцами в Даурии продолжались. Степанов был разбит в 1658 г. при устье реки Шингалы. Даурия осталась никем не занятой, а сам Степанов погиб (13).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) И. Фишер неверно говорит, что Байков был отправлен из Томска «Сибирская История», кн. IV, с. 524. В. Андриевич, «История Сибири» ч. I, с. 133. Соловьев, «История России», т. XII, с. 306.

2) Kibburger, S. 313, «Magazin fürneue Historie und Geographie», 1769, Th. Ш. Б. Курц, «Сочинение Кильбурга о русск. торг. в ц. Ал. Мих.», Киев, 1915 г., с. 152. Исходя из свидетельства Кильбургера, на Западе считали начало русско-китайских сношений с половины XVII ст. Так, B. Krieger в своем сочинении: «Die ersten hundert Jahre russich-chinisischer Politik», Berlin, 1904, S. 4, писал: «Первое... путешествие в Пекин совершено Ф. Байковым в 1654 году». В «Речи, произнесенной в торжественном собрании Московского Коммерческого Училища» С. Шелеховым: «О начале и развитии сибирской торговли» (Москва, 1846 г.), автор указал, что «в 1655 году в первый раз были вывезены нашими посланниками из Пекина в Москву китайские товары», но еще при Мих. Федор. были посланы русские послы для заключения торгового трактата (с. 8).

3) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, столбец 1663. Бантыш-Каменский, «Дипломатическое собрание дел ..», с. 9.

4) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, столбец 1663. Это небольшой столбец (л.л. 72—142), в котором находятся копии XVII ст., памяти о посылке Байкова в Китай, царской грамоты богдыхану и наказа Байкову. Весь столбец издан П. Ивановым, «Описание Государственного Разрядного Архива», М., 1842 г., с.с. 387—429. Текст грамоты также издан Бантыш-Каменским, «Дипломатическое собрание дел между рос. и кит. государствами 1619—1792 год», Казань, 1882 г., с. 333. Краткое изложение содержания наказа у В. Андриевича, «Ист. Сибири», ч. I, с. 213 (приложение 4).

5) В 1654 году, февраля, был послан из Москвы в Тобольск к Ф. Байкову с казенными товарами сибирский казак Петрушка Малинин и бухарец Бабурель Бабаев с товарищами, десять человек. Они должны были быстро ехать, чтобы в лето этого же 1654 года попасть в Китай, и тем не был бы «в торговом деле убыток» («Акты Исторические», IV, № 75).

6) «Voyage d'un ambassadeur que le Czar de Moscovie envoye par terre à la Chine l'année 1653», Recueil de voyages au Nord, Amsterdam, 1732, t. IV, p. 55.

7) Путешествие Байкова, «Сиб. Вестн.», XI, с. 121.

8) Ф. Мартенс, «Россия и Китай» (историко-политическое исследование), перевод Вл. Телесницкого, П., 1881 г., с. 11.

9) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, с. 535 (листы в нем перепутаны). 13 июля 1674 года при отправке Спафария в Китай, было приказано прислать из Сибирского Приказа в Посольский Приказ «отпуск в Китайское государство Федора Байкова и приезд его к Москве; так же отписати, на которые городы в Китайское государство путь надлежит, и летом и зимою одним ли путем ездят, и водяной путь есть ли?» (ст. 535, л. 304, также л. 318). Через четыре дня было отписано из Сиб. Приказа: «Из Сиб. Приказа отпуску Фед. Байкову в Китайское государства и приезду его к Москве в Сибирской Приказ не было, а отпуск ему, Федору Байкову, был из Приказу Большие Казны» (л.л. 305, 319). Но еще в 1666 году (174 г.) Сибирский Приказ (в связи с отправкой в 1668 году в Китай Аблина) потребовал из Большой Казны сведения об отпуске и приезде Байкова, почему был прислан из Большой Казны в Сибирский Приказ 31 марта 1666 года список со «статейного списка» Байкова (л.л. 159, 319, 320; на листах 320—321 передается краткое содержание списка). Поэтому Сибирский Приказ на запрос Посольского Приказа от 13 июля 1674 года отписал скоро, а именно через четыре дня, 17 июля, сообщил, что из Большой Казны прислан в Сибирский Приказ «казака Федора Байкова со статейного списка список, как он был посылан в Китайское государство во 162 г., а в списке написано: Ехал де он с Тобольска в Кит. государство рекой Иртышем мимо Тарского города судами до Белых Вод, а от Белых Вод сухим путем в улус к Аблаю-тайше на Калбасун Палату кирпичную, а от Калбасуна на Долон-Караган

(там же, л. 306)... А ис Кит. царства, из гор. Канбалыка, шел он, Ф. Байков, не тою дорогою, которою шел в Кит. царство, а шел меж Мунгалские земли и Бухарские, а Аблаевы пашенные бухарцы (л. 307), а от пашенных бухарцев на Аблаев улус на речке Бешку, а с речки Бешки на Тару-город, а с Тары водяным путем и в судах в Тоболеск» (л 308).

Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон I, $\frac{7162}{1654}$ г., февр. — $\frac{7203}{1695}$ г., д. 2. Выписка о посольствах Ф. Байкова... и др. (л.л. 148 + X), л.л 2—36. Эта выписка была составлена в 1719 году. Именно Петр Великий в январе этого года указал «приказать выписать со обстоятельств о посыланных напред сего от ц. в-ства к китайскому богдыхану в характерах и без характеров с грамотами для дел его ц. в-ства, начав из давних лет и о чем возможно сыскать и известие в Посольской канцелярии до самой последней посылки, в которой, как чают они (Петр I), был Елизар Избрант, кто для каких дел посылан, и как в Китаях от богдыхана приниман и какими резолюциями возвращались, о чем искать надлежит в отпусках их и в статейных списках, а особливо списать грамоты, как отпущенные с посыльным от ц. в-ства к кит. богдыхану, так и от него ответные со всеми титулы и исследовать по статейным спискам»...

Согласно же выписи, следует, что, по справке в Посольском Приказе, царь Алексей послал в 1654 году (7162 г.) в Пекин Байкова. Таким образом, о более раннем посольстве в делах архивов уже тогда не было упоминаний и статейных списков.

В Моск. Гл. Арх. Ин. Дел, в том же I картоне, 7162/1654 г., февр., д. 4, хранится дело о посольстве и статейный список Байкова, но начала нет, и часть столбца истлела; в деле же 5—копия, снятая в 1770 году с книги из библиотеки Миллера.

10) Моск. Архив Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, ст. 535, л. 175. Бантыш-Каменский, «Дипл. собрание дел», с.с. 11, 8.

11) Путешествие Байкова издавалось много раз в извлечениях и полностью заграницей и у нас. Витзен имел (1665 г.) рукопись путешествия и им было издано несколько раз описание его. Были также издания французские и английские. По-русски, начиная с Миллера, оно издавалось в извлечениях и полностью. Полностью впервые издал его Новиков («Др. Рос. Вивлиофика», ч. IV), переиздано Спасским в «Сибирском Вестнике», 1820 г, ч. XI. Лучшее издание Сахарова в «Сказаниях русского народа», т. II, кн. VIII, с.с. 125—134. (Подробнее об изданиях и вообще путешествии Байкова и направлении его пути— Б. Курц, «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича», Киев, 1915 г., с.с. 203—212, 366, 367, 550—552).

12) По сказке Сенткула Аблина было послано с Ф. Байковым и с ним, С. Аблиным, от царя даров хану на 120 р, а хан, сверх царских подарков, послал своих подарков больше чем на 388 р., 27 а., 1½ д., кроме сосудов, которые не были оценены (Моск. Арх. Мин. Юст., Дела Сиб. Приказа, ст. 535, л. 178).

Байков, по приезде в Москву, не подал своей «Росписи», о путешествии, как сделал Петлин в 1618 году, потому что он, Байков, был безграмотен: «он сам грамоте не умеет», а подьячего у него не было (там же, ст. 535, л. 179. Также Бантыш-Каменский, с. 11). Вследствие этого, с Байкова были сняты уже в Москве в Приказе Большой Казны расспросные речи об его путешествии и записаны (подобно тому, как это было сделано с атаманом Тюменецем и Петровым в 1617 году, которые тоже были неграмотны) в его «статейный список» (о существовании этого статейного списка упоминается на л.л. 159, 306 и 319).

Фишер ошибался, указывая, что архивные дела о посольстве Фед. Исаковича Байкова пропали, и, «кто желает обстоятельно знать о сем посольстве, тот может читать голландского посла Иоганна Нейгофа описание путешествия в Китай, Николая Витзена—в Сев. и Южн. Татарию» (И. Фишер, «Сибирская История...», П., 1774 г., с. 525).

13) Соловьев, «История России», М., 1880 г., т. XII, с.с. 306, 307. Сахаров, «О Китайской торговле», «Журнал Мануфактур и Торговли», 1857 г., ч. III.

II. Посылка Перфильева в 1658 г.

Когда слухи о неудаче посольства Байкова, еще до его возвращения, проникли в Сибирь, бухарец Аблин просил царя Алексея Михайловича отправить его в Китай, и ему была дана грамота, в которой сообщалось, что государь узнал о задержании Китаем Байкова вследствие похода русских в Даурию; поясняя поход незнанием, что там живут поданные Китая, царь Алексей Михайлович обещал воспретить русским ходить туда и просил отпустить Байкова. Но Аблин не успел и выехать с этой грамотой, как в 1658 г. прибыл Байков. Тогда грамота у Аблина была отнята, и приказано было отправить в Китай «для торгового промысла» боярского сына Перфильева вместе с Аблиным, снабдив их новой грамотой и наказом (1).

Перфильев с товарищами отправился в том же 1658 г. В его грамоте говорилось то же, что и в грамоте Байкова, но в наказе было сказано, чтобы посланцы отдали грамоту ближайшим людям хана, почему посылка и удалась. В подарки хану были взяты соболи, чернобурые лисицы, сукно, зеркала,— всего на 200 рублей, а для покупок им было дано 500 р. с наставлением, что им купить в Китае и на какие товары менять. Как они были приняты—неизвестно, но они привезли царю ханские подарки (камки, меха), причем полученные 10 пудов чая и несколько камок они продали в Пекине, купив вместо них 352 яхонта и лала и проч. В данной же от богдыхана грамоте хан сообщал, что «дань, которая от тебя послана, мы приняли и против того посылаем к тебе от нас жалование и милость» (2). На возвратном пути, через калмыцкие земли, посланники были частично ограблены калмыками, несмотря на то, что русские, проходя в Пекин, предусмотрительно одарили калмыков мехами и табаком (3).

После посылки Перфильева события на границах продолжали беспокоить китайцев, хотя русские посланники говорили им, что воюют не государевы люди, а воры-казаки. Основание Нерчинска в 1665 г. Алексеем Пашковым при впадении реки Нерчи в Шилку и возобновление тогда же Албазина, на левом берегу Амура, в 180 верстах ниже слияния Шилки и Аргуни, сильно тревожили Китай (4).

К тому же измена китайского сановника Гантимура увеличила опасения китайцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Бантыш-Каменский, «Дипломатическое собрание дел...», с. 12.

2) Иезуит позже уверял Спафария, что у китайцев таков обычай писать ко всем государям.

Что же касается ценности тогдашних рублей, то, по исследованию Ключевского, во второй половине XVII ст. рубль равнялся 17 рублям современным Ключевскому.

Соответствующее представление об относительной ценности денег также дает следующее указание: Московское правительство в 1657 г., стремясь развить свою промышленность, постановило вызывать из Китая ювелиров, горных инженеров и мастеров, знающих всякие отрасли

металлической промышленности, обещая платить ювелирам в год по 40—60 рублей, а остальным-по 30—50 рублей (Моск. Архив, Мин. Юст, дела Сибирск. Приказа, столбец 535). Таким образом, это годовое жалование официально считалось годовой прожиточной нормой для квалифицированных специалистов.

Сравнивая эту норму с нашими прожиточными нормами для таких специалистов, мы в некоторой степени можем получить представление о покупательной ценности вышеприведенных сумм.

3) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, ст. 535, л.л. 151—154, 179, 213, 220. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел..», с. 13.

4) В. Андриевич, «Краткий очерк истории Забайкалья», с.с. 37, 40.

III. Споры о Гантимуре и посылка Милованова

Гантимур был причиной многих осложнений.

Он был приближенным лицом к хану, «получал ежегодного жалования на 1.200 лан серебра и 3 коробки золота», как сообщает русская грамота позднейшего времени (1710 г.). Посланный воевать против Камарского острога в 1667 г., он не дал сражения, уклонившись от него, за что и был разжалован и бежал к русским с 500 людьми (1). Он поселился в Нерчинске, вызвав родственников из Науна, т.-е. из долины реки Науны. Китайцы боялись, чтобы Гантимур, подробно зная о положении в Китае, не рассказал об всем русским и не побудил их отправиться завоевывать Китайское государство; им также жалко было упустить такого отличного данника, который со своих наунских земель доставлял прекрасных соболей, а на войне славился великой храбростью; но больше всего китайцам хотелось наказать изменника, и Гантимур, великолепно зная нравы соотечественников, несмотря ни на какие просьбы, ласки и обещания, не возвращался во «Внутреннюю Землю» и жил в Нерчинске, где начальником был Даниил Аршинский.

Китайцы послали к Нерчинску даурского туземца узнать, кто там живет: воры-казаки, самовольно действующие от своего имени, или русские правительственные войска. Аршинский отвечал, что здесь живут не воры, а государевы люди, построившие по его указу Нерчинск и Албазин, но притом сказал, что государь желает мира и дружбы с Китаем. Китайцы не решились воевать. В 1669 г. и 1670 г. два раза приходили китайцы, под видом купцов для разведки (2). Обстоятельство, что китайцы сочли возможным прийти в качестве купцов, указывает на обычность торговли между русскими и китайцами; конечно, это не была определенная, укрепившаяся торговля, а случайные торговые сношения; более постоянная торговля была установлена много позже. Аршинский угостил переодетых китайцев государевым жалованием и позволил торговать. Во второй же раз китайцы уже принесли грамоту от хана, где говорилось, что Гантимур укрывается в России, и что хан не знал, что в Нерчинске живут государевы воины, и сам предлагал «начать дружбу и любовь», прося присылки послов (3).

Вследствие этого и был послан Аршинским Милованов с пятью товарищами. Чувствуя за собой силу и учитывая мирное

настроение китайцев, Аршинский в наказе Милованову приказал об‘явить хану, «что, как под высокой российского царского величества рукой находятся цари и короли со своими государствами,... то чтобы и он, богдыхан, тоже поискал его царского величества милости и жалования... и дань бы давал... и по обе стороны торговать было бы повольно» (4).

Милованова с товарищами пять недель продержали в Пекине и, подобно всем посланникам, взаперти. Наказ у них был взят и представлен хану, перед которым пришлось совершить «ковтов» и по обычаю стоять в шапках. Богдыхан, желая показать любезность, простил во имя русского государя преступников и с честью, наградив посланников подарками, отпустил их домой. Самому государю тоже были посланы подарки: пояс, камки, атлас.

Однако, вопрос о Гантимуре, который так интересовал китайского императора (это был знаменитый Кан-Си, бывший на престоле с 1662 г. по 1722 г.), не был разрешен, так как посланники отвечали, что они ничего не знают о нем. Поэтому в грамоте от хана к государю требовалась выдача Гантимура (5).

Нельзя вполне выяснить, почему Милованов, если он, действительно, вручил хану русскую грамоту, составленную в упомянутых выражениях, был так хорошо принят. Можно сделать лишь предположения, что или министры скрыли от хана резкость наказа, или иезуиты, бывшие переводчиками грамоты, смягчили выражения, или же богдыхан имел веские основания, вследствие трудных внутренних событий и войн с Никанским царством, не раздражать русских и боялся, что последние, руководимые перебежчиком, нападут на него (6).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Тунгусы» (истор. сведения о Сибирск. Тунгусах вообще и о Забайкальских в особенности), «Сиб. Вестник», XVIII, с. 343.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 1, 7162/1654 ф.—7203/1695 г., № 2. Китаец Шарандай с 100 товарищами прибыл в Нерчинск для торга 10 дек. 1669 г. (178 г.), а 15 апреля след. года опять пришел (с р. Шилки) с 9 товарищами.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, то же дело. Акты Исторические, VI, № 211... Дополнение к Актам Историческим, VI, № 6, I. Бантыш-Каменский, «Диплом. собр. дел...», 16 и сл. Соловьев, «Ист. России», т. XII, М., 1880 г., с.с. 308, 310. Андриевич, «Ист. Сибири», ч. II, с. 42, «Краткий очерк ист. Забайкалья», с. 41.

4) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 18 и след.

5) Сохранились два текста грамоты (Бантыш-Каменский, с.с. 20—21). Китайская грамота также выражала согласие на дружбу с Россией и предлагала русским свободно ездить и торговать в Китай. Милованов от реки Наун до Китайской Стены проехал быстро, всего в 13 дней. Согласно сказке посланников, у китайцев города все большие, «а в тех городах торги великие, товары всякие...» (Дополнения к Актам Историческим, VI, № 6, III).

6) Иезуиты в 1676 г. жаловались на непостоянство Кан-Си, неспособность его к правлению и печальное положение Китая, обуреваемого мятежами (Соловьев, «Ист. Рос.», 1880 г., т. XI, с.с. 313—314).

IV. Состояние политических и торговых сношений до 1676 г.

Учитывая сказанное в предыдущей главе, необходимо признать, что в рассматриваемый период отношения китайцев к русским носят мягкий характер, лишь бы сами русские не подавали поводов к столкновениям. Однако, мягкость сношений не давала никаких реальных результатов: официальная торговля не завязывалась и разрешались только политические вопросы, или, лучше сказать, в эти годы обе стороны приглядывались друг к другу и взаимно «знакомились» (1).

Смелое приближение казаков к границам китайских владений волновало китайские власти, и они каждую минуту ожидали вторжения врагов. На всех русских, приезжавших в «Великую и Чистую Империю», китайцы продолжали смотреть с подозрением. Русские же в ту пору уже бывали с товарами в «Срединном Царстве». Цель их посещений была поторговать. Но, отправляясь с торговыми заданиями и ничего не имея общего с дипломатией, они для придания себе большего авторитета назывались посланными от русского правительства или же вызывались итти в качестве их в Китай. Эти мнимые посольства вносили неясность в дело урегулирования сношений и увеличивали подозрительность китайцев. Говоря и поступая, как им казалось удобным, эти русские посланцы, окончив в Китае торговлю, спокойно уезжали (2). Но все-таки и эти налеты частных послов-купцов были еще редки.

Московское же правительство, после совершонной Байковым первой попытки завязать казенную торговлю со Срединным Царством, не оставляло этой мысли. В 1666 г. было указано, «как по нашему, великого государя, указу из Тобольска и из Томска наши, великого государя, служилые люди и бухарцы в Китай с нашей, царского величества, грамотой или для торгу посланы будут, и они-б, (калмыцкие) тайши, тех наших, великого государя, людей от иных улусных людей оберегали и провожатых с ними-б, в Китай идучи и назад к Томску, посылали до коих мест пригоже» (3). И, действительно, в 1668 г. был послан во «Внутреннюю Землю» с торговой целью Сенткул Аблин с казаком Тарутиным, подавший в 1672 г. (180 г.) статейный список. С ним было послано всяких казенных товаров и мехов по цене на 4.539 р. 27 а. 4 д., на которые были им куплены в Пекине каменья, материи и др. китайские товары. Аблин получил от хана позволение «повольно» торговать (4). Поездка была выгодная, и Аблин за это был дополнительно награжден в 1673 г. от русского правительства выдачей ему китайских товаров на 50 рублей (5).

С Аблиным поехало и много частных торговых людей (6). Видимо, частная торговля продолжала расширять свои пути. Так, в 1674 г. из Селенгинска отправился в Китай для торгу частный караван купцов, в количестве 43 человек. На границе их задержали на пять недель, так как думали, что за ними идет

русское войско, однако, убедившись в неосновательности опасения, пропустили их. Этих торговцев спрашивали о Гантимуре, но они ответили, что ничего не знают, и сочли удобным в этом случае выдать себя за частных лиц; на вопрос же, есть ли хану подарки, сказали: «Мы сами от себя, однако ж хану будут небольшие подарки» (7).

Из этого видно, насколько натянутыми были в этот момент отношения между обоими государствами. Китайцы постоянно думали о возвращении Гантимура и в то же время боялись нашествия русских. В самой Сибири распространялись тревожные слухи о военных приготовлениях Московского правительства, и они, естественно, могли доходить до китайцев и приводить их в вполне понятное смущение. Вероятно, к этому времени или последующему относятся слова Юрия Крижанича (8), «об Китаю ласкательские речи», что царь замышляет воевать с китайцами (9). Кроме того, на границах между казаками и монголами, считавшими себя под властью Китая, происходили частые столкновения: то казаки насильно отнимали меха у монголов и притесняли их, то монголы грабили и обижали тунгусов, подвластных России. Споры и столкновения были часты, потому что не была обозначена граница русских и китайских владений, и каждое государство определяло их по-своему.

Для утверждения сношений России с Китаем был послан Московским правительством в 1675 г. в Китай Спафарий (10). Его поездка преследовала не столько дипломатические цели, сколько разведочные, потому что Московское правительство в то время сильно нуждалось в описании новых сибирских земель и путей в Китай (11).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) С этой целью было составлено в 1668 г. П. И. Годуновым описание Китая, «Ведомость о Китайском государстве, присланная тобольским воеводой и стольником Годуновым в 1669 году. На русск. языке, на $5^1/_2$ листах», значится в Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфель Миллера 349, I, д. 24. Но во время наших занятий в означенном Архиве самой «Ведомости» в деле не оказалось. О ней и Чертеже Сибирском (I ред. 1667 г.) см. В С. Иконников, «Опыт русской историографии», Киев, 1906 г., т. II, кн. II, с. 1903. Описание Сибирского государства изд. в приложении к П. С. Русск. Лет.; в конце Описания говорится о Китае.

2) Пограничный китайский военачальник, сносившийся с нерчинским воеводой, говорил в Пекине (1676 г.) Спафарию: «... все, кто был здесь из России с торгом после Байкова, Сент-кул, Тарутин и другие, говорили, что с ними есть государева грамота, а после того, как пустили их в Китай, и с ними никаких грамот не оказалось. Они нас обманули, а потому и тебе теперь не верим, не видя подлинной государевой грамоты». (Соловьев, «Ист. России», изд III, 1880 г., т. XII, с. 310).

Эти самозванные посланничества продолжались и после заключения Нерчинского договора, и означенное явление было отмечено Рагузинским (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Сн. Рос. с Кит, карт. 19, Реляция Рагузинского, л. 34).

3) «Исторические акты XVII ст.» (Материалы для истории Сибири), собр. И. Кузнецов, Томск, 1890 г., вып. I, с. 27.

4) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, ст. 535, л.л. 309—312, 241—246, 254—257.

5) Моск. Арх. Мин. Юст., Сиб. Приказ, ст. 535, л.л. 302, 303. Об Аблине—Бантыш-Каменский, с. 14.

6) П. Словцов сообщает, что в 1671 г., по сибирским летописям, некий тайша Сенги об'явил, что если не будут возвращены его 600 беглецов, проживавших в Томской области, то он не пропустит на возвратном пути Татаринова, посланного в Китай за покупками. («Историч. Обозр. Сибири», П., 1896 г., I, с. 111).

7) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 23).

8) Прибыл в Москву в 1659 г.; сосланный в Сибирь, приехал в Тобольск в январе 1661 г., возвращен в 1676 г., выехал из Тобольска в марте 1676 г., уехал из России в начале 1678 г. и умер в Вене в сент. 1683 г. (С. А. Белокуров, «Юрий Крижанич в России», 1901 г., Москва).

9) «Слышил сем, писал Крижанич, об Китае многие речи. Како некий обшалый немчин летось в полковничьем ряду (звании) отослан на Том, хвастал ся есть, еже хочет путя искать ко Китаю, по морю и по суху. И от иных людей есем слышил, еже де царь господарь хочет рать навести на Китай. А особито поведают: еже посланец Байков в Китай есть нашел некоего немчина чародейца: и яко бы он чародеец был пророковал, еже царь господарь имает обладать Китай. Сице бес проклятый чез своего раба сеет соблазны: подущает и обращает людей на суия, несподобные и незможные вещи, дабы их отвернул от сподобных, зможных и потребных дел. Хотел бы он, проклятый враг: дабы народ русский глупо пошел Китая добывать; а Руское кралество да беху обладали татары и немцы. Люди, кои тако дурные и посмешные и щетных речи сеют, становито немали беху быть препущены без кажнения. Яз за живота своего не вемь есемь ли услышил кую глуплю речь от сея». (Ю. Крижанич, «Русское государство в полов. XVII в.». Приложение к № 4 «Русской Беседы» за 1659 г., раздел 51, с.с. 121—122).

10) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Китаем, карт. 2, д. 7182/1674 г. июль, Отправление в Китай Спафария и его отписки.

11) «Новые данные о службе Спафария в России», с предисловием Ю. Арсеньева в Чтениях в Имп. Общ. Ист. и Др., 1900 г., кн. IV, с. 17.

V. Путешествие Спафария в 1675—1677 г.г.

Спафарий был греком (1) (или молдаванином) и служил переводчиком в Посольском Приказе. Он был умный государственный деятель, но переговоры с ханом вел неудачно. Спафарию было дано название посланника, хотя и позволено называться послом, если он найдет это нужным, и для этого он получил две грамоты. С ним был отправлен иезуит Вербиест, в качестве драгомана, и русское правительство особенно рассчитывало на него, зная, каким уважением пользовались при дворе Кан-Си иезуиты (2), которые мечтали даже хана обратить в католичество (3). Однако, надежда на присутствие Вербиеста оказалась тщетной; он даже вредил посланнику, который скоро заметил дружбу между своим драгоманом и резидентом иезуитов при пекинском дворе (4).

Взяв подарки хану соболями, черными лисицами, горностаями, сукнами, корольками, часами из янтаря и живыми кречетами (всего на 900 р.), а для калмыцких тайшей за пропуск—20 пудов табака и еще подарков на 100 рублей, Спафарий отправился в путь. При этом ему было также дано на покупку китайских товаров соболями до 1.500 р., а на раздачу подарков влиятельным лицам—до 200 р. (тоже соболями), ибо, как сказано в наказе, нужно было «прикормить и припоить к себе

пристава и иных». Спафарию было приказано: самому отдать в руки хана поминки и грамоту, и только, если китайцы ни за что не согласятся на это, им отдать; просить возвращения пленных, взятых при столкновениях со Степановым, давая за каждого не более 30 руб.; договориться о вывозе в Россию в казну нескольких тысяч пудов серебра, а также камней и разных товаров; просить о свободной торговле, посылке китайских купцов в Россию и отправке китайского посольства. Спафарий также должен был уговориться о титулах и языке грамот, но не допускать, чтобы хан присваивал себе чужие титулы. В грамоте же хану было написано после русского титула: «Вельможнейшему Богдыхану города Канбулака (5), и всего Китайского царства Владетелю» (6).

Таким образом, важнейшей целью посланничества Спафария было стремление утвердить торговлю, а не смягчить остроту современных пограничных споров. Дело в том, что Московское правительство жило запоздалыми известиями о событиях, и, когда на границах возникали новые события, оно только разбиралось в старых. Конечно, расстояние и трудность сообщения были тому главной причиной, а, кроме того, пограничные русские власти были склонны сами самостоятельно предпринимать те или другие меры по возникавшим местным вопросам.

Проезжая через Тобольск, Спафарий дал перевести служилому, знавшему китайский язык, те вышеупомянутые две первые китайские грамоты, которые лежали так долго непереведенные в русских приказах (7). Незнанием китайского языка русские потом часто отговаривались, об'ясняя китайцам, что они не понимают грамот и поэтому не знают, чего от них хотят и требуют. Здесь же, в Тобольске, Спафарий познакомился с Крижаничем, широко использовав в целях своего посольства его знания и советы; также здесь был решен вопрос, каким путем лучше всего ехать в Китай (8). В Сибири, конечно, лучше понимали положение дел и знали, о чем именно будут говорить китайцы Спафарию, и вот в Иркутск, когда там остановился посланник, прибыл престарелый Гантимур и об'явил ему, что, если Китай потребует его возвращения, то он лучше умрет, чем поедет в Пекин, зная, что там его ожидает позорная казнь изменника. Спафарий его успокоил, уверив, что он не будет выдан Китаю, и с таким, уже заранее решенным намерением, Спафарий вступил в Китай.

Пребывание Спафария в Китае было сплошным рядом ссор, пререканий и ни к чему не повело. Китайцы требовали исполнения их обычаев, Спафарий упрямился, отказываясь их исполнять, чему способствовали и наказ, и его неподатливый характер. Очень много было сказано слов, но ничего не сделано. На требование дать грамоту и подарки, Спафарий ответил отказом, заявив, что государь против насилия «велел взять служилых»; он давал латинскую копию грамоты, но чиновники не хотели ее взять. Наконец, было решено, что Спафарий положит грамоту и подарки на сиденье хана в его отсутствии.

Можно полагать, что чиновники так поступали со Спафарием без ведома хана (они даже грозили изгнать посланника, если он не будет повиноваться), потому что сам хан остался доволен грамотой, так как он сказал: «К отцу моему и к моим предместникам не бывало таких грамот от Белого царя; надобно оную в казне беречь, как самое доброе дело». При свидании с ханом Спафарий должен был, совершая «ков-тов», быстро подбегать к хану, но он шел потихоньку, говоря, что ему бегать непривычно, а кланялся скоро и не до земли. Тем не менее, хан пригласил его к обеду (9). Китайцы требовали возвращения Гантимура. Спафарий отвечал полным незнанием о нем, чего китайские министры не могли допустить, потому что они не верили, чтобы в России не могли понять хотя бы сути раньше посланных китайских грамот, в которых говорилось о выдаче злополучного Гантимура, тем более, что лист, врученный Аршинскому в Нерчинске о выдаче беглецов, был переведен самими китайцами на русский язык (10). Естественно, что эти наивные уверения в полном незнании о беглеце должны были вызвать у китайских министров сильное подозрение и недоброжелательство; в результате ими решено было не посылать в Россию первоначально задуманного ответного китайского посольства и не говорить о торговле, пока не будет возвращен Гантимур. Журнал заседаний китайских министров очень хорошо передает это тревожное и недоверчивое отношение министерства («Цун-ли-яменя») к столь упорному и настойчивому посланнику; сам же хан лишь следовал мнениям своих министров. Грамота тоже не была дана, потому что Спафарий отказался слушать ее на коленях, между тем как китайцы требовали этого, ибо считали ее собственно не грамотой, а указом богдыхана своему подчиненному (11). Вообще, как уже раз было указано выше, китайские чиновники, согласно официальному этикету, рассматривали все народы, как данников Китая; официально полагалось, что на свете нет столь обширного государства, как Китай, каковому положению соответствовали и титулы богдыхана: Сын Солнца, Бог Земли (12). Однако, несправедливо предполагать, что, требуя дани от всех народов, китайцы связывали с этой данью какие-нибудь реальные обязательства для них. Эта дань была подобна дани Тибета, которая была ничтожна и лишь служила выражением верноподданических чувств (13). Китай же за это давал «жалование и милость» в виде подарков, и в этом значении нужно рассматривать подарки царю, полученные Спафарием, которых тот тоже не хотел принимать на коленях и получил их стоя. Они состояли из рукомойника, мехов и камок. Спафарий получил подарки и для себя.

Торговцы, приехавшие со Спафарием, лишь с трудом могли торговать. Их держали взаперти, как и посланника с его приближенными, так что они не могли разузнать о китайских товарах, а свои должны были продавать по китайской цене, потому что китайцы сговорились давать наиболее низкие цены,

а свои товары продавать по высоким; к тому же было запрещено продавать железные и медные вещи. Сама торговля была беспошлинной, однако не вследствие просьб Спафария, а потому, что пошлин «с подданных хан не берет» (14).

Итак посольство Спафария не достигло цели—установления дипломатических сношений и постоянной торговли; наоборот, оно только запутало дела и послужило к первому прекращению торговли, которая до этого времени происходила, хотя и в небольших размерах: китайцы об'явили, что, пока не будет выдан Гантимур и на границе не будет тихо, до тех пор пусть русские и не приходят торговать в Пекин (15). Один же пекинский иезуит прибавил даже, что, если, дескать, это не будет исполнено, хан станет воевать, что скоро и случилось.

Сам Спафарий, возвратившись в Россию в начале 1678 г., был предан суду по обвинению в расхищении посольских вещей. Так как обвинения были неосновательными, Спафарий оправдался, но только в 1683 г. получил государево жалованье «за китайску ево посылку» — серебряный ковш и другие вещи (16).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Повествование о Сибири, переведенное с латинской рукописи XVII в.» (Ю. Крижанича, 1680—1681 г. г.), «Сибирский Вестник», ч. XVII, XVIII (1822 г.).

2) Иезуит Лимадзеу был первым, приехавшим в Кантон в 1581 г., а в 1601 г.—в Пекин; в Пекине, задарив приближенных хана, он попал к нему в большую милость (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел», с. 6, прим.). В 1658/9 сентябрьськом году (167 г.) приехали через Польскую землю и Московское государство сухим путем в Китай 6 ученых иезуитов, и богдыхан велел построить им костел и позволил проповедывать («Сибирские летописи», изд. Имп Археограф. Ком., 1907 г., с. 393).

3) «О иезуитах в Сибири», «Сиб. Вестн.», 1822 г.

4) Ф. Мартенс, «Рос. и Китай» (историко-политическое исследов.), П., 1881 г., с. 12.

5) Канбулак (правильнее Камбалык или еще—Хан-балык, Хан-балгад) было старинное русское название Пекина, взятое у монголов и означающее Царь-град. («Сиб. Вестн.», XVIII, с. 241).

6) «О титулятуре в грамотах между Рос. и Кит. дворами употребляемой», Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 414.

7) Глава II, ст. IV, с. с. 25, 27.

8) Крижанич составил сочинение, или «писемце о Китайском торгу», в котором, как надо полагать, высказывал свои соображения о выгодах этого торга и средствах его развить и установить. Оно не сохранилось для нас, но его сущность выявляется из дошедших до нас других сочинений Крижанича и, косвенно, из описания Спафарием своего путешествия, потому что Спафарий имел на руках сочинение Крижанича о китайском торге.

Крижанич, когда Афанасий Андреевич Осколков был в Тобольске (а это было до 1675 г.), направляясь в Москву, передал ему упомянутое «писемце о Китайском торгу», чтобы тот показал его московским государственным деятелям. Это подало повод П. Бессонову высказать мысль, что результатом этого «писемца» Крижанича было решение Московского правительства отправить в Китай посольство Спафария. Однако, для подтверждения этого нет положительных данных, и посольство явилось следствием естественного развития пограничных отношений. Но нам, конечно, не приходится отрицать, что мысли Крижанича не имели влияния на деятельность посольства.

Царский указ об отправке в Китай Спафария последовал 25 февраля 1675 г. Спафарий выехал из Москвы 4 марта 1675 г., 30 марта прибыл в Тобольск, где прожил более месяца, выбыв отсюда в Иркутск 2 мая 1675 г.

После его от'езда Крижанич 18 июня 183 г. (1675) писал А. А. Осколкову в Москву: «Я должник и раб твой зразумех, яко ты еси был на Москве. Мню, яко и писемце наше об Китайском торгу еси показ(ал) оним, имже пристоит об нем ведати и кажет ми се, яко нит въсуе (всuje?) пошло. Государов бо Китайский посланец Ник. Спатор на приезду в первый день ест обо мне спросил. 5 недель ест здесь постоял, а ни единого обеда, ни вечеры без мене не ел. И учинил есть тоже письмо все себе переписати; и я ему еще об том же писал. И он в печалю допрошал, готово ли дело, приял с радостю 2 тетради». В другом месте узнаем, что Крижанич дал Спафарию «переписать свою книгу, которую издавна о Китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал, а в ней об заводу много корыстного с Китайским королевством торга, и как можно через таков торг и через иные изрядные промыслы государевой казне значну прибыль учинить». Крижанич также по усиленной просьбе Спафария написал ему все касающееся сибирских путей и Китая, и Спафарий все это «в двух рукописях и увез с собой». Крижанич, по его словам, также разубедил Спафария ехать через калмыцкую степь, как советывали бухарцы, «потому что, говорю я ему, хоть ты назад и вернешься, но этот пустынный и дикий путь все-таки после тебя не будет известен и безопасен, и тебе следует отыскать путь такой, чтобы по нем и в остальное время всем было безопасно проходить. И он принял мой совет и поехал на Даурские остроги, на Селенгу да на Албазин (путь хотя дальше степного, но и безопаснее и по некоторым удобствам короче сроком проезда)». В данном случае Крижанич, разумеется, слишком авторитетно рассказывает о своем влиянии на избрание Спафарием пути, хотя он и мог указать Спафарию на отрицательные стороны степного пути и повлиять на его решение, но в действительности Спафарий руководствовался здесь советами и других лиц, и вопрос о том, какой путь избрать, отличался большей сложностью, чем можно судить со слов Крижанича. Дело в том, что, как видно из отписки тобольского воеводы, в тобольской Приказной Избе были собраны все боярские дети, казаки, бухарцы и татары, бывавшие в Китае, и их спросили, какое направление выгоднее. Русские торговые люди ответили, что «в Китайское государство итти из Тобольска ближе и податнее водным и сухим путем через города Енисейск и Селенгинск и через Даурские остроги; что в подводах и в провожатых посланнику тем путем задержания и опасения ни от кого не будет. А что степью через Калмыцкие улусы до Китайского государства будет ехать мешкотно и опасно для того, что у калмыцких тайшей меж себя живут войны частые».

Бухарские же приезжие купцы, наоборот, сообщили следующее: «В Китайском государстве они бывали с товарами, а ходили с города Тары степью через Барабинскую волость на верблюдах и на лошадях, а шли Калмыцкими улусами Галдана-тайши и иных мелких тайш и Мугальскою землею до китайского пригородка Гауса недель с 14 и в том китайском пригородке всяких людей приезжих держат недели по 3 и больше для того, что из того пригородка посылают к китайскому хану с вестью».

Тобольские воеводы тогда написали тарскому письменному голове, чтобы проверить эти сведения, и получили ответ, что в Барабинской волости происходят крупные междуусобия между калмыцкими тайшами, и путь поэтому опасный.

Вследствие всего этого Спафарий поехал через Сургут, Нарым, Кецкой, Енисейской и другие остроги. Возвратился он в Тобольск в конце 1677 г. (а Крижанич уже уехал в Москву в марте 1677 г.) и прибыл в Москву 5 января 1678 г.

Пребывание в Тобольске было очень важно для Спафария, потому что здесь он получил все сведения, необходимые для правильного уяснения своей задачи. В число его заданий, между прочим, входило именно

найти наиболее удобную дорогу в Китай; отметить расстояние между городами или улусами, изобразить «от Тобольска по дороге до порубежного китайского города все землицы, городы и путь на чертеже», а о самом Китае собрать подробнейшие сведения. В качестве пособия Спафарий взял с собой книгу, очевидно, изданную О. Даппером о голландских посольствах в Китай около 1661—1662 г.г. и 1666—1668 г.г. (первое голландское посольство в Китай было в 1655—1657 г.г. и описано в книге, изданной Нейхофом). Крижанич, знавший голландский, латинский и др. языки, по просьбе Спафария, перевел ему из этой книги на латинский язык «все, еже годно к его (Спафария) делу». (С. А. Белокуров, «Юрий Крижанич в России», Чтения в Имп. О. Ист. и Др. Р., 1903 г., II, с. с. 131, 140, 148, 142—144, 141, прим. 160; Чтения 1903 г., III, Приложения, с. 6).

9) Как образованный человек, хан интересовался, знает ли посланник математику, философию и астрономию, на что получил утвердительный ответ, но, когда хан захотел лично испытать астрономические познания Спафария и спросил его, где находится Золотой Рог, тот ответил: «Я на небе не бывал и имен звездам не знаю».

10) «Журнал китайский, веденный в Пекине по случаю прибытия Спафария», переведенный с манчжурского, «Сибирский Вестник», 1823 г., ч. III.

11) Согласно китайским источникам, «в 1676 г. русские прислали посланника с *данью*» («Историч. и географ. описание России», 1825 г., III, февраль, с. с. 208—225, 311—329).

12) Ides, «Voyage de Moscou à la Chine...», Recueil de voyages au Nord, t. VIII, p. 213.

Китайские вельможи говорили Спафарию: «Ты не дивись, что у нас обычай такой: как один бог на небе, так один бог наш земной, богдыхан, стоит он среди земли, в средине между всеми государями...» (Соловьев, «История России», XII, с. 313).

13) «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (с картой), перевод с китайского монаха Иоакинфа, П., 1828 г., с. 206.

14) Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Снош. России с Китаем, карт. I, $\frac{7162}{1654}$ февр.— $\frac{7203}{1695}$ г., д. 2. «Выписка о посольствах... Н. Спафария...», л. л. 37—64.

15) Согласно «Выписке (1721 — 1739 г. г.) о посыланных в Китай российских караванах», Спафарий ничего не достиг в деле утверждения коммерции вследствие спора из-за титулов, почему все его планы расстроились. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 68.

16) «Новые данные о службе Спафария в России», с пред. Юр. Арсеньева в Чт. в Имп. Общ. Ист. и Др. Р., 1900 г., кн. IV, с. 40. На Спафария была жалоба, что он, вместо добрых соболей, поднес хану худых, а добрых распродал в Китае. (Дополн. к Акт. Историч., VII, с. с. 325-326). Следственное дело напечатано в «Вестнике Европы», 1817 г.

Невилль, со слов Спафария, догадывается, что Спафарий хотел потом предпринять второе путешествие в Китай для отыскания другого, более короткого и удобного пути, чем он нашел («Записки де-ля-Невилля о Московии 1689 г.», пер. с франц. Браудо, «Русская Старина», т. т. 71, 72, 1891 г., сент., ноябрь, с. 279).

Спафарий привез журнал своего путешествия, в котором много суб'ективного. Он также написал книгу — описание китайского государства—в 350 стр., являющуюся первым подробным литературным описанием Китая. Особенно важно в ней описание дорог, которым воспользовался иезуит Avril в своем сочинении: «Voyage on divers états d'Europe et d'Asie...». Выписки и содержание книг Спафария приведено у Бантыш-Каменского, «Дипл. собр. дел...», с. 520. «Журнал китайский, веденный в Пекине по случаю прибытия Спафария, переведенный с манчжурского», «Сибирский Вестник», ч. III, 1823 г. Посольство Спафари (манчжурский текст), Ивановский, Записки Восточного Отделения Имп. Рус. Арх. Общ., под ред. Розена, т. II.

Спафарий Н. Г., «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и

провинции. Церк.-слав. текст по рукоп., принадлежащий Ф. Т. Васильеву, с биогр. Н. Г. Спафария, напис. А. И. Яцимирским...», Казань, 1910 г. Н. Спафари-Милеску, «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Ник. Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и прим. Ю А Арсеньева», П., 1882 г. (I книга с приложен. отписок под ред. Ю. А. Арсеньева, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ по отделу этнограф., т. X, в. I, с пред., указ. и черт. и отдельно); также статьи Ю. А. Арсеньева о Спафарии—Русский Архив, 1881 г., I, 1895 г., II, 1896, I. «Чтения в И. О. И. и Др., 1900 г., IV. Н. Ф. Катанов, «Путешествие Н. Спафария в Китай», Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Казан. Унив., т. XIX, в. 2, сообщение, с. с. 23: 8 и прил. к протоколам Общ. Собр. 31 окт. 1902 г., с. 24. П. А. Сырку, «Николай Спафари до приезда в Россию», Записки Восточного Отделения Имп. Рус. Арх. Общ., т. II, III, вып. IV. 1889 г. Журнал Мин. Народн. Просв., 1885 г., VI. Г. Потанин, «Путешествие через Сибирь Н. Спафария», П., 1882 г. «Забайкальские Губернские Ведомости», 1890 г., прил. к №№ 35 и 41. И. М. Михайловский, «Важнейшие труды Ник. Спафария» (1672—1677 г.), Киев, 1891 г. Сборник Ист.-Фил. Общ. при Институте князя Безбородко, I, Киев, 1896 г., т. II, Нежин, 1899 г. Пекарский, «Наука и литература», I, с. с. 340—343 г. Д. Зубарев, «Вестник Европы», 1827 г., декабрь, №№ 23—24. Кедров—Ж. М. Н. Просв., 1876 г., I. Акты 1675—1677 г.г., относящиеся к путешествию в Китай Спафария, Дополнения к Актам Историческим, VII, № 67, с. с. 321—326. «Русский биографический словарь», П, 1909 г. (под наблюдением А. А. Половцева), с. с. 183—190. Библиография о Спафарии—В. С. Иконников, «Опыт русской историографии», т. II, кн. II, Киев, 1908 г., с. с. 1903—1904. С. А. Белокуров, «Юрий Крижанич в России», М., 1901 г., «Юрий Крижанич в России», М., 1907 г., вып. I (библиография о Спафарии, с. 140, примеч. 157). О посольстве Спафария—Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. с. 23—36. Соловьев, «История России», изд. III, М., 1880 г., т. XII, с. с. 308—314.

VI. Пограничные столкновения из-за острога Албазина

После путешествия Спафария в Пекин пограничные дела нисколько не изменились к лучшему.

Влияние русских ширилось, и это пагубно отражалось на покорности подданных Китая. Так, еще в 1675 г. монгольские буряты вступили в русское подданство и были поселены Россией около Байкала (1).

Военно-политической базой влияния русских являлся острог Албазин, получивший это название от имени последнего местного даурского владетеля—Албазы (2). Первым, как есть основание думать, посетил этот острог Хабаров; потом там бывал Черниговский. Албазин впоследствии стал делаться местом постоянного пребывания русских, и Московское правительство признало его за город и дало ему в 1684 г. печать. Без сомнения, Албазин, который представлял ключ к Амурскому краю, должен был беспокоить китайцев, недовольных такой близостью русских и притом на таком удобном месте, ибо Албазин находился к востоку от Нерчинска, на р. Амуре, в 180 верстах ниже пункта слияния Шилки и Аргуни, образующих р. Амур. К тому же албазинцы грабили и убивали китайских подданных (3). Напрасно китайцы требовали посредством посылки листов прекращения этих бесчинств, а также возвра-

щения Гантимура: им совсем не отвечали. В 1681 г. приехали из Науна в Албазин 3 китайских «воевод» с 20 людьми и в следующем году требовали «с Зии реки с усть Долонца острог снести» (подразумевается Албазин), угрожая войной (4). Тогда же китайцы приступили к военным приготовлениям. В 1684 г. они потребовали от албазинского воеводы удаления его из города, но так как тот не отвечал, то китайская армия осадила Албазин и сожгла его.

После этого китайцы послали в Москву листы, требуя мира, размежевания границ и выдачи Гантимура. Но Толбузин, собрав новые свежие силы, вновь подошел к разрушенному острогу Албазину и восстановил его. Китайцы в 1686 г. вторично осадили его своими войсками в количестве 8.000 манчжур, с 40 пушками и 20 европейцами, которые были переодеты китайцами. Приступ был неожиданный, но русские все-таки отбили его с тяжелым уроном для нападавших (5). Тогда началась знаменитая десятимесячная осада. Обеим сторонам приходилось претерпевать громадные лишения. Место погибшего Толбузина заступил пленный прусский дворянин Бейтон, и, несмотря ни на какие хитрости и усилия, китайцы не могли взять острога; они отступили, об'явив, что из Москвы прислан лист с заключением вечного мира (6).

Действительно, тогда были посланы в Китай гонцами Венюков и Фаворов, с извещением, что из России уже отправляется посол Головин, и с просьбой остановить военные действия (7).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Акты Исторические, IV, с. 540.

2) «Посольство из Тобольска в Зюнгарию», «Сибирский Вестник», ч. XVI, с. 28.

3) Об этом доносил в 1675 г. сам нерчинский воевода.

4) Доп. к Актам Историч., VII, с. 330.

5) Русских было, по Миллеру, 736, а по Черепанову—до 900 ратных, да еще до 1000 работников, что правдоподобнее.

6) П. Шумахер, «Первые русские поселения на Сиб. Востоке», Русский Арх., 1879 г., с. 34. Соловьев, «Ист. России», М., 1879 г., изд. III, т. XIV, с. 64.

7) Гонцы привезли хану грамоту и подарки (несколько часов, зеркало, корольки и др.). Венюков хотел лично вручить их хану, но когда заперли двери на Посольском дворе, он должен был подчиниться китайским обычаям, что понравилось китайцам. Хан приказал войскам отступить от Албазина, вследствие, будто бы, жалоб Венюкова, что русских там обижают и убивают.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. I, $\frac{7162}{1654}$ г. ф.— $\frac{7203}{1695}$ г., д. 2. Выписка... о гонцах Венюкове и Фаворове..., л. л. 65—115; карт. 3, $\frac{7194}{1685}$ ноября 16—ноябрь 1687 г., д. 1. Отправление в Китай гонцов под'ячих Никифора Венюкова, Ив. Фаворова и отписки их и ответы Китая.

VII. Посольство Головина в 1686—1690 г. Нерчинский трактат 1689 г.

В звании великого и полномочного посла был послан (1686 г.) в Китай царем Алексеем Михайловичем Головин (1). Он показал себя умным и дальновидным дипломатом, умеющим обойти неприятные вопросы.

Данные ему инструкции предписывали прежде всего покончить с многими неразрешенными затруднениями по пограничным делам, сделав границей Амур или Зею, а если китайцы не захотят, то Албазин (впрочем, когда Головин был уже в Нерчинске, ему было приказано совсем отказаться от Албазина); возбудить вопрос об обмене военнопленных, причем, однако, не соглашаться на выдачу князя Гантимура; предложить периодический обмен дипломатическими миссиями для упрочения дружественных соседских и коммерческих отношений между государствами и добиться для русских прав проезда по Китаю с товарами.

Головин не поехал в Пекин, а послал туда посланцев об'явить о своем посольстве и просить прислать китайских уполномоченных для разрешения всех спорных вопросов. Император Кан-Си с удовольствием встретил это известие и отправил своих уполномоченных к Головину. Но в то время, как у Головина было в свите всего несколько сот солдат, китайские послы явились с большим войском; это об'ясняется их подозрительностью и опасением попасть в ловушку; вообще с обеих сторон было проявлено много взаимного недоверия. Головин сначала был в Селенгинске, потом в Удинске и, наконец, в Нерчинске. Видя, что войска у Головина мало, китайцы заявили притязания на все Забайкальские земли. Головин отказал. Тогда китайские войска стали возмущать обитателей русской территории, живших у Братского острога, но Головин, собрав русские военные силы, разбил их. Этот удар подействовал на китайцев, но все же их требования о границах были чрезмерны: они хотели, чтобы, по крайней мере, река Лена была границей между русскими и китайскими владениями. Сам Головин едва не был окружен китайскими войсками, которые, видя упорство посла, решили сломить его силой. Только благодаря иезуитам Жирбильону и Перейру, удалось обходить недоразумения. Русские прежде не доверяли иезуитам, но тогда видя, что без их помощи обойтись нельзя, так как иезуиты уже сжились с китайцами и умели с ними разговаривать, стали оказывать им полное доверие (2). Иезуиты, очевидно, способствовали соглашению обеих сторон на основе взаимных уступок, с условием, что Головин доведет об этом до сведения царя, с просьбой облегчить положение католической церкви в России и оказать покровительство их ордену (3). Благодаря этому, наконец, в августе 1689 г. удалось подписать близ Нерчинска первый международный трактат между Россией и Китаем (4).

Несмотря на ловкую и энергичную защиту интересов своего правительства, Головин должен был проявить чрезвычайное

миролюбие, во-первых, потому что основным его заданием являлось достичь точного определения отношений к соседнему Китаю, а во-вторых и главным образом, потому, что, испытав все средства, он увидел, что дальнейшая настойчивость с его стороны была бы бесполезна и могла бы принести даже вред (5).

По этому первому (6) мирному договору с Китаем было постановлено (7):

I и II. Границей считаются р. Горбица (8) и р. Аргунь (впадающие в Амур) и Становой хребет. Места же между этим хребтом и р. Удью (впадающей в Охотское море) остаются пока неразграниченными.

III. Албазин подлежит разорению до основания.

IV. Беглецы с момента договора возвращаются.

V. Подданным обоих государств разрешается взаимно приезжать с проезжими грамотами для торговли.

VI. Кражи, убийства, разбои с обеих сторон наказываются своими властями, а для этого перебежчики должны быть выдаваемы. Из-за пограничных ссор не воевать, а улаживать их мирно специальными комиссиями

Наибольшее значение имела пятая статья: она устанавливала и узаконяла право взаимной торговли по всему государству, без определения времени, места и рода товаров, и таким образом торговле не было поставлено никаких ограничений (9).

Неудивительно потому, что Московское правительство было очень довольно Нерчинским трактатом, хотя и теряло обширную и богатую Амурскую область (10).

Китайские же послы, заключив трактат, прославляли мудрость своего повелителя, приказавшего во всем слушаться иезуитов (11), в результате чего исчез страшный призрак Албазина, и русские очистили Амур (12). Албазин был разрушен, русское правительство покинуло Амурские берега с большим сожалением о потере прекрасных соболиных промыслов, которые давали казне одним ясаком до десяти тысяч рублей.

Укрепления, воздвигнутые во время осад, до сих пор еще видны на месте бывшего острога (13).

Несмотря на обоюдное выражение удовлетворения, трактат принес лишь кратковременное и обманчивое успокоение (14).

Трактат в действительности в жизнь не проводился. Границы фактически не были размежованы, отчего снова возникли недоразумения; перебежчики, если и выдавались, то после долгих разговором и ссор; торговцы отправлялись зачастую без проезжих грамот, что порождало неудовольствие и притеснения; широкие надежды Московского правительства на свободную торговлю остались лишь надеждами, потому что китайцы, во-первых, не считали торговлю с Россией важной (15), а, вовторых,—и вообще не допускали у себя свободной торговли иностранцев; не был выполнен и один формальный пункт условия: содержание договора, согласно условию, надлежало вырезать на камнях у границы с каждым государством, но это сделали только китайцы, а русские этого условия не выполнили.

Все это, вместе взятое, имея в основе стремление Московского правительства проникнуть на китайский рынок и развить русско-китайскую торговлю, привело в 1692 г. к отправке в Пекин Идеса, называемого в русских документах просто Елиазаром (16).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сибирский Приказ, ст. 544. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. России с Китаем, карт. 67, Выписки о бытности Головина, Измайлова и Владиславича в Китае (1686—1725 г.).

2) В связи с деятельностью иезуитов в Китае французский король отправил в то время в Китай с иезуитом Марслом «разумных и в математических науках искуснейших людей 6 человек... от Братства Иезуитска» через Россию, как «удобным, безопасным и кратчайшим путем». Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Прик., ст. 1185, грамота франц. короля, августа, 1688 г.

Вопрос о посылке этих иезуитов через Россию был поднят французским королем в 1687 г. в бытность во Франции посольства Долгорукова. На предложение русских послов король обещал содействовать торговле Франции в Архангельске и просил пропустить французских миссионеров в Китай через Сибирь с караванами, ходившими (как ошибочно думали во Франции) два раза в год из Тобольска в Пекин (Сборник Имп. Русск. Истор. Общ., XXXIV, с. с. 11—15). Но не всегда иезуитам спокойно жилось в Китае. В 1692 году богдыхану была подана иезуитская челобитная, в которой содержалась жалоба, что прежде позволялось всем иностранцам свободно жить в Китае, а ныне губернатор одной провинции (Че-Киянг) приказал «ломать и разорять христианские церкви, драть и сжигать христианские книги, гнать христиан за границу; еще 20 лет назад пастер Адам Шаль был несправедливо обвинен одним вельможей, но хан не поверил ложному доносу, и с тех пор иезуиты стали сочинять ученые книги; кроме того, европейцы делали военные орудия китайцам, участвовали в 2 походах против русских» (имеется в виду Перейра и Жербильон). Китайская коллегия иностранных дел, рассмотрев, по требованию Кан-Си, эту жалобу, подтвердила свободу европейцев, и Кан-Си утвердил этот указ («Перевод с китайской газеты 1692 г», «Ежемесячные сочинения», 1764 г., ч. II, с. 528).

3) «Наши сношения с Китаем с 1567 по 1805 г», П. Шумахер (сост. на основании соч. иезуитов), «Русский Архив», 1879 г, кн. II). G. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), Paris, 1912, Ch. I. Переписка иезуитов, бывших в Китае—Парренина (XVIII в.) и др.—Архив Конференции Академии Наук, «Протоколы засед. Конф. Ак. Наук». Дневник Жербильона—Du Halde, Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise... Par le P. I.—B. du Halde de la Compagnie de Jesus, A. Paris, MDCCXXXV, t. IV.

«Такой образ действий китайских сановников едва ли следует приписать внушениям иезуитов. Ни Перейра, ни Жербильон, приехавший в Пекин в начале 1686 г., не имели большого влияния на китайцев, которые проверяли их об'яснения с русским посольством посредством монгольских толмачей». Н. Н. Балкашин, «Трактаты России с Китаем», с. 9, Памятная книжка Западной Сибири, Омск, 1882 г.

4) Моск. Гл. Архив Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. I, 7162/1654 ф.—7203/1695 г., д. 2. Выписка о посольствах..., приложение: разменное письмо Головина с китайцами (4 листа). Краткая выписка из статейного списка Головина.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 2, д. 1682—1689 г. г. Перевод с китайского журнала о бывших между китайцами и русскими войнах и разорении Албазина и договорах, заключенных Головиным с Китаем.

Китайцы приписывали всю славу составления договора своему замечательному умению вести переговоры, и в упомянутом китайском журнале об этом рассказывается следующее.

Видя твердость Головина, китайцы решили, «когда посол так упрямится, то мы его войском постращаем», что и исполнили, спрятав ночью войска в лесу (переговоры шли около Нерчинска), и когда Головин не склонялся к уступкам, китайский начальник «Лантань свое предприятие в действо произвел. Он вывел войско из лесу и приказал оным, со распущенными осмью большими и прочими знаменами и значками взад и вперед около лесу и в буераках ходить и оказывать храбрость свою и силу. Посол и все лоча (русские), увидя то, крайне перепугались и стали просить миру... итак наши амбани с ним, послом, под городом Нерчинском дело окончили», и установили первую границу от устья реки Эргуня до сев. берега Амура, а вторую границу—Хинганский хребет, начиная от реки Горбицы до моря. (Албазин по-кит. назывался Якса-Хотонь, а Нерчинск—Нипча).

6) «Указатель трактатов и сношений России 1462—1826 г.», С. Доброклонский, М., 1838 г.

7) «Полное собрание Законов», 1346.

«Сборник договоров России с Китаем», 1689—1881 г., изд. Минист. Внутр. Дел, П., 1889 г. Этот текст лишь немногим разнится от П. С. З. Тут помещено три текста: русский, латынский и манчжурский. Т. Юзефович, «Договоры России с Востоком, политические и торговые» П., 1869 г., с. 231 и сл. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 335 и сл. Н. Балкашин, «Трактаты Рос. с Китаем», Памятн книжка зап. Сибири, Омск, 1882 г., с. с 10—12. Русско-китайские договоры также изданы в приложениях у Мертвого, «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г.».

8) Первый и второй пункты Нерчинского договора определили границей р. Горбицу, но не было сказано, какая Горбица—Малая или Большая, хотя при заключении договора подразумевалась Большая Горбица: сами Жербильон и Перейра так понимали, да, кроме того, и на французских картах показана была Б. Горбица (Амазар), которая впадала в Амур с севера на 20—30 в. ниже устья Аргуни. Но в начале XVIII в. китайцы, узнав, что есть и Малая Горбица, явочным порядком перенесли границу на нее (в 255 в. ниже Нерчинска); русские тоже стали ее считать за настоящую границу, хотя при Миллере старожилы говорили, что раньше граница была на Б. Горбице. («Из'яснение сумнительств, находящихся при постановлении границы между Рос. и Кит. государствами 7197 г. (1689 г.)», Г. Миллера, «Ежем. Соч., 1757 г, янв., с. 305»).

В «Докладе» 207 г. (1698—9) о посольстве Головина сохранилась карта р. Амура с притоками, на которой по течению р. Горбицы и р. Аргуни пунктиром обозначены границы (Н. Оглоблин, «Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа», ч. IV, М., 1901 г., с. с. 114—115). При определении границ, согласно договору, необходимо пользоваться современными Головину картами. (См. карту Сибири Н. Витсена 1697 г., В. А. Кордт, «Материалы по истории русской картографии», серия II, вып. 1, карта XXVI, Киев, 1906 г.). Определение границ, согласно тексту договора, очень неясно, туманно и может быть подвергнуто разным толкованиям, даже в пользу России, но только Китай воспользовался этим обстоятельством для утверждения своей власти на северный берег Амура.

9) Моск. Гл. Архив Иност. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 4, $^{7194}/_{1685}$ дек. 12—$^{7198}/_{1690}$ июль 1, д. 2. Отправление к кит. границе стольников и воевод Ф. Головина и Ив. Власьева для заключения договора в Нерчинске о взаимных спорах и унятии своевольных людей. Отпуск к ним госуд. грам., их отписки из Нерчинска и возвращение в Москву.

Пункт 5-й договора читается в этих документах так: «Каким либо ни есть людем с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел с обоих сторон приезжати и отезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да позволено будет».

10) Нерчинский договор 1689 г. не считался русскими окончательно выяснившим взаимоотношения. Граница была установлена лишь частично. Таким образом, Головин не выполнил полностью своей задачи. Поэтому в 1698—9 сентябрьском году (207 г.) был составлен для Петра I «доклад», главным образом с целью «постановления» окончательных границ с Китаем и для решения разных порубежных вопросов, «чего по посольским договорам (Головина) не совершено и оставлено до иного времени». (Н. Оглоблин, «Обозр. столб. и кн. Сиб. Пр.», ч. IV, с. 115).

Сычевский в своем сборнике актов архива Троицко-Савского пограничного управления («Историческая записка...,», «Чтения Импер. Общ. Ист. и Др.» 1875 г., II, с. 7) приводит дополнительное условие о том, чтобы богдыхан не заводил строения на месте Албазина, «и китайские-де послы о том подтверждали с клятвой по своей вере, подняв руки выше головы, что, конечно, в тех местах никогда Ханова Высочества никакого поселения имети не будут, а токмо в Албазинских местах будут караулы». Сычевский по этому поводу заметил (1846 г.): «Боярин Головин, поставленный в необходимость уступить китайцам Албазинский острог, сжечь и срыть его укрепления, выговорил замысловатую клятву от китайских уполномоченных, чтобы на месте Албазина китайское правительство никакого строения не заводило. Все это показывает, что боярин Головин чрезвычайно заботился о будущих благоприятных обстоятельствах и вместе дал почувствовать китайским уполномоченным права Российского государства на места, им уступленные как бы только под их присмотр. Святость данной китайскими уполномоченными клятвы поныне соблюдается, ибо северная сторона Амура в тех местах, где были Албазинский и Камарский остроги и даже до самого устья или Охотского моря, остается пустынною, и нет ни одного укрепления и ни одной деревни по леву сторону Амура» (там же, с. с. 10—11).

11) Записки Жербильона, Du Halde, «Description...», т. IV.

12) В китайском освещении дело представляется в следующем виде: В 1689 г. с'ехались русские и китайцы в Нибдшао (т.-е. Нерчинск) и «положили, чтобы течение Жербитзи и восточное протяжение гор Хинганских было границей. Таким образом, Нидбшао сделалось самым близким местом к нашим (т.-е. китайским) границам, а Якса (т.-е. Албазин) и другие места остались в нашем владении. На берегах Жербитзи поставили столб с надписью: позволили русским приезжать однажды в год для привезения дани и для производства торговли. С тех пор не нарушали уже они заключенных условий». («Историческое и географическое описание России, извлеченное из китайской географии», «Московский Телеграф», 1825 г., III, февраль, с. с. 220—221).

13) Соловьев, «Ист. России», т. XIV, изд. III, М., 1879 г., с. с. 64—72. Андриевич, «Краткий очерк истории Забайкалья...», с. с. 52—58. П. Шумахер, «Первые русские поселения на Сибирском Востоке», «Русский Архив» 1879 г., с. 34.

14) Путешественник Белль (1715—1722 г. г.) впоследствии так писал об этом: «Этот договор существовал некоторое время, но китайцы, недовольные результатом, просили, чтобы снова определили границы, с чем, я думаю, русские будут иметь несчастье примириться». («Bell Voyages depuis St. Petersburg en Russie dans divers contrées de l'Asie», p. 218).

Уже тотчас же после заключения в августе 1689 г. Нерчинского договора, статьи его подверглись со стороны китайцев одностороннему толкованию, когда русские потребовали их точного применения, а в последующем китайцы, несомненно, еще более стремились к истолкованию их в свою пользу. Что китайцы уже с первых моментов были склонны к искажению даже прямого смысла договора, видно из первых сношений с ними после августа 1689 г. Именно, Ф. А. Головин 12 декабря 1689 г. (198 г.) приказал боярскому нерчинскому сыну Гр. Лоншакову отправиться в Пекин «с любительским листом» для переговоров о пограничных делах и изменниках-тунгусах с богдыхановыми ближними людьми. Лоншаков, прибыв в «наунское село» Чичегар (Цицикар), заявил, что в 197 г. (т.-е. в августе 1689 г.) китайские и русские послы договорились, чтобы посланников с обеих сторон встречали в окраинных городах, давали им

корм и подводы и пропускали их дальше в Китайское царство без задержания, а теперь наунские, китайские, воеводы не хотят пропустить его. Но наунские воеводы указали, что им об этом не дали знать из Пекина, и они должны первоначально снестись по этому поводу с богдыханом. Побывав в Пекине, Лоншаков обратно «пришел на Наунь в Чичегарское село со всеми великих государей людьми и стоял за проважатыми и за отдачей изменников нерчинских ясашных тунгусов 4 дня». Наунский воевода сказал ему, чтобы он принял 2 сысканных ясашных тунгусов, а остальных 12 чел. он велит еще сыскать и выслать их на границу в Аргунский острог.

Моск. Арх. М. Юст., Сибирский Приказ, кн. 1222, статейный список Лоншакова, л.л. 335—362, столбец 544.

15) П. Доббель, «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае», 1833 г., I, с. 35.

16) Согласно архивной выписи 1776 г., по Нерчинскому договору (V пункту), китайцы и русские «всякого чину люди, проезжие листы с собой имевшие, свободной проезд во владения обоих государств иметь будут», с целью вольной торговли, но китайцы, требуя перебежчиков и раздела границ, не соблюдали договора и то запрещали приезжать каравану в Пекин, то переносили свою торговлю в Ургу и Наун. Это обстоятельство вызвало посольство И. Идеса. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Сн. России с Кит., картон 68, «Выписка о.. рос. кар», л. 2.

VIII. Посылка Избранта Идеса в 1692—1694 г. г. Развитие казенной и частной торговли

Посланный в Пекин для улажения вопросов, возникших после заключения Нерчинского трактата, Эберхард Избрант Идес был датским купцом (1), с 1677 г. торговал в России и сам вызвался на посылку в Китай, в надежде поправить свои расстроенные дела (2).

В 1692 г. (200 г.) было велено из Сибирского Приказа, Тобольска и с озера Ямыша, где были оставлены казенные товары, отправить в Иркутск соболей, выдр и иные товары, а затем из Иркутска «послать в Китайское государство с кем пригоже, и то все променять на китайские товары», привезя их в Москву. В следующем году была поручена именно иноземцу Елизару Избранту мена этих товаров, с приказанием отдать отчет о ней в Сибирский Приказ, куда также доставить китайские товары (3).

Таким образом, Избрант Идес был послан в Китай фактически «для мены», и все остальные вопросы он должен был выяснить, в связи с торговыми интересами. Так, он был обязан требовать исполнения Нерчинского трактата, потому что русским купцам делались притеснения в Китае, а китайским купцам было запрещено ездить в Россию; поэтому Идесу было поручено достигнуть разрешения китайцам привозить в Москву для казны серебро, каменья, коренья и пр., а вместо этого китайцы покупали бы в Москве русские товары и немецкие; позволить послу ходить по городу, разузнавать о ценах на товары, о пошлинах и местах привоза (4).

Получив государеву грамоту и подарки хану (хрустально паникадило, янтарный складень, зеркало и др.) да «на раздачу

от дел» 200 р., Идес отправился в далекий путь, с приказанием лишь в крайнем случае отдать грамоту «ближним людям», но ему было разрешено совершить церемониал поклонения богдыхану.

Из Иркутска через Удинск Идес выехал 30 марта 1693 г. в Нерчинск, а оттуда в Пекин.

Грамоту он все-таки был принужден отдать чиновникам и совершил при аудиенции «ков-тов» (5). После приема, с целью убедить его в могуществе и влиянии Китая, ему показывали 14 слонов, присланных в качестве дани из Сиама (6). Однако, так как ханский титул в грамоте стоял после русского, китайцы были этим сильно оскорблены и отказались вести с Идесом переговоры. Только при помощи иезуитов (7) он получил согласие на допущение в Пекин казенных караванов и с трудом узнал, что прибыльнее всего вывозить из Китая каменья, камки, китайку, а в Китай ввозить меха; также он узнал от иезуитов, что китайцы построили укрепленный город Наун (на р. Науне) и устроили лавки для торговли с русскими промышленниками, но запретили китайским купцам ходить в Россию (8).

С такими результатами Избрант Идес возвратился в Россию (9). Его миссия была признана неудачной (10), он почти ничего не достиг: «ни с чем возвратился» (11). Так, напр., он не выяснил вопроса о свободном пребывании караванов, в том числе и казенных, в Китае, и это потом вызывало много неудовольствий. А, между тем, караваны, появившись с половины XVII ст., продолжали сорганизовываться без всяких договоров а только в каждом случае по словесным убеждениям и в результате пререканий. Когда Идес вернулся в Москву (февр. 1695 г.) Московским правительством было решено (203 г.) ежегодно посылать казенные караваны (12), и в 1696 г. Спиридон Лянгусов получил приказание везти в Китай казенные меха для мены на золото и ткани (13). Эти караваны должны были ходить через Нерчинск, который тогда сделался важным пунктом торговли с Китаем (14) и поэтому приобрел в конце XVII века большое торговое значение (15).

Таким образом, старания русских привлечь китайцев к обоюдной торговле, посредством взаимного посещения государств, что связало бы интересы купцов обеих сторон многочисленными, неразрывными узами, не привело ни к какому результату, вследствие замкнутости в пределах своей страны китайцев, которые говорили русским, что они не посылают, по обычаю, купцов заграницу и не отправляют также послов, если только большая необходимость не требует этого (16). Юрий Крижанич считал это благоразумным и даже советовал Московскому правительству закрыть, как у китайцев, границу (17). Не будучи в состоянии вызвать китайцев к себе, русские купцы должны были сами ездить в Китай, и эта односторонность отношений лежала в основе столкновений. Действительно, Китаю не было оснований терпеть в своем государстве нарушений русскими китайских обычаев, воззрений и привычек, раз купцов Срединной Империи не было на русской территории.

Кроме того, стремление русского правительства установить с конца 1690-ых годов правильные постоянные рейсы казенных караванов в Китай внесло сильное расстройство в начинавшуюся налаживаться частную торговлю с Китаем. Правительство Петра I позволило русским купцам ездить в Пекин лишь с казенными караванами, и только после продажи казенных товаров продавать свои. Купцы поэтому терпели убыток и старались тайком продавать меха, китайцы же этим пользовались и понижали цену на казенные. Конечно, русские купцы, когда не было казенного каравана, пробирались для торговли в Пекин. Торговля также шла в Науне, Урге и в других местах. Туда приходило с товарами много русских, которые своим буйным поведением больше причиняли китайцам беспокойства и вреда, чем пользы, так как китайцы, согласно своим законам, должны были их содержать на свой счет.

Ко всему этому присоединялась острота пограничных конфликтов; ссоры, грабежи и убийства на границе были обычными явлениями, и всякое убийство вызывало новое обострение отношений (18).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Есть также свидетельства, что он был немцем или голландцем (G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Piérre Ie Grand (1689–1730)», Paris, 1912, p. 81).

«Родом есмь земли датские», писал сам Идес, когда он просил государя, чтобы ему «позволено было ехать через Сибирь в Китайское Царство» и «побыть в том государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров». G. Cahen, там же, Piéces justificatives, p. XXVI, челобитная; инструкции — p XXVIII «Проезжая посланному до Кит. госуд. Елизарию Избранту 7200 г., 8 марта», издана Ф. Туманским – «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности госуд. - имп. П. Великого», ч. II, П., 1787 г., с.с. 75—77.

По возвращении Избранта из путешествия, согласно грамоте 1700 г., была дана жалованная «голстейнцу Елизарью Избранту о печатании в Голанской земле и вывозе в наше царского в-ства Моск. Царствие таблиц с написанием в чертежах и в книгах Сибирскому нашему царствию и Китайскому владению городам и землям и рекам, под нашим, в. г-ря, нашего ц. в-ства, именованием, на Славянском и на Голанском языцех». («Письма и бумаги имп. Петра В.», т. I, П., 1887 г., с. 329).

2) Описание путешествия было издано в 1704 г. в Амстердаме: «Dreijährige Reise nach China». Французский перевод: «Voyage de Moscou à la Chine par Mr. Everand Isbrands Ides, Ambassadeur de Moscovie, traduit du Hollandois» в «Recueil de voyages au Nord», t. XIII, Amsterdam MDCCXXIII, p. 1–217. В 1729 г. оно издано по-голландски. По-русски путешествие и журнал помещены в Древней Российской Вивлиофике (Новикова), т. VIII, IX. Согласно заметке в «Зап. И. Русск. Геогр. Общ.», т. V, отд. II, с. 153, для регента Китая были сделаны «Выдержки из путевого журнала Идеса» – «Пин-мин-жи-цзи». Сам же Китай не имеет подробных документов о сношениях с Россией, потому что часть китайского архива иностранных дел сгорела. Адам Бранд, сопровождавший Идеса, написал: «Beschreibung der chinesischen Reise... Anno 1692 ..», Francfurt, 1697. Библиография о других изданиях Идеса и Бранда — G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine.. », Bibliographie.

В числе документов, касающихся сношений России с Китаем за это время, имеются два дела в Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Приказ,

а именно: 1) за 200—206 г.г. (есть «китайские листы» и пр.) и 2) за 203 г. Последнее дело сообщает о посылке иркутским воеводой Аф. Савеловым боярского сына Сидора Шестакова к китайским порубежным властям по поводу иабега на Селенгинск «мунгальских людей». («Обозрение ст. и кн. Сиб. Пр.», Оглоблин, М., 1900 г., ч. III, с. 44).

3) Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., столбец 1185, дела о посылке Избранта. Товары, шедшие с караваном, называются в документах «тобольской присылкой» (6 листов, два экземпляра), в которой обозначено количество, род и цена каждого товара в отдельности. Были отправлены: «кость рыбья зуб», сукна, юфти и меха.

4) Он также должен был хлопотать о предоставлении китайцами в Пекине места для русской церкви и учинить рубеж по реке Амуру, а если нельзя, то по р. Быстру или Зие.

М. Гл. Арх. М. Ин. Д., Снош. Рос. с Кит., карт. 5, 7200/1692 г., д. 1. Отправление в Китай в посланниках иноземца Елиз. Избранта. Тут же его статейный список.

5) Brand, «Beschreibung der chinesischen Reise, welche vermittelst einer Zaaris Gesandschaft durch Dero Ambassadeur Herrn Isbrand. Ao 1693, 94 und 95 j. von Moscau über Gross-Ustiga, Siberien, Dauren und durch die Mongolische Tartarey verrichtet worden: und was sich dabey begeben, aus selbst erfahrner Nachricht mitgetheilet von Adam Brand». Hamburg, 1698 j., S. s. 151—152

6) Ides, «Voyage de Moscou à la Chine par Mr Everard Isbrants Ides, Ambassadeur de Moscovie, traduit du Hollandois», Recueil de voyages au Nord, Amsterdam, MDCCXXVII, t. VIII, p. 252. Brand, op. cit., S. 153.

7) При пекинском дворе тогда было 8 иезуитов: 2 испанских, 3 португальских, 2 французских и 1 римский. Ides, op. cit., p. 216.

8) М. Гл. Архив Мин. Ин. Дел, Сн. Рос. с Кит., карт. I, 7162/1654 г. ф. — 7203/1695 г., № 2, Выписка.. о Елизаре Избранте..., л.л. 116—148; карт. 11, копия (№ 36) описания путешествия Избранта в Пекин. Портфель Миллера 133, IV, дела 314—320 об отправлении в Китай Избранта.

Архив Конференции Акад. Наук, Копии с грамот и с других документов из Архива Тюмени... (и др. городов), приложенных к VI и VII кн. «Сиб. Истории» Г. Ф. Миллера; Документы о посылке с посланником Избрантом в Китай толмача и провожатых.

Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел»..., с.с. 67—74. Соловьев, «Ист. России», М., 1875 г., т. XVIII, с.с. 6—7. А. Корсак, «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем», Казань, 1857 г., с. 20. G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand», Paris, 1912, ch. III.

9) Возвращаясь, Избрант послал вперед тобольского подьячего Андрея Жеребятьева, который в Сибирском Приказе был допрошен. Согласно его распросным речам (на 4 листах), он вместе с Избрантом был послан в Китай из Тобольска 20 июля 1692 г. Из Иркутска в Нерчинск Избрант ехал зимой верхом 5 недель, из Нерчинска до Наунских сел—6 недель и в села приехал в сентябре 1693 г., где ожидал китайцев для своего принятия. Китайцы «приняли ево, Елизарья, с честью со всеми посланными и корм и подводы до Китайского государства давали, а торговым людем, которые с ним, Елизарьем, были в Наунских селях и в дороге до Кит. государства, по ево, Елизарьеву, прошению, кормов и подвод давали не по болшому». До Китая шли из Наунских сел телегами 6 недель и пришли 3 ноября в Китай, где Избрант со всеми служилыми и торговыми людьми прожил 16 недель. Торговля была разрешена без стеснений и можно было свободно ходить для торгу из Посольского двора. В конце февраля следующего года Избрант с торговыми людьми был отпущен. Корм и подводы китайцы дали им до Наунских сел, до которых они шли 6 недель. В Наунских селах Избрант прожил неделю, а отсюда отправился уже на своих подводах и своем корме. Только через 9 недель он дошел (15 мая 1694 г.) до Нерчинска, потому что дорогой верблюды и лошади падали и покупали их дорогой ценой. «А в Нерчинском де с китайских товаров и торговых и с служилых людей пошлину емлют десятую таможенные головы и целовальники, а по старым ли новоуказанным

статьям или по новым, которые посланы с Москвы в Сибирь в прошлой в 202 год. также и товарами и пошлину имали или деньгами того он, Андрей, не ведает». (Дальше он сообщает цены на мясо и хлеб в его время в Иркутске, Нерчинске и Аргунском остроге).

Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Пр., ст. 1185.

10) Китайцы об этих событиях писали, что в 1693 г. русские прислали двух беглецов, и китайское правительство за это «послало им лист, в котором хвалило их за порядочное поведение. В том же году Чахон-Хан (т.-е русский царь) прислал д а н ь с нарочным посланником». («Ист и геогр. опис Рос, извлеченные из кит. географии», «Моск. Телеграф», 1825 г., III, февраль, с. 221).

11) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Сн. Рос. с Кит., карт. 68, «Выписка... о русских караванах».

Соловьев (т XVIII, с. 7) правильно отметил, что Избрант «желает ли он (богдыхан) пересылаться послами и посланниками и отправлять купчин со своим серебром и товарами, также простых купцов, об этом самом важном для русского правительства деле разузнать ничего не мог, хотя, по наказу, и разглашал между китайскими купцами о вольной торговле, какую ведут в России иноземцы, и о дорогих русских товарах».

Необоснован вывод В. Андриевича («Кр. оч. ист. Забайкалья», П., 1887 г., с. 58), что миссия Избранта в общем удалась: торговые предложения были приняты, и Манчжурия открылась для русского торга, а Пекин для караванов.

«Также неправильно мнение Х. Трусевича («Посольские и торговые сношения Рос. с Кит.», М. 1882 г., с.с. 33–34), что Избрант успел договориться относительно казенных караванов, и в 1696 г. отправился в Пекин первый казенный караван».

Торговля в Манчжурии, Монголии и Китае продолжалась на прежних основаниях, вырабатываемых не бумагой, а самой жизнью, бытовым путем; казенные караваны ходили в Пекин еще раньше, и сам Избрант сопровождал такой караван.

12) Акты Истор., V, с. 519.

13) Акты Истор., V, с. 470.

14) Акты Истор., V, с. 473.

15) Акты Истор., V, с. 466, 467, 468.

16) В Сибирской Летописи читаем: «Из Китайского государства от царя послы ни в которое государство не ездят, кроме одного Никанского царства, сиречь Великие Хины, для драгоценных товаров». «Сибирск. Летописи», изд Имп. Арх. Комиссии, 1907 г., с. 397.

17) Вальденберг, «Государственные идеи Крижанича», П., 1912 г., с. 3.

18) По возникавшим вопросам продолжались письменные сношения обоих государств. Так, в 1702 г. ездил по указу государя в Китай «о делах с листом» сын боярский Ив. Казан с тов. и вернулся в Нерчинск в ноябре этого же года, вывезя с товарищами для себя китайские товары. Моск. Арх. Мин. Юстиции, Сиб. Прик., кн. 1337, л. л. 1–31.

IX. Китайское посольство к Аюке-хану в 1712--1715 г.г.

Несмотря на возникавшие по пограничным вопросам недоразумения, знаменитый китайский богдыхан Кан-Си относился со вниманием к своей развивавшейся могущественной соседке, а Петр Великий, поглощенный шведской войной, не мог защищать должным образом интересов России, хотя и происходили нарушения Срединным Царством Нерчинского договора (1).

Центральная Империя в то время была занята выполнением грандиозных завоевательных планов об'единения всего азиатского горного массива под властью манчжурской династии. Еще в предшествующем XVII ст. она стала высказывать эти намерения по отношению к Джунгарии, а к 1710 годам

эти враждебные замыслы к джунгарскому контайше (т.-е. великому князю), кочевавшему возле Тобольска, Томска и Тары, снова достигли особой напряженности (2).

Когда в 1712 году был в Пекине с казенными мехами купчина Худяков, хан послал с ним послов (в числе их был Тулишен) к Аюке-хану, который кочевал по Волге и был подданным России, состоя у нее на жаловании (3). Цель посольства была неясная, но Худяков, узнав, что хан хочет побудить Аюка напасть на контайшу, поднял тревогу и известил сибирского губернатора Гагарина, что, с подчинением контайши Китаю, русская торговля потерпит большой убыток (4). Сенат приказал об'явить Аюке, чтобы он не ходил на контайшу, так как тот «примирителен к царскому величеству» (5). Сам же Аюк-хан ответил послам, что без воли своего государя, Петра I, он воевать не может. Хотя это посольство не было к России (6), но в наказе, данном ему, было сказано, что если Петр пригласит китайских послов, пусть немедленно посетят его и подчинятся русским церемониям, сказав, что «они не такие упрямые люди, как их Николай (Спафарий), который на прошлых годах, будучи у нас, поступал весьма упрямо» (7). Но Петру I было не до них: он был занят войнами и не пригласил послов (8). Это было в 1714 г. Петр только приказал при их проезде воздавать должные почести (9). С такими печальными результатами китайские послы должны были возвратиться в свою империю (10). С ними были отправлены члены первой духовной миссии в Пекине, которые и положили начало ее существованию, встретив радушный прием со стороны Кан-Си. Вообще русская церковь в Китае не испытывала почти никогда притеснений, даже при самых резких несогласиях (11).

Неоправдавшиеся надежды китайцев на посольство и усилившееся обострение от-ношений с купцами привело к изгнанию русского казенного каравана из Пекина, а следующие караваны часто не допускались даже в Китай. Прекращение этого ненормального порядка можно было ждать только после выяснения и упорядочениявопросов о границах и торговле (12). Действительно, после заключения Нерчинского договора, благодаря окончанию военных действий и возникшим мирным сношениям России с Китаем, русские купцы, как и казенные караваны, стали столь часто посещать Пекин, что китайцы в 1717 г. сочли нужным указать сибирскому губернатору на стеснительность этого для Центральной Империи, так как Империя должна была давать корм, подводы и фураж, и поэтому богдыхан приказал не посылать купцов в Пекин или же отправлять их по прошествии нескольких лет и совершать им торговлю на границах: «поелику в Пекине мало охотников на товары российские, то приезжающие впредь из России с малым купечеством должны, для облегчения взаимной коммерции, продавать свои товары в пограничных городах, имея при том письменный вид от него—губернатора».

Таким образом, уже тогда китайцы хотели сосредоточить торговлю на рубеже самых границ, хотя в данном случае они еще были согласны на торговлю в своих приграничных городах, каковыми были тогда Урга, Наун (Цицикар) и другие. Но в 1719 г. китайцы уже предлагали торговать в русском городе Селенгинске и у Нерчинска на самых границах.

Усиленный ввоз русских мехов в Китай привел, действительно, к переполнению пекинского рынка этими товарами, и последующим казенным караванам, не без происков китайцев, пришлось это испытать на собственных оборотах (13).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Моск. Арх. Мин Юстиции, Сиб. Пр., ст. 1422. Так, в 1700 г., в октябре, пришли в Селенгинск посланцы от подданных Китая: мунгальского владельца Дундук-хана и многих тайш (с общего с'езда) — и об'явили письмо за китайской же печатью, что они снова пришли из-под китайской земли на свое роднсе место на Толу-реку, построив тут каменный острог с помощью китайцев, и «чтобы промеж обоих сторон (монголов и русских) жить в миру» и торговать. Селенгинский воевода написал в Иркутск, прося указаний, и иркутский воевода велел запросить, почему монголы построили вблизи Селенгинска каменный город, не обославшись с государем, ибо по договорам межи положены от Нерчинска по р. Горбице, а мунгальская степь не ограничена, и проведение границ отложено до другого более удобного времени «для того, что в те лета они, мунгальские владельцы, и земля их была завоевана».

2) Историю этих отношений см. в гл. V.

3) «Доклады и приговоры, состоявшиеся при Правительствующем Сенате в царствование Петра В., издание Имп. Ак. Наук под ред. Н. Ф. Дубровина», П., 1888 г., т III, 1, с. 52 (жалование ежегодное в 1710, 1712, 1713 г.г.).

4) Бантыш-Каменский. «Дипл. собр дел...», с. 76.

5) «Доклады», т. III, 1292.

6) Русские вели дипломатические сношения с Китаем наступательно. китайцы же оборонительно, лишь в крайних случаях посылая в Россию посольства. Между тем, другие азиатские народы любили слать к нам в XVII ст. посланцов с торговыми целями, как это делали и русские (Байков, Избрант Идес) по отношению к Китаю. В 1681 г прибыл в Тобольск от Бушухту-хана (возле Нерчинска) калмыцкий посланец для торгового промысла с подарками государю. В следующих годах вновь приезжали калмыцкие посланцы с листами и дарами. (Акад. Наук, Рукописное отд. I отделения библиотеки, бумаги Миллера, Тобольский Архив, кн. II, л. л. 118, 120 и об.; кн. III, л. 215 и об.). Приезжали и мунгальские посланцы (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Сн. Рос. с Кит., карт. 2, 7190/1681 сент. 11, Дело о ведении китайских посылок и приездов мунгальских и калмыцких владельцев в Сиб. Приказе и об о т с ы л к е туда дел из Посольского Приказа).

В 1684 г., янв. 13. государи «указали китайского государства дела и приезд сибирских и калмыцких и мунгальских послов и посланцев ведать по-прежнему в Государственном Посольском Приказе». Но калмыцких посланцов было так много, что в том же году «велено впредь богдыхановых посланцов, как будут в приезде, отпускать из Тобольска к Москве в 4 год, а иных калмыцких тайш посланцов против прежних в. г-ей указов велено отправливать в Тобольску, а к Москве отпускать их не велено». В 1686/7 сентябрьском году (195 г.) из Тобольска были отпущены в Москву «богдыхановы калыхановы посланцы» с товарами китайскими свыше, чем на 18.020 р. (Академия Наук, Рук. отд. I отд. библиотеки, бум. Миллера, Тобольский Архив, кн. I, л. 108 об., 110 об., 109—110 об.).

О китайском посольстве у нас есть известия от 1688 г. (М. Гл. Арх. М. Ин. д., портфель Миллера 349, I, д, 19, «Записки о бывш. в России кит. посольстве 1688 г.» от хана Кан-Хи (Кан-Си). Это — перечень китайских послов на одной странице. От китайского хана Кан-Си были отправлены послами из знатных его чиновных, людей первых классов 7 человек, среди них придворный вельможа Сонготу. Но это собственно не было посольство в Россию, а посылка лишь на границу уполномоченных богдыханом китайских сановников для обсуждения и заключения договора с Головиным. Также неверно замечание Перри, иностранного инженера, строившего в России корабли в 1698—1715 г.г., что после посольства Избранта в Китай 1693 г. прибыл из Китая в 1697 г. посол к Петру, и тем дружба обеих сторон упрочилась («Состояние России при нынешнем царе, сочин. кап. Джона Перри», пер. Дундуковой-Корсаковой, Чтение в И. О. Ист. и Др. Рос., 1871 г., I, II, с. 54).

М. Иванов. О прибытии в 1714 г. посольства из Китая к Аюк-хану просить его дочь в замужество за китайского хана-императора. «Труды Ставропольской Ученой Арх. Комиссии», 1916 г., вып. VIII с.с. 1—4 (на основании дела исторического отдела архива Управления Калмыцким народом).

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Сн. Рос. с Кит., карт. 6а, дело 1712 - 1714 г.г. Перевод с журнала китайского посланника Тулишена, отправленного из Пекина через Россию к калмыцкому хану, с подробным описанием мест, пройденных им.

Этот журнал был написан Тулишеном на манчжурском языке, перевод сделан Россохиным и вывезен им из Китая в 1714 г. Перевод помещен Миллером в «Ежемесячных сочинениях», 1764 г., июль-декабрь, с картой с китайскими названиями, составленной Тулишеном, и примечаниями Россохина, с. 28. Также есть анг. перевод: Narrative of the Chinese Embassy to te khan of Tourgouth Tartars, in the years 1712—1715 by the Chinese Ambassador and published by the Emperors authority at Pekin. Georg Thomas Stauton, London, 1821.

Капитан из шведов, Иоанн-Христиан Шничер (по-кит. Снидский), сопровождавший кит. посольство к Аюк-хану, написал записку, которая была издана по-шведски в Стокгольме в 1744 г. Отрывки из нее— в «Ежем. соч.», 1764 г., ч. II: «Записки шведск. кап. Шничера». Любопытно отметить, что по Шничеру, стр. 431, Аюк-хан принял грамоту, стоя на коленях. («Прибавл. к кит. посол V», «Ежем. соч.», 1764 г., II, с. 324).

8) Китайцы хорошо учли затруднительное положение Петра, вследствие войны со Швецией, и китайские послы, под видом крайнего расположения к России, а в действительности в целях личных интересов и улучшения своего стратегического положения в борьбе с Джунгарией, предложили Гагарину, чтобы Петр взял для войны с соседями русские войска, стоявшие при китайской границе, заверяя, что Китай не воспользуется этим во вред России. Однако, Гагарин ответил, что у Петра и так довольно войска (про запас всегда есть 40.000), и поэтому-то он не использует пограничного войска, а вовсе не от того, что не доверяет богдыхану. (Китайское посольство, «Ежемесячные соч.», июль—декабрь, 1764 г., с. 396).

9) Наказ 1715 г. янв.—февр. о провожании китайских посланников от Тобольска до китайской границы и роспись количества припасов к выдаче посланникам. «Памятники сибирской истории XVIII в.», П., 1885 г., кн. II, с.с. 59—62, № 19 (Енис. кн., № 5, акт № 85—88).

10) В январе 1715 г. китайское посольство отправилось из России в обратный путь. Тулишен в том же году благодарил письмом Гагарина за сердечный, предупредительный прием и дипломатически извещал, что контайша ведет себя скверно, «перехватывает ваших (русских) людей купецких на дороге и к себе отвозит»; что русские купцы, приехав в китайский город Синин (на зап. границе провинции Шан-Си, по реке Боро-Чуныкен-Бира) и поторговав там, просили китайских чиновников пропустить их через китайские земли, так как нельзя было ехать через владения контайши (китайцы и проводили их до Селенгинска); что контайша вероломно напал на китайцев, так что Китай должен был с ним

начать войну. При этом Тулишен просил Гагарина ловить перебежчиков от контайши, но это, очевидно, не было исполнено русскими. Хотя китайское посольство не имело успеха (однако, Тулишен был награжден своим правительством), это не помешало послам, по своем приезде в Пекин подать хану донесение: «Во всех владениях, через которые мы ехали... все люди... приносили усердное благодарение и по славе прославленного и победоносного вашего оружия покорилися все с сердечным повиновением... всех государств народы приносили нам свою покорность с глубочайшим почтением» и т. п.; конечно, все неприятное было опущено или затушевано. Следует еще заметить, что китайские послы, по наказу, не должны были принимать от русских подарков, говоря, что они сами ничего не привезли, но после троекратного настойчивого предложения они, как им было наказано, должны были взять и дать от себя подарки; и послы, действительно, как они, впрочем, сами говорят, не принимали подарков, даже от Гагарина («Кит. посольство» в «Ежем. соч.», 1764 г., с.с. 35, 116, 132, 220. «Прибавл. к кит. пос.», там же, ч. II, с. 324).

11) «О начале торг. и госуд. снош. с Китаем и заведении в Пекине Русской Церковной и Духовной Миссии», «Сиб. Вестник» XVIII, XIX. G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand», Ch. V, XI. Адоратский (Николай), «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования», I, II, Казань, 1887 г. Архимандрит Мелетий, „Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае в XVII и XVIII ст.», Рязань, 1901 г.

Русские проповедники в деле распространения религии вели себя в Китае всегда осторожно и сдержанно, — обстоятельство, отмеченное и иностранными наблюдателями XIX ст. Так, англичанин Э. Паркер обратил внимание, что «русские православные миссионеры никогда, ни разу не подвергались никаким преследованиям, и если таковые были часто направлены против католических и протестантских миссионеров, то это нужно приписать только неразумному усердию миссионеров в деле проповеди» («Китай, его ист., полит. и торг.», П., 1903 г., с. 537). Такая политика русского духовенства в Китае вполне согласовалась с линией, намеченной Петром I, который в 1698 г. писал Винниусу: «...пишешь, ваша милость, что в Пекине построили христиане церковь нашего закона, и многие из китайцев крестились. И то дело зело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и иезуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы через некоторое кичение оное святое дело не приизошло в злейшее падение, как учинилось в Епании». («Письма и бум. имп. П. В.», I, 1887 г., П, с.с. 253, 254, 694).

В 1756 г. Россохин, в ответ на вопросы Миллера, сообщил ему, что русские, по взятии манчжурами Албазина, были ими пленены и потом поженились на манчжурках, и при Россохине потомки албазинцев уже не знали русского языка и не исполняли обрядов христианской веры. Они жили попрежнему около Успенской церкви (иначе Никольской), находившейся в сев.-вост. углу Пекина, близ ворот Дун-джы-мынын. По словам Россохина, можно думать, что эта церковь Николая существовала еще со времени переселения сюда албазинцев. Моск. Гл. Архив. Мин. Ин. Дел, портфели Миллера, портф. 391, д. 3, л. 18.

12) В «Белевых путешествиях...» (ч. III, предисловие VI—VIII), в следующем виде рисуется тогдашнее положение.

Русские после невыгодного для них Нерчинского договора 1689 г., надеясь на невнимание китайцев, стали строить южнее своей границы острог Албазинский, но китайцы вооружили против русских монголов, послав их осаждать в 1715 г. Албазин. Три года они его осаждали. Царь же тогда воевал со шведами и потому оставил Албазин китайцам, а в 1719 г. послал Измайлова заключить договор с Китаем.

13) Бантыш-Каменский, «Диплом. собр. дел...“, с. 82 и др.

X. Посольство Измайлова в 1719—1721 г. г.

Неясность пограничных отношений, а также большие убытки, которые причинялись перерывами в казенной торговле, побудили русское правительство послать в 1719 г. в Пекин чрезвычайным послом Измайлова (1).

Измайлов, капитан лейб-гвардии Преображенского полка, имел в своей свите в качестве секретаря Лоренца Ланга, которому потом пришлось играть выдающуюся роль в сношениях со Срединной Империей (2). Измайлов должен был оставить его в Пекине консулом и домогаться у китайцев на это разрешения, а также назначения подобных консулов, но подвластных Лангу, в других китайских городах, где они следили бы за ходом торговли, разбирали возникавшие в торговле с русскими недоразумения. Измайлов также должен был добиться разрешения на постройку, подобно иезуитам, православной церкви, о принятии на счет самих купцов расходов по своему содержанию и проезду по Китаю и об'явить, что караваны больше не будут делать утаек лучших мехов, на что жаловались китайцы, и купцы не будут начинать ссор и споров (3).

Как дальновидный политик, Петр I, дипломатично льстя китайским великодержавным традициям, первый из государей написал в грамоте богдыхану в начале ее его титул, а вместо своего только собственноручно подписался (4).

Измайлову было приказано как можно скорее ехать, но он еще не успел прибыть во «Внутреннюю Землю», т.-е. Китай, как Цун-ли-ямень (китайское министерство), после выезда из Пекина казенного каравана под начальством комиссара Истопникова, послало жалобный лист тобольскому сибирскому губернатору (5), что до сих пор «купечество в великом согласии было..., ныне же во всех вещах наибольше довольство» китайцы стали иметь, потому что все необходимое привозили им европейские корабли, и у них самих звероловство увеличилось и, таким образом, они больше не нуждаются в русских товарах, за которые русские очень дорого требуют, и русских купцов не будут больше пропускать, а «если они пожелают торговать, то пусть торгуют в Селенгинске, куда будут приезжать китайские торговцы, живущие у границ, о чем уже им приказано» (6). Китайцев поспешили успокоить, что к ним уже едет посол, а купцам запрещено своевольничать, но просьба пропустить казенный караван, который к тому времени собрался на границе во главе с комиссаром Истопниковым, потерпела неудачу. Сам Измайлов напрасно просил пропустить вместе с ним караван; ему не позволили, и он приехал только с разрешенной ему свитой в 90 человек в Пекин в ноябре 1720 г., выехав из Москвы в сентябре предыдущего года.

По приезде в Пекин к Измайлову явилось трое министров, которых он, согласно этикетным требованиям, должен был встречать коленопреклоненным; Измайлов, однако, встретил их стоя. (Инструкция ему приказывала сохранять подобающую

честь). Когда же хан узнал, что в грамоте (список с которой был передан ему послом) впереди помещен его титул, а внизу лишь подпись государя, он стал мягко обходиться с послом. Исполнив «ков-тов», Измайлов вручил хану подлинную грамоту. При этом богдыхан заметил, что, только почитая государя, он принимает сам грамоту, так как это противоречит обычаям, и подарил послу шубу со своего плеча и шапку, приказав носить их в его присутствии. Затем богдыхану были вручены очень ценные подарки (на 5.000 р.; кроме того, Измайлову на «раздачу» было дано вещей на 500 р.): зеркала, английские боевые часы с курантами, карманные часы, готовальни, четыре зрительные трубки работы самого Петра с изображением Полтавской битвы, микроскоп, барометр, меха; Измайлов сам от себя преподнес хану французскую шпагу, много собак и пр. В результате посол получил позволение кланяться по-европейски и есть вместе с ханом; хан запросто разговаривал с ним, между прочим—о политике и о математике, и они вдвоем рассматривали карту Европы. Прием, таким образом, оказался исключительно любезным.

Переговоры же с министрами шли очень медленно. После больших затруднений китайцы, наконец, согласились оставить в Пекине Ланга российским консулом (агентом), но при этом лишь во время присутствия тут казенного каравана и не на русском содержании, как того добивался Измайлов, а на ханском. Каравану, стоявшему в Селенгинске, разрешили приехать и позволили впредь приезжать. Китайцы хотели, покорив джунгар, построить на Иртыше крепость, устроить там свободную торговлю и наметить именно там торговый путь, чтобы через это место, по Иртышу, через Алтай ходили русские караваны в Пекин. Измайлов не соглашался на этот проект, заявив самому хану, что это будет для России хуже и опаснее. Очевидно, китайцы домогались этим отводным вариантом отдалить русских от столицы и от Амура. Что опасения русского вооруженного натиска существовали у китайцев, видно из слов хана послу, что русский государь велик, воюет на море, и Китаю и России нечего воевать, так как у обоих государств земель множество, и русские погибли бы в Китае от жары, а китайцы в России—от холода. Главной видимой причиной плохого хода переговоров было убеждение китайцев, что торговля с иностранцами ничего хорошего не дает; поэтому они и говорили, что торговля у них не играет никакой роли (7). Их больше всего интересовал вопрос о границах, т.-е. они и тут руководились боязнью неприятного соседства. Действительно, границы не были фактически определены, а это создавало поводы для недоразумений. Петербургу, отдаленному на громадное расстояние от восточных границ империи, они причиняли мало беспокойства, но для Пекина, лежащего ближе к ним, они служили источником постоянных тревог. При этом часто случавшиеся перебежки подданных обеих сторон, причем, все-таки, больше—со стороны Внутрен-

ней Земли, невольно сплетались с вопросом о границах. Измайлов же уклонялся от решения этих вопросов, указывая на отсутствие у него полномочий на это, что раздражало министров. Перебежавшие в Россию 700 монголов совершенно испортили дело, и когда китайцы потребовали их возвращения, а Измайлов снова прикрылся своей неуполномоченностью, они об'явили, что все его дальнейшие предложения останутся без рассмотрения... Измайлов должен был уехать. Кан-Си тепло попрощался с ним, подносил из своих рук вино и долго держал его руку (8).

В истории пребывания Измайлова в Пекине очень интересны два момента: во-первых, упорное нежелание китайцев допустить, чтобы консул (а также все купцы) сами себя содержали; отказ китайцев русским в этом вытекал из основного положения китайцев, что иностранцы могут жить в их стране исключительно из милости богдыхана, а раз это так, то они считаются гостями, которых нужно было содержать самому Китаю; тем (самым пекинское правительство хотело видеть во всех народах подданных вассального государя богдыхану, лишив их свободы действий в пределах Китая; во-вторых, из сопоставления поведения Кан-Си и министров можно видеть ясно, что богдыхан «Великой и Чистой Империи», которому воздавали божеские почести (9), признававшийся всемогущим и самодержавным, в сущности был орудием в руках министров, царедворцев и ученых (10).

Основным результатом посольства Измайлова было полученное им разрешение на пропуск в Пекин каравана и назначение в Пекине агентом Ланга (11).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Посольство подготовлялось тщательно, и, чтобы быть в курсе дела, Петр I указал в январе 1719 г. «приказать выписать со обстоятельство посыланных напред сего от ц. в-ства к кит. богдыхану в характерах и без характеров с грамотами для дел его ц. в-ства, начав из давних лет и о чем возможно сыскать и известие в Посольской Канцелярии до последней посылки, в которой, как чают Они (Петр I), был Елизар Избрант, кто для каких дел посыланы и как в Китая от богдыхана приман и какими резолюциями возвращались, о чем искать надлежит в отпусках их и в статейных списках, а особливо списать грамоты, как отпущенные с посыльными от ц. в-ства к кит. богдыхану, так и от него ответные со всеми титулы и исследовать по статейным спискам.. ». Эта выпись была принята из Посольской Канцелярии 2 сент. 1719 г.

Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 1, 7162/1654 февр — 7203/1695 г., д 2. Выписка о посольствах Ф. Байкова, Н. Спафария, Н. Венюкова, окольничого Ф. Головина, Елизара Избранта и китайского посланца Шарандая (148 + X листов).

2) Моск. Гл Арх М. Ин. Дел, Снош Рос. с Кит., карт 7, 1719 г., д. 5. Отправление в Китай с Измайловым агента Ланга.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 6а, 1719 г, март, д. 1. Отправл. в Китай чрезв. посл. кап. гвард. Льва Измайлова (резолюции Петра и др. инструкции и указы). Соловьев, «Ист. России», т. XVIII, с. с. 7—10, G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand», Paris, 1912, Ch. VII.

4) Споры о титулах были очень больным местом в истории русско-китайских сношений. Московская Русь ни за что не могла отказаться от права на первенство своего титула. Олеарий об этом так отзывался: «Русские высокомерны, горды, особенно к иностранцам... они не примут никакого письма, написанного к его царскому величеству, если в нем сделан ничтожнейший пропуск в титуле или что-нибудь неизвестное им». («Путешествие Адама Олеария в Москву», «Чтения в Имп. О. И. и Др. Российских», 1868 г., кн. 3, с. 172). Перечень титулов русских и китайских, кроме Бантыш-Каменского, с. 414, есть в «Сношениях Русского Двора с Азией» Сахарова в «Отечествен. Записках», 1839 г., № 1.

5) Сношения между Китаем и Россией вообще происходили через тобольского губернатора и Цун-ли-ямень.

6) Бантыш-Каменский, «Дипломатическое собрание дел между Рос. и Кит. государ.», 1882 г., с. с. 83—84.

7) Китайцы ответили Измайлову на его просьбу допустить русских к беспошлинной торговле по всему Китаю: «У нас здесь купеческое дело невеликое и поставляем купечество невеликое дело, самые убогие люди торгуют и служители. А у нашего государя торгов никаких нет. Ныне мы видим, что вы купечество свое в велико ставите; в государевой грамоте о купечестве не написано, и написано у вас, что для пользы обоих государств, а какая вам прибыль от купечества есть, о том не сведомы. А нам де в том пользы никакой нет, и товаров русских у нас де много, хотя б ваши и не возили, нужды нет: с наших границ много товаров привозят также и кораблями, а пошлины де у нас сбирается с своих мало, и о пошлине у нас богдыханово величество не сведом...». Моск. Гл. Архив Мин. Ин. Дел, Снош. Рос с Кит., карт. 7, 1722 г., апр. 8, д. 3. Дело о даче паспортов из Коллегии Иностранных Дел отправляющемуся в Пекин для торгу купчине Степ. Третьякову с будущими при нем.

8) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 6а, 1719 г., д. 2 (копия № 3; книга № 2 имеет еще два добавочных листа). Статейн. список чрезв. посл. и гвард. кап. Льва Измайлова о бытности его в Китае, 1719 г. (л. л. 1—210). На л. 198—199 Измайлов поместил хорошую карту пути из Селенгинска в Пекин, составленную в это путешествие. Измайлов 4 июня 1719 г. получил приказание ехать в Сибирь, а вернулся в Москву 13 января 1722 г. и подал статейный список в этом году. Карт. 7, 1719 г., д. 4, Выписка из статейного списка чрезв. посл. Л. Измайлова о бытности его в Пекине. Карт. 67, Выписка о бытности Головина, Измайлова и Владиславича (1686—1725) в Китае. Карт. 89, Выписка о бытности в Китае Измайлова 1720 г., ноября. по возвращении его 8 апр. 1721 г. в Селенгинск.

9) Ides, «Voyage de Moscou à la Chine...», Recueil de voyages au Nord, t. VIII, p. 213.

10) Это положение вещей мало изменилось и впоследствии.

11) Моск. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 68, Выписка (1721—1739 г. г.) о посыланных в Китай рос. караванах, составленная в 1776 г.

XI. Агент Ланге. Состояние казенной и частной торговли.

После от'езда Измайлова в 1721 г. (1), прибыл в Пекин ожидавший на границе караван Истопникова, и Лангу (2), оставленному Измайловым российским агентом, пришлось испытать всю тяжесть и затруднительность сношений с Срединной Империей.

Пропустив в столицу караван, мандарины выбрали для хана лучшие соболи, но давали вместо следуемых 20 лан только 3. Столь же низко они ценили и другие меха. Это повело к ссорам. Чиновники, приставленные следить за рус-

скими, мешали торговле, пропуская купцов только после поборов. Ланге при этом не проявлял уступчивости и не одаривал ни высших министров, ни низших чиновников. К тому же китайцы, в подрыв русской торговле, продали из ханской казны 20.000 лучших соболей, под предлогом переполнения ими хранилища (3). Конечно, это сильно повредило сбыту русских мехов, которые и так плохо продавались. Наконец, Лангу стали говорить, что он уже довольно поторговал, и что ему пора уходить с караваном из Пекина, потому что русские продают все дорого, заботятся лишь о своей прибыли; к тому же, пекинский двор презирает торговлю и желает получить назад 700 своих перебежчиков, и «уже давно Россия прельщает их надеждой урегулировать пограничные дела, установив окончательно границы между двумя государствами, но не проявляет ни малейшего труда исполнить это», и поэтому богдыхан решил не пропускать караванов, прежде чем не будет решен вопрос о границах, а посему присутствие Ланга при дворе делается совершенно бесполезным (4). На это Ланге ответил, что он удивлен узнать, что богдыхан так мало заботится о выгодах русского государя, и что после окончания шведской войны ему ничто не помешает обратить оружие в эту сторону, так как его терпению может наступить конец (5).

Ланге, пробыв 17 месяцев в Пекине, итак, должен был в июле 1722 г. выехать в Селенгинск (6). Это было результатом происков первого министра, который получил от Ланга мало подарков. Сам богдыхан, как в данном случае есть основания полагать, едва ли играл определяющую роль, так как он лично относился к Лангу очень хорошо. Дела вершили китайские чиновники. С другой стороны, Ланге не проявил торгово-дипломатической гибкости и изворотливости, не только не одаривая китайских чиновников, но даже грубо и недипломатично обходясь с ними; например, он отказался дешево продать меха первому министру, а караульных солдат, пришедших просить на водку, прогнал. Система же взяточничества, прочно принятая в китайском государственном апарате, требовала иного подхода; по словам путешественника Доббеля, чиновники не стеснялись даже красть товары; иностранцы поступало иначе, чем Ланге, подкупая всех, от последнего таможенного чиновника до министра, а самому хану привозили много подарков (7). Неудачу пребывания каравана в Пекине дополняло еще то, что в пограничных местах торг также был прерван, и в Урге русские купцы (большею частью из Селенгинска) даже были ограблены, побиты и выгнаны (8).

Нежелание русских возвратить монголов настолько раздражало манчжурскую династию, что Кан-Си начал готовиться к войне; однако, он умер в декабре 1722 г., процарствовав 61 год, новый же император, опасаясь враждебно настроенных братьев, решил не ссориться с Россией. В 1723 г. в Урге позволили торговать только по 30 человек «порядочных» купцов, под надзором иркутского дворянина, который должен был

наказывать виновных купцов в присутствии монголов. Об этом был послан указ из Тобольска. Но это все же не повело к успокоению, ибо китайцы настойчиво требовали возвращения монголов и разграничения земель. Нельзя сказать, чтобы русское правительство решило совсем не выдавать перебежчиков-монголов; хотя выдачей их оно и подорвало бы свой авторитет и влияние среди инородческих масс и потеряло бы часть ясачников, но непрестанные требования Китая заставили Россию обратить внимание на этот пункт и пойти на некоторые уступки; однако, без разбора отдавать беглецов петербургское правительство тоже не хотело, тем более, что некоторые из беглецов могли жить еще до Нерчинского трактата на русской территории и посему не подлежали по трактату выдаче. Для расследования этого вопроса была назначена императором Петром комиссия во главе с Лангом. Об этом довели до сведения китайцев. Однако, до окончания расследования китайцы не хотели все-таки пропустить каравана Третьякова, стоявшего на границе. Наконец, злополучное расследование о семистах монголах было закончено русскими: оказалось, что, согласно Нерчинскому трактату, Внутренней Земле подлежало выдать лишь 24 человека мужчин с семействами и имуществом, потому что все прочие монголы жили на русской земле до заключения Нерчинского трактата. Когда же китайцы назначили послов в Селенгинск для переговоров с Лангом, которому было поручено вести их, то из этого ничего не вышло, потому что китайцы выдвигали на обсуждение вопрос о границах, а Ланге говорил, что у него для этого нет полномочий. Китайцы тогда заявили просьбу о присылке полномочного посла. Между тем, в Урге, несмотря на присутствие иркутского дворянина, беспорядок в торговых отношениях продолжался. Чтобы упорядочить взаимоотношения и предупредить протесты, воевода иркутский, по просьбе Ланга, приказал всех беспаспортных купцов в Урге высылать в Селенгинск, не ездить туда в неуказанном числе (т. е. более обусловленного числа 30 чел.), долго там не жить, а вместо умершего иркутского дворянина никого не назначать. Однако, когда 58 казанских и других купцов не были пропущены монгольским караулом в Ургу, они пробились силой. Хотя, согласно Нерчинскому договору, было решено их наказать, но это показывает, как было трудно, даже при добром согласии русских властей, что случалось, впрочем, редко, вести торговые сношения в договорных рамках, сдерживая стихию.

Это происходило уже в 1725 году, когда умер Петр I, и его преемница, Екатерина I, в исполнение просьб китайцев, послала к ним чрезвычайным послом и полномочным министром Рагузинского (9).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) При Измайлове были два иностранца, описавшие это путешествие: доктор-натуралист Джон Белль Антермони (John Bell of Antermony), путешествовавший в 1715—1722 г.—«Travels from St.-Petersburg in Asia»,

Glesgov,1763, 4°, vol. II; франц. перевод—«Voyages depuis St.-Petersburg an Pussie dans divers contrées de l'Asie», III, 1766; оно имеется в русском переводе: «Белевы путешествия через Россию в разные асиятские земли, а именно: в Испанию, в Пекин, Дербент и Константинополь. Перев. с франц М. Попов», П., 1776 г., 3 части; другой иностранец—Иоганн Унферцагт (Unverzagt) написал: «Die Gesandschaft Ihro Kayserl Majest. von Grossrusland an den Sinesischen Kaiser 1719 von Petersburg nach Pekin», Lübech, 1725, 8°. Известия Унферцагта и Белля не сходятся в датах и пр. (B. Krieger, «Die ersten hundert Jahre russisch-chinesischer Politik», Berlin, 1904, S. 39, примеч.).

2) Лоренц Ланге (из Стокгольма) оставил описание путешествия: «Journal du sieur Lange, contenant ses negociations à la Cour Chine en 1721 et 1722 avec des remarques», напечатанное в «Recueil de voyages au Nord», t. VIII, Amsterdam—MDCCXXVII, p. 221—371. Во II т. «Voyages depuis S-Petersb. en Russie. . . par Bell d'Antermony» есть также «Journal de M. Lange».

Описание путешествия Ланга издано еще у Pallas—«Neue nord. Beitr.», Leipz, 1781, Th. II, Ss 83—207. Klaprot—«Memoires relativ à l'Asie», vol. I, p. 4, Paris, 1826—28 Остальная библиография о Ланге, Белле и др.—G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine...», Paris, 1912, Bibliographie.

Ланге был родом швед («Белевы путешествия...», пер. с франц, П., 1776 г., ч. I, с. 9). Де-Лави в своем донесении французскому министерству (1718 г.) писал, что Ланге—швед, приемный сын доктора Арескина, тайного советника царя, три года пробыл в Пекине с караваном, с поручением произвести там наблюдения над всем, и к концу 1717 г. вернулся в Петербург. «Говорят, пишет Лави, что... (Ланге) сделал весьма любопытное исследование, и потому его ц. в-ство со времени его возвращения имел с ним несколько разговоров, продолжавшихся по шести часов каждый раз, и чрезвычайно его полюбил». Ланге лично сообщил Де-Лави, что перед от'ездом его из Пекина там предполагалось воспретить торговлю англичанам и голландцам, разрешив ее лишь трем судам их с тем, чтобы они входили в китайские гавани невооруженными; если это было бы сделано, Россия сильно увеличила бы торговлю с Китаем, и «если бы (по словам де-Лави) эта торговля не составляла монополии, а царь предоставил бы к ней свободный доступ всем нациям или по крайней мере, своим подданным, это дало бы ему в десять раз более выгод; таково мнение лиц, понимающих это дело». Ланге тогда получил приказание готовиться к от'езду в Пекин с официальным званием. (Сборник Импер. Рус. Истор. Общ., т. 34, с. с. 303, 380). Де-Кампредон в донесении от 1721 г. (окт., ноябрь) называет Ланге ливонцем и сообщает, что он вел переговоры с Китаем, и «недавно он (Петр I) заключил с китайским императором договор, который позволит ему получать из этой страны все товары, по самым дешевым ценам» (там же, т. 40, с. с. 287—288).

3) Измайлов сам видал «что ряды, где торгуют, мехами наполнены», а, кроме того, тысячи верблюдов и телег шло из Урги с пушниной, когда Измайлов ехал степью. (Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дел, Снош Рос. с Кит., карт. 7, 1722 г., апр. 8, д. 2).

4) Lange, «Journal du sieur Lange», p. 337 (в Recueil de voyages au Nord, t. VIII).

5) Lange, «Journal. . .», p. 339.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 7, 1771 г. и 1772 г, д. 2, Реляции Ланга из Пекина и Селенгинска.

7) «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге Петра Доббеля», пер. с анг., П., 1833 г., ч. I, с. с. 13, 30, 44, 56, 57 и др.

8) Доношение из Сибири 30 июля 1723 г., Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел. », с. 106 и след.

9) Бантыш-Каменский, «Дипл. соб. дел...», с. с. 107—113 и след. Соловьев, «История России», XIX, изд. II, М., 1876 г., с. с. 231—237, посольство Саввы Владиславича-Рагузинского.

XII. Посольство Владиславича-Рагузинского в 1725—1728 г.—Буринский договор августа 1727 г. и Кяхтинский трактат октября 1727 г.

Посольство Измайлова в 1719—1721 г. и его переговоры с китайцами явились в последующем как бы преддверием к заключению с Китаем нового трактата, необходимость которого уже давно сильно чувствовалась быстро возраставшим и крепнувшим российским торговым капиталом. Нерчинский договор, составленный еще в 1689 г., очень быстро потерял свое значение регулятора соседских отношений между обеими империями, который удовлетворял бы реально-сильнейшую сторону. Тот путь напряженного меркантилизма, которым развивалась Россия в течение конца XVII и начала XVIII столетий и который нашел свое выявление во внутренней и внешней политике Петра I, создал условия, при которых русский торговый капитал и отражавшая его стремления государственная власть уже давно признавали Нерчинский договор несовершенным и устаревшим. И официальным поводом, и действительной для русской экономики причиной к возбуждению вопроса о новых договорах являлись недостатки в редактировании текста Нерчинского договора, его чрезмерная лаконичность и неопределенность; границы по нему не были точно обозначены и фактически осуществлены, а о торговле были постановлены лишь общие положения, которые не могли дать желательных для русской торговли результатов. Поэтому было снаряжено посольство Рагузинского,—задачей которому было поставлено точно определить границы и выработать подробнее правила для торговли.

Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, иллирийский граф, прибывший в начале XVIII века в Россию, был родом грек. В деле ведения переговоров он выказал большое уменье, дипломатический такт и способность воспользоваться во-время удобными для него средствами (1).

В наказе Рагузинского говорилось то же, что и в наказе Измайлова. Так как носились слухи, что китайцы все-таки хотят устроить на р. Иртыше (в верховьях этой реки) крепость, ему было повелено ни за что не соглашаться на это. Впрочем, на деле, при переговорах китайцы и не упоминали об этом, потому что верховьями Иртыша они еще не завладели и территория эта находилась во власти Контайши (2). Рагузинский должен был добиться позволения свободной торговли и вывоза золота, серебра и пр. (3), а также разузнать о торговле с Китаем англичан, французов и португальцев. По этому поводу Рагузинский узнал, что «сего числа по известию, кроме португальцев, в Пекин никого не пускают, а в пристани—тех, с кем есть древние трактаты» (4). О Кантоне «нужно было уведомиться, ибо оный город к купечеству от всех китайских городов способнейший есть, а наипаче русской нации, ибо всегда можно водой из Пекина до Кантона, а из Кантона до Пекина

ездить», а для этого нужно было узнать цену провоза, монету, вес и т. п. (5).

Снабженный многочисленными приказаниями, причем не была забыта и Япония, о которой нужно было расспрашивать, так как она вела торговлю с Китаем (6), Рагузинский, с обильными и ценными подарками богдыхану и с 3.000 рублей специально для раздачи поборов, отправился в далекое путешествие, в сопровождении межевых комиссаров для разграничения земель (7).

Прибыв в Иркутск, Рагузинский принялся за составление пограничной карты, так как у русских такой карты не существовало, а европейские карты были неправильны. Тут он, узнав, что караванный комиссар Третьяков, дожидаясь на границе разрешения от Китая в'ехать в Пекин, умер, назначил на его место комиссаром Молокова. Однако, в Пекин никого не пускали, и только купцам, тоже ожидавшим на границе в течение полгода, было разрешено с 300 телегами в'ехать в Ургу. Из Иркутска Рагузинский отправился через Селенгинск на Стрелку (ок. границы на р. Чикое), где стоял злополучный караван, который вследствие непогоды и отсутствия помещения находился в плохом состоянии. Несмотря на все старания, послу не позволили взять его с собой в Пекин. Положим, сам Рагузинский лично не видел от казенного каравана никакого прока, хотя бы он и торговал в Пекине, потому что русские купцы привозили в Срединную Империю много «мягкой рухляди» (мехов), подрывая тем казенную торговлю. Для этого нужно было купцам запретить торг мехами в Китае, пока там пребывал караван (8). Действительно, Российский Верховный Тайный Совет 14 декабря запретил русским, как это часто практиковалось правительством и раньше, эту частную торговлю во всей Срединной Империи, пока караван Молокова не продаст товаров, но другими товарами купцы могли свободно торговать; тогда же было приказано впредь не посылать казенных караванов и предоставить торг частным купцам, чтобы они могли восполнить ущерб, понесенный от прежних запрещений. Однако, казенные караваны потом опять посылались.

Рагузинский выехал вместе с Лангом в Пекин. Несмотря на почетную встречу, с пальбой из пушек, и почетные шпалеры войск, «кван» (Посольский дом) был окружен солдатами, и ворота ночью были запечатаны.

Начались переговоры, которые, после долгих возражений и соглашений, привели, наконец, благодаря обнаруженной энергии, ловкости и хладнокровию Рагузинского, в 1727 г. к Кяхтинскому трактату, легшему в основу более чем вековых коммерческих и дипломатических отношений Российской и Срединной Империй.

В Пекине Рагузинский прямо приступил к вопросу о торговле. Однако, китайские уполномоченные настойчиво потребовали прежде решения вопроса о границах, причем пред'явили притязания на земли до Тобольска и требо-

вание о возвращении всех беглецов. Оба эти требования посол решительно отвергал. Китайцы, однако, продолжали настаивать на этом, Рагузинский же замалчивал эти требования, поднимая вопрос о торговле и выводя этим из терпения уполномоченных, которые старались вредить ему всякими способами. Опираясь на доброжелательное отношение к нему хана, Рагузинский не сдавался, но вдруг он заболел (9). Хан поспешил послать к нему своего доктора, а уполномоченные притихли. Выздоровевши, посол на аудиенции сказал хану (Юн-Чжену): «Ваше величество, вы вылечили меня от болезни, вылечите же и от печали: повелите, чтобы дела, мною представляемые и неоконченные в Пекине, были окончены на границе» (10). Рагузинский стремился на границу, так как не без основания полагал, что китайских уполномоченных несговорчивых в Пекине, на границе, вдали от придворных, легче можно будет уговорить, подкупить или устрашить силой. Юн-Чжен согласился на предложение посла и послал уполномоченных на границу.

Возвращаясь на границу, Рагузинский по пути видел, что китайцы готовятся к войне, укрепляя города. На систему устрашения он ответил тем же, велев собрать войска и ополчить инородцев; с другой стороны, он подкупил монгольского тайшу, который был в числе советников китайских министров, чтобы тот сообщал ему об их планах; в Пекин же он послал первому министру мехов на 1.000 р. и удачно устранил из числа своих противников одного из министров, самого ярого оппонента против русских предложений, который и был, по приказанию хана, лишен чина и имущества. В результате всего тактика военных демонстраций и подкупов привела сначала к Буринскому договору, а потом к Кяхтинскому трактату, по которому посол получил все то, чего ему прежде не хотели дать (11).

Буринский договор (12) был заключен в августе 1727 г. в лагере посла на речке Буре (13), в 100 верстах от Селенгинска. Русские границы, согласно договору, оказались далеко расширенными. Как докладывает Рагузинский, пограничные жители были рады, видя «границу зело прибыточной», т.-е. что они очень приблизились к Монголии и прибавилось много земель; все это они выразили письменно Рагузинскому (14). Буринский договор точно определил границы, обозначив их знаками, сделанными из камня почти квадратной формы, в 2 сажени вышиной (15). Эти знаки были поставлены со стороны Китая и России один против другого с соответствующими надписями, обыкновенно на сопках и хребтах количеством 87: от реки Кяхты на восток до вершины р. Аргуни 63 знака, да 15 караулов, а на запад от Кяхты до владений Контайши (т.-е. до урочища Шабин-Дабага) 24 знака и 6 караулов (16). В караулах должны были находиться с обеих сторон лица одинакового чина. Караульные обязаны были следить за контрабандой и беглецами. Благодаря чрезмерному личному усердию русских межевиков, которые, работая по установлению межевых знаков

с китайцами, убеждали их гласными и негласными способами, знаки были поставлены как можно дальше к югу (17).

После этого в Пекине был подписан генеральный трактат, проект которого Рагузинский послал с границы (18). Так как Внутренняя Земля теперь согласилась на отправку каравана Молокова, Рагузинский поспешил отправить его в Пекин, предписав ему пробыть в Урге только 40 дней. К этому времени Рагузинский узнал о вступлении на престол Петра II, а в ноябре уже был прислан из Пекина трактат.

Но как же изумился посол, увидя текст трактата совершенно измененным. Богдыхан титуловался: «Царь над царями», «Монарх всея вселенныя» и т. д., распределение границ было совершенно иное, чем по Буринскому договору. Рагузинский отказался от такого трактата и потребовал об этом известить богдыхана. Тогда китайцы стали угрожать ему изгнанием каравана из Пекина. На это Рагузинский заметил, что шведы за желание отнять одну провинцию поплатились пятью провинциями и ста городами, а также Персия за удаление каравана лишилась тоже пяти провинций и сорока городов.

Видя, что сами китайцы не известят хана, посол тайно отправил через Ланга, который был с караваном в Пекине, мемориал к богдыхану, с жалобой на министров. В результате был получен трактат, подписанный Юн-Чженом, от 21 окт. 1727 г. и вполне согласный с желаниями русского дипломата.

В июне 1728 г. он был разменен обеими сторонами на берегу речки Кяхты, отчего и называется Кяхтинским трактатом (19).

Содержание этого трактата, явившегося плодом трехлетних томительных сношений и 58 конференций (20), было следующее:

1) Вечный мир.

2) Забыть старое, а перебежчиков вновь выдавать.

3) Границы подробно определены (включен почти весь Буринский договор).

4) Свободный караванный ход в Пекин через каждые три года, но не более 200 человек зараз. С покупки и с продажи берется пошлина (21). Купцы сами себя содержат, имеют право покупать по дороге вьючных животных, нанимать работников; можно покупать все товары, кроме запрещенных. Жить постоянно в Пекине нельзя (но срок временного пребывания не определялся). Для меньшего купечества избираются два места на границе: при Нерчинске и на р. Кяхте, где «построятся дома и оградятся оградой, или палисадом». Дороги туда устанавливаются определенные, а кто не поедет по ним, у того конфискуется товар. На границах офицеры равного чина стоят во главе пограничных служащих, «место да стерегут и несогласия да разводят».

5) Кван (или «коен»—Посольский дом) отдавался в Пекине в собственность русским, и сюда будут приезжать русские и жить три русских священника («ламы»). В Пекине 6 молодых русских будут учиться местным наречиям.

6) Проезжие грамоты должны быть с печатями, и между собой сносятся Сенаты обеих Империй.

7) Границы около р. Уди и гор к востоку остаются пока неразграниченными до будущего времени.

8) Пограничные управители решают дела скоро и справедливо.

9) Посланники и курьеры должны немедленно приниматься, но с послом караван не пропускается, если не наступил срок каравана. На письма немедленно отвечать.

10) Перебежчиков казнить на месте, казнить и воров.

11) Размен трактата.

Таковы пункты этого важного трактата, который положил начало кяхтинской торговле между Россией и Китаем и был подвергнут существенным изменениям лишь в 1851 году вследствие заключения Кульджинского трактата (22).

В России Кяхтинский трактат признали очень выгодным, и Владиславич-Рагузинский за проведение его был пожалован тайным советником и кавалером ордена Александра Невского (23). С этого времени русское правительство, содержа в Китае учеников, могло иметь ученых и надежных драгоманов, тем более, что сношения с Китаем развивались, а переговоры шли на латинском, русском, монгольском и манчжурском языках. Прибегать к помощи иезуитов теперь не нужно было, что было крайне важно, потому что иезуиты часто способствовали ухудшению позиции русских в переговорах и сношениях, преследуя свои материальные выгоды. К тому же, сами иезуиты уже не пользовались в «Цветущей Империи» прежним авторитетом; в начале XVIII века они даже подверглись преследованиям, и китайское правительство стало обращаться к помощи служащих в русской Духовной Миссии для перевода бумаг (24).

Начиная также с этого трактата, был урегулирован и способ сношений между империями, обходивший вопросы придворной титулатуры. Зная традицию китайцев в своих грамотах писать «посылаем сверху на низ» (25), Рагузинский, во избежание унижения державного достоинства его страны и правительства, уговорился, чтобы переписывался русский Сенат с китайским министерством, а не главы государств. В Китае же всей перепиской с иностранными государствами и приемом послов и караванов заведывало министерство «Ли-фан-юан» (26). Теперь оно было приравнено к Российскому Сенату и в переводе названо иезуитами «Великий Трибунал». Оригинально, что китайцы все-таки не позволяли русскому Сенату называться «Трибуналом», но в трактате со стороны России он назван Российским Трибуналом («Сената или Трибунала Российского») (27), а в трактате с китайской стороны он именуется просто Сенатом (28). Отчего произошла такая разница в текстах — неизвестно: была ли это хитрость со стороны китайцев, или сам Рагузинский не досмотрел, но она послужила впоследствии поводом к недоразумениям: китайцы не хотели принимать бумаг от «Российского Трибунала», а русские учитывали, как подрыв

державного достоинства России, трактовку Сената ниже Трибунала. Юридически обе стороны были вполне правы в своих притязаниях, так как каждая сторона опиралась на текст своего трактата (29), но фактически расхождение текстов всегда могло сыграть роль повода для претензий фактически более сильной стороны.

Итак, Кяхтинский трактат старался разрешить три главных вопроса: о границах, о способе дипломатических сношений и о торговле. Первый вопрос был решен удачно, потому что споры о границах затихли; второй—не вполне, третий же, хотя и упорядочил торговлю, но не мог прекратить столкновений, вследствие противоречий экономических интересов обоих государств.

В силу трактата, торговля (мелкая) теперь должна была происходить на границе и то только в двух местах, и в каждом месте русские и китайцы должны были выстроить друг против друга, каждый на своей территории, торговые слободы, причем расстояние между ними должно быть нейтральным. Согласно трактату, Рагузинский выбрал для этой цели два места, где построил торговые слободки: одну—на р. Кяхте, которая потом стала называться «Кяхтой» (30), а другую—на урочище Цурухайте на р. Аргуни; эта слободка стала известной под названием «Цурухайта». Китайцы выстроили против «Кяхты» только в 1730 году Маймачинскую слободку, в расстоянии 120 саженей от русской; против Цурухайтской же слободки ничего не выстроили, потому что там торговля развивалась совсем слабо. Купцы, по приказанию посла, были переведены из Урги в Кяхту, а из Науна—в Цурухайту. Этими мерами, по мнению Рагузинского, избегалась возможность со стороны купцов, ездя в Ургу окольными дорогами, уклоняться от платежа пошлин, что приносило вред казне; кроме того, торговля из неудобной Урги, лежащей среди редко населенной и почти голой степи, переносилась в лучшее место, хотя Кяхта тоже не могла похвалиться заселенностью своей местности, а о Цурухайте, лежащей далеко к востоку, и говорить не приходится; и, наконец, как писал Рагузинский, провоз товаров теперь будет стоить купцам дешевле (31). Однако, китайские купцы были недовольны установлением торговли на границах и уничтожением ее в Урге, и в 1728 году они заявили ургинскому заргучею (начальнику): «Мы не желаем купечество иметь на границе, нам купечество иметь в Урге в пользу. А буде при границе нам торговать, прийти в конечное раззорение, а в Ургу приезжают со многих стран, и у нас покупают товары, а на границе со одними русскими торговать» (32). Тем не менее, во исполнение заключенного трактата, ургинская торговля была перенесена на речку Кяхту.

Между тем, возникло недоразумение по поводу каравана Молокова (33), пришедшего с Лангом в Пекин. На предложение Рагузинского установить в Пекине постоянное консульство китайцы не согласились, указав, что Ланге может приходить лишь с караванами, так как в противном случае ему нечего

делать в Срединном Царстве. И хотя караван Молокова являлся первым караваном после заключения Кяхтинского трактата, китайцы все же начали притеснять его, говоря, что им навезено много товаров, на которых «за плохостью товаров и жарким временем мало купцов сыскалося» (34). Видя столь недоброжелательное отношение китайцев и убедившись, что караван при таких условиях не сможет распродать всех своих мехов, Ланге выехал из Пекина месяц спустя после размена трактатов. К тому же, он был вызван в Россию Верховным Тайным Советом, который хотел подробно узнать от него о результатах торговли и о том, какой выгоднее послать караван в Китай: частный или казенный. Как видно, русское правительство к этому времени постепенно начало проникаться мыслью о нецелесообразности посылки казенных караванов, которые, хотя иногда и давали громадную прибыль, но в то же время служили и причиной возбуждения несогласий между государствами, подрывая, вместе с тем, частную торговлю и, благодаря запретным товарам, способствуя сильному развитию контрабанды.

Обзор последующих событий показывает, что Петербургское правительство в вопросе о целесообразности казенных караванов проявляет сильные колебания и то решается отменить казенный торг, то вновь восстанавливает его.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) По возвращении из Китая, Рагузинский представил в 1731 г. правительству интересную «Секретную информацию о силе и состоянии Китайского государства» («Русск. Вестн.», 1842 г., № 2—3, с. с. 180—243, 281—337. Бантыш-Каменский, «Дипл. соб. дел...», с. 373. Здесь изданы и все остальные важнейшие документы, относящиеся к посольству Владиславича-Рагузинского). С такой же осведомительной целью бывший в Китае Россохин перевел небольшое сочинение (в нем нет экономических сведений): «Краткое известие о китайском государстве, о манчжурских ханах, о секретном расположении манчжурских войск и о состоянии китайского столичного города Пекина, перевед. на рос. язык прапорщиком Ларионом Розсохиным».

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 10, 1725 г., д. 13 (книга большого формата).

2) Изъяснения гр. Рагузинского, Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 484.

3) Бантыш-Каменский, с. 119.

4) Португальцы впервые появились в Кантоне в 1516 г., голландцы в Китае—в 1601 г., Швеция и Дания вошли с ним в сношения в 1730 г.; французские корабли прибыли в Китай в половине XVII в., американские корабли—в 1784—1785 г. («О торговле Кантона и Китая», Журн. «Мануфактур и Торговли», 1851 г., ч. 1). Что же касается англичан, им пришлось бороться с влиянием португальцев и голландцев в Китае. В 1635 г. Англия договорилась с Португалией о совместной свободной торговле в этой стране. Англичане утвердились в Макао, где торговали и португальцы, и этот порт был единственным местом торговли европейцев с китайцами. После утверждения в Китае манчжурской династии английская торговля стала укрепляться, и корабли Англии стали чаще посещать китайские воды, но особое усиление этой торговли началось в XVIII ст. Ост-Индская Компания прежде посылала торговые морские караваны по 4 корабля, в 1747 г. она послала уже 8, а в 1789 г.—21.

Усилению торговли Англии и др. европейцев, а также Америки с Китаем послужил увеличившийся в Европе спрос на новый товар — чай, за который англичане платили серебром, охотно принимавшимся китайцами. Англия в свою очередь начала ввозить в Китай опий, на который китайцы стали пред'являть громадный спрос. Бэр, «История всемирной торговли», Москва, 1786 г., ч. II, с. с. 300—301).

5) Рассуждение Коммерц-Коллегии, Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 480.

6) Бантыш-Каменский, с. 481.

7) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., картон 11, 1725 г. (д 6), подлинная инструкция Владиславичу с приложениями. Тут же ему были сообщены в копиях дела о предыдущих сношениях Рос. с Китаем. Карт. 9, 1725 г., д. 4. Отправление в Китай Владиславича; тут же бумаги его канцелярии. Карт. 27. Выписка из статейного списка Владиславича. Карт. 14.

8) Реляция Рагузинского в Коллегию Ин. Дел с речки Буры 31 августа 1726 г.

9) Видя, что Рагузинского нельзя подкупить, китайцы морили его голодом, давали пить соленую воду, угрожали тюрьмой.

10) «Наши сношения с Китаем с 1657 г. по 1805 г.», П. Шумахер, «Русский Архив», 1879 г., кн. II, с. 176.

11) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 26, 1729 г., д. 4. Краткий экстракт пребывания Владиславича в Китае, его журнал путешествия из Петербурга в Пекин и обратно, копия проекта Буринского трактата, статейный список Владиславича и пр. Карт. 19, 1727 г., д. 9, Реляция Владиславича государю.

12) 20 августа 1727 г. «Сборник договоров России с Китаем», 1689—1881 г., изд. Мин. Вн. Дел, П., 1889 г., тексты русский, латинский, монгольский и манчжурский. Русская орфография разнится от Полного Собрания Законов, 5143, 5180, 5189. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», тексты, с. с. 341—364. Н. Балкашин, «Трактаты России с Китаем», Памятная Книжка Зап. Сибири, Омск, 1882 г., с. с. 20—29. Т. Юзефович, «Договоры России с Востоком, политические и торговые», П., 1869 г.

Буринский тракт., распределение пограничной стражи и инструкции С. Рагузинского по пограничным делам также изданы в «Исторической записке о китайской границе, составленной советником Троицко-Савского пограничного Правления Сычевским в 1846 году». (Чтения Им. Общ. Ист. и Др. Рос. 1875 г., II, с. с. 17—81). Амурские земли и при Рагузинском остались неразграниченными «за неимением о тех землях известия», и Рагузинский напрасно требовал («многократно письменно и словесно») от якутского воеводы и иркутского коменданта описания и карт этих областей; Коллегия Ин. Дел в 1731 г. подтвердила первому иркутскому вице-губернатору необходимость доставить эти сведения. (Там же, с. с. 96—97).

13) «Бордо» — по Тимковскому Е. («Путешествие в Китай через Монголию», 1820—1821 г. г., с картой, П., 1824 г.; часть записок напечатана в «Сиб. Вестнике» 1823 г., ч. I, ч. II, 1824 г., ч. III, ч. I, с. 24). Это был скорее «ручей» (Pallas P., «Reise durch verschiedzne Provinzen des Russischen Reichs», S.-Petersburg, 1776 г., III, S. 111).

14) Бантыш-Каменский, «Дипл. соб. дел...», с. 344.

15) «Записки о местах, лежащих при р. Амуре», «Сиб. Вестник» 1824 г., ч. II.

16) О разводе границ с реестром пограничных знаков (маяков) — «Сборник договоров России с Китаем», с. с. 28—49, с текстами: русским, монгольским и манчжурским.

В бытность Миллера в Сибири (1735 г.) при р. Аргуни стояло 20 тыс. березовых саженных столбов, и новейший был 1735 г. 25 июня («История о странах, при р. Амуре лежащих...», «Ежемесячные сочинения» 1757 г., июль-октябрь, с. 325).

17) Моск. Гл. Арх. Ин. Мин. Дел, «Снош. Рос. с Кит.», карт. 14, 15, разные листы: «Статейный список посольства тайного советника и кавалера чрезвычайного посланника и полномочного министра илирийского

гр. Савы Владиславича», т. I (карт. 14), т. II (карт. 15). Этот «Статейный список» представляет собой две большие в кожаном переплете беловые книги большого формата. В I томе (л. л. 1—616) заключается описание путешествия из Петербурга (1725 г., 11 авг.), пребывание в Китае, при границе до заключения пограничного трактата (20 авг. 1727 г.), а во II том (л. л. 617—1086)—дальнейший ход посольских событий до размена генерального трактата, возвращение посла в Москву и завершение всего посольства.

18) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 24, 1728 г., д. 11, проекты трактата, переписка Владиславича с китайскими министрами.

19) «Сбор. дог. Рос. с Кит.»; тексты русский (как со стороны Китая, так и России) и манчжурский. Полное Собр. Законов, 5286. Бантыш Каменский, «Диплом. собр. дел...», с. с. 365—373. Т. Юзефович, «Договоры России с Востоком, политические и торговые», П., 1869 г., Н. Балкашин, «Трактаты России с Китаем», с. с. 29—36.

20) Шумахер П., «Наши сношения с Китаем», Р. Архив, 1879 г., кн. II, ст. 176.

21) Владиславич хлопотал о вольной беспошлинной торговле по всему Китайскому государству, но китайцы энергично воспротивились этому, говоря: «Разве де ваш Китай будет, то и ваши агенты и вольное купечество во всем Китае расплодится», и разрешили приходить только в Пекин.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 27, 1729 г., д. 10.

22) Клапрот писал, что Кяхтинский договор по-манчжурски на подлиннике называется «Двенадцать таблиц». Это указание могло относиться только ко времени с 1768 г., когда была присоединена дополнительная двенадцатая таблица («О дипломатических и торговых сношениях России с Китаем», Ю. Клапрот, Московский Телеграф, 1826 г., ч. VII, с. 157).

В виду упомянутого значения трактата, служившего основой в русско-китайских сношениях в течение почти 125 лет, приводим его пунктуальное содержание по списку, хранящемуся в Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел. (В 1889 г. был издан русский текст с параллельным латинским текстом, а также манчжурский текст трактата с китайской стороны, русский и латинский в «Сборнике договоров России с Китаем 1689—1881 г.», изд. Мин. Ин. Дел, П., 1889 г, с. с. 50—83). Орфографию кяхтинского трактата, современную ему, сохраняем полностью.

«По указу Імператрицы Всероссійскія, и протчая, и протчая, и протчая, посол Сава Владиславичь Ільлірійской Графъ, присланной для обновленія и вящаго утвержденія мира, которой прежде сего при Нипкове (Нерчинском) между обоими Імперіями заключенъ былъ, согласился Імператора Імперія Тайджинъ называемаго с вельможи опредѣленными, сирѣчь с Царскимъ совѣтникомъ вельможею трибунала мандаринского президентомъ и внутреннія палаты дѣлъ управителемъ Чабиною, с Царскимъ совѣтником велможею трибунала внѣшнихъ провинцей управителя президентомъ и красного знамени вельможею Тегутом, трибунала военного президентомъ Тулешинымъ, и договорились какъ слѣдуетъ:

1.

Сей новый договоръ нарочно здѣлан, чтоб между обоими Імперіями миръ крѣпчайшій былъ и вѣчный и от нынѣшняго дне каждое государство своими подданными имѣетъ владѣть и удерживать и зѣло почитая миръ каждый имѣетъ жестоко своих собирать и крѣпить, чтоб никакого противного дѣла не могли возбудить.

2.

Нынѣ, следуя обновленію мира, не довлѣютъ воспоминатися прежнія дѣла между обоими Імперіями, ниже возвратитися перебѣщики, которые прежде сего уходили, но да оставятся по прежнему. А впред ежели кто убѣжитъ, ни по какому образу имѣетъ удерживатся, но с обоихъ сторонъ прилежно сысканные и пойманные да отдадутся людемъ пограничнымъ.

3.

Россійской посолъ Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь с вельможи китайскими вкупѣ согласился:

Границы обоихъ Імперій суть дѣло зѣло важное, ежели мѣста не будутъ осмотрены, тому быть невозможно. Того ради, Россійской посолъ Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь поѣхалъ на границы и тако согласился китайского государства с генераломъ Шусакъ торой кунъ вамъ хоксой Ефу Церинъ и с Бесыгою вельможею Царского караулу и с Тулешинымъ вторым президентомъ трибунала военного, и обоихъ Імперій границы и краи постановили какъ следует:

От россійского караулу строенія, которое при речкѣ Кяхте, и каменного маяку караулу китайского, которые суть на сопке Орогойту. Между тѣхъ двухъ маяковъ земля лежащая раздѣлена равномѣрно пополамъ, и на срединѣ поставленъ маякъ во знакъ разграниченья, и тутъ учреждено мѣсто купечества обоихъ государствъ. Оттуды посланы комисары в обѣ стороны для разграниченья.

И начиная от того вышереченного места к востоку, по вершинѣ горъ Бургутейскихъ, до Киранского караулу. И отъ Киранского караулу по Чиктаю (Чикою), Ара худара, Ара ходаинъ усу. Противъ техъ четырехъ карауловъ часть реки Чикоя постановлена за границу.

Отъ Ара хадаинъ усу до маяку караульного мунгальского Убуръ хадаинъ усу, и отъ Убуръ хадаинъ усу до маяку мунгальскихъ карауловъ места Цаганъ ола, все пустые мѣста между завладѣнымі от подданныхъ россійскихъ землями и маяками Царства Китайского подданныхъ Мунгаловъ раздѣлены равно пополамъ какъ учинено на мѣстѣ Кяхта называемом, такимъ образомъ: что когда прилучились горы, сопки, рѣчки, близъ мѣстъ поселенных от россійских подданныхъ, поставлены в знакъ границы; взаимно, когда прилучились горы, сопки, рѣчки, близь маяковъ мунгальских карауловъ поставлены в знакъ же границы; а в равныхъ мѣстахъ, без горъ и рѣчекъ, раздѣлено пополамъ, и тутъ поставлены пограничные знаки.

Обоихъ государствъ люди, которые от маяку караульного мѣста реченного Цаганъ ола ѣздили до берега рѣки Аргуни, осмотря земли, которые суть за маяками мунгальскими, единогласно за границу причли. А начиная от пограничного маяку, который постановленъ границею между двумя мѣстами Кяхтою и Орогойту, идучи к западу по горамъ Орогойту, Тымен ковноху, Бичикту хошегу, Булесоту оло, Куку челотуинъ, Хонгоръ обо, Янхоръ ола, Богосунъ ама, Гундзанъ ала, Хутугайту ола, Кови моулоу, Бугуту дабага (сирѣчь проѣздъ), Екоутенъ шаой моулоу, Дошиту дабага, Кысыныкту дабага, Гурби дабага, Нукуту дабага, Ергикъ таргак, Кензе мада, Хонинъ дабага, Кемъ кемчикъ бомъ, Шабина дабага.

По вершинѣ сихъ горъ учинено раздѣление посрединѣ и за границу причтено. Между ими поперекъ какіе хрѣпты и рѣки прилегли, хрепты и рѣки пополамъ пересѣчены и равномѣрно раздѣлены такимъ образомъ, что сѣверная сторона Россійскому Государству да будетъ, а полуденная сторона Китайскому государству. И которые посланные с обоихъ сторонъ люди раздѣленіе ясно написали и начертили и промежъ собою писмами и чертежамі разменились и к своимъ велможамъ привезли. Между утверьжденіемъ границъ обоихъ Імперій, которые подлые люди воровски закочевали завладѣв землями, и внутри юрты поставили, сысканы и в собственныя кочеванія переведены. Такожде обоихъ государствъ люди, которые перебѣгали туда и сюда, сысканы и установлены жить в своихъ кочевьяхъ. И тако пограничное мѣсто стало быть чисто.

А Урянхи, в которую сторону платили по пяти соболей, впред оставлены по прежнему у своихъ владѣтелей. А которые по одному соболю давали, впредь не возмется с нихъ вѣчно, с которого дни пограничной договор установился. И что такъ рѣшено, о томъ подтверждено письменнымъ свидетельствомъ и каждой сторонѣ вручено.

4.

Нынѣ, по установленіи обоихъ государствъ границъ, не надлѣжитъ с одной стороны ни с другой удерживать перебѣщиков, и к сему послѣд-

ствуя для обновленія мира, какъ рѣшено с Россійскимъ посломъ Ільлирійскимъ Графомъ Савою Владиславичемъ, будетъ свободное купечество между обоими Імперіями и число купцовъ какъ прежде сего уже постановлено не будетъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, которые по каждыхъ трехъ летѣхъ могутъ приходить единожды в Пекинъ. И понеже они будутъ всѣ купцы, того ради не дастся имъ кормъ по прежнему, и никакая же пошлина ниже отъ продающихъ ниже от купующихъ возмется. Когда купцы прибудутъ на границу, о прибытіи своемъ будутъ описоватся, тогда получивъ писма пошлются мандарины, которые встрѣтятъ и препроводятъ ради купечества. И ежели купцы на дорогѣ похотятъ купить верблюдовъ, лошадей, кормъ, и нанять работниковъ своимъ собственнымъ изждивлениемъ да купятъ и наймываютъ. Мандаринъ же или начальникъ купеческого каравана оными да владѣетъ и управляетъ, и ежелі какой споръ возбудится, и онъ праведно да смиритъ. Ежели же оной начальникъ или вождь будетъ каковаго достоинства с почтеніемъ имѣетъ быть принятъ. Вещи какого либо званія могутъ продаваны и покупаны быть, кроме тѣхъ которые указами обоихъ Імперій запрещены суть. Ежели кто без вѣдома начальнического похочетъ тайнымъ образомъ остатся ему непозволется. Ежели же кто болѣзнію умретъ и что от него останется какого ниесть званія, то оны отдадутся людем того Государства какъ россійской посолъ Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь постановилъ.

И кромѣ купечества между обоими Государствами еще на границахъ ради меншаго купечества изберется удобное мѣсто при Нипковѣ (Нерчинске) и на селенгинской Кяхтѣ, где построятся домы и оградятся оградою, или полисадомъ какъ покажется. И кто либо похощетъ итти на оное место купечества ради, да идетъ токмо прямою дорогою. А ежели кто с ней уклонится блудя или на иные мѣста поѣдутъ для купечества, да возмутся товары ихъ на Государя. С одной же стороны и с другой равное число служивыхъ да установится, надъ которыми да управляютъ равного рангу офицеры, которые единодушно мѣсто да стерегутъ и несогласія да разводятъ. Какъ постановлено с послом Россійскимъ Ільлирійскимъ Графомъ Савою Владиславичем.

5.

Коенъ, или домъ, который нынѣ для Россійскихъ в Пекине обрѣтается, будетъ для Россіанъ и впред приѣзжающихъ, оные сами будутъ жить в семъ домѣ. А что Россійской посол Ільлирійской Граф Сава Владиславичь представлялъ о строеніи церкви, здѣлана в семъ домѣ вспоможеніемъ вельможей, которые имѣютъ надсмотрѣніе в дѣлахъ россійскихъ. В семъ домѣ будетъ жить одинъ лама (священникъ) нынѣ в Пекинѣ обрѣтающейся, и прибавятся другіе три ламы (священника), которые прибудутъ какъ рѣшено. Когда прибудутъ дастся имъ кормъ какъ дается сему, которой прежде приѣхалъ и при той же церкви поставлены будутъ. Россіаномъ не будетъ запрещено молитися и почитати своего Бога по своему закону. Кроме того четыре мальчика учениковъ и два побольшаго возраста, которые поруски и полатинѣ знаютъ и которых посолъ россійской Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь хощетъ оставити в Пекинѣ для обученія языковъ, будутъ жить также в семъ домѣ и кормъ дастся имъ изъ Царского изждивления. А когда выучатся по своей волѣ да возвратятся назадъ.

6.

Для коммуникаціи между обоими Імперіями печатные пашпорты весма нужны суть. Того ради когда из россійского государства х китайскому государству пошлются грамоты дадутся, печатію закрѣпленные из Сената или из трибунала россійского и Града Тоболска отъ губернатора к трибуналу китайскому внѣшних провинцей управителю. А когда отъ китайского государства к россійскому государству пошлются такожде писма от трибунала внѣшнихъ провинцей управителя, запечатанные жъ дадутся к сенату или трибуналу россійскому, и града Тоболска губернатору. Ежели же от границъ и порубежныхъ мѣстъ пошлются писма о перебѣщикахъ, воровствахъ, и прочих симъ подобныхъ нуждахъ, то кото-

рые пребываютъ на границахъ россійскихъ городовъ начальники. А которые суть на границахъ китайскихъ Тушетуханъ, Ованъ джанъ торжи, Ованъ танжинъ торжи, взаимно между собою да посылаютъ писма собственною рукою подписанные и печатью закрѣпленные ради свидѣтельства. И когда Россіаны будутъ писать к Тушетухану, Ованъ джанъ торжію, Ован танжин торжію, а оные такожде от своей стороны к вышереченнымъ будутъ писать. Всѣ куріеры, которые будутъ возить такіе писма, имѣютъ ѣздить чрез одну кяхтинскую дорогу. А ежели прилучитца какое важное и великое дѣло, то какою ниесть ближнею дорогою позволяется ѣздить. Ежели же кто с умыслу (понеже дорога кяхтинская далѣка) нарочно воспріиметъ ближнюю дорогу, тогда россійскія градскія управители и коменданты и китайскіе пограничные ханы имѣютъ межъ собою списоватся и по изясненіи дѣла каждой своихъ да накажетъ.

7.

Что касается до рѣки Уди и тамошнихъ мѣстъ, понеже россійской посолъ Ѳедоръ Алексѣевичь Китайского Імперія внутреннія палаты с вельможею Самгуту согласяся вкупѣ говорили. Сей пунктъ да останется нынѣ не оконченъ, а впредь или чрезъ писма или чрез послов окончится: и такъ писано в протоколахъ. Того ради Китайского Імперія вельможи говорили Россійскому послу Саве Владиславичу Графу Ільлирійскому: понеже ты присланъ отъ Імператріцы с полною мочью скончить всѣ дѣла, то и о семъ пунктѣ имѣемъ трактовать, ибо ваши люди безпрестанно переходятъ границы въ наше мѣсто именуемое Химконъ Тугурикъ. Ежели сей пунктъ нынѣ не окончимъ, зѣло опасно, дабы обоихъ Імперій подданные, которые живутъ при границахъ между собою ссоры и несогласія не возбудили: и понеже сіе весма противно миру и соединенію, нынѣ уже надлежитъ окончить.

Россійской посолъ Сава Владиславичь Ільлирійской Графъ отвѣтствовалъ. Сія земля восточная не токмо мнѣ отъ Імператріцы не приказана, но еще я о той землѣ подлинно извѣстія не имѣю: да остаются еще какъ прежде постановлено. А ежели кто из нашихъ перейдетъ чрезъ границу, унимать и запрещать буду.

На сіе китайские вельможи говорили когда Імператріца не приказала тебѣ о восточной сторонѣ трактовать, мы не будемъ болѣе принуждать, и между тѣмъ такъ принуждены оставить. Но по твоемъ возвращеніи накрѣпко закажи вашымъ. Ибо ежелі какіе изъ вашихъ прейдутъ за границу и поиманы будутъ без сумнѣнія отъ насъ наказаны быть имѣютъ и не можете тогда говорить что мы нарушили миръ. А ежели изъ нашихъ за вашу границу кто преидет, вы такжe ихъ накажите.

Того ради, понеже нынѣ не трактуется о рѣкѣ Удѣ ниже о протьчихъ тамошнихъ рѣкахъ, да останутся по прежнему, но ваши люди не имѣютъ болѣе завладѣть на поселеніе.

Россійской посолъ Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь когда возвратится вся сія ясно донесъ бы Імператріцѣ и изяснилъ, какимъ образомъ надлежитъ туда послать вкупѣ извѣстныхъ людей о тамошнихъ земляхъ, которые б вкупѣ могли разсмотрить, и что нибудь рѣшить, и сіе бы изрядно было. А ежели оставится, сіе малое дѣло худо гласится будетъ съ миромъ обоихъ государствъ. О семъ пунктѣ писано къ Россійскому Сенату.

8.

Пограничные обоихъ Імперій имѣют непродолжительно поправдѣ каждое дѣло решить. А ежели будетъ замедленіе за свою партикулярную корысть, тогда каждое государство да накажетъ своихъ по своимъ правамъ.

9.

Ежели отъ одного къ другому Імперію пошлется за публичными делами малой или великой посолъ, когда оной прибудетъ на границу и объявитъ, о своемъ дѣлѣ и о своемъ характерѣ, будетъ ожидать недолго на границѣ дондежѣ вышлется кто на встрѣчю для препровожденія. И тогда ему дадутся скорые подводы, кормъ и с прилѣжаніемъ препровожденъ будетъ.

По прибытіи дастсяжъ домъ и кормъ. А ежели посолъ прибудетъ въ тотъ годъ, в которой не имѣетъ быть пропущено купечество, товары съ нимъ не пропустится. А ежели для важного какого дѣла одинъ или два куріера прибудутъ, тогда, показавъ запечатанные пошпорты, мандарины пограничные безъ жадной описки немедленно дадутъ подводы, кормъ, проводниковъ какъ Россійской посолъ Сава Владиславичь Ільлирійской Графъ рѣшилъ так утверждено.

И понеже писменная пересылка между обоими Імперіями чрезъ писма или черезъ людей зѣло нужная, того ради ни по какому образу имѣетъ замедлитися. И ежели впредь замедлятся писма, удержатся присланные люди, и не дастся отповѣдь, или оная отложится съ потеряніемъ времени: и понеже таковые поступки не соглашаются съ миромъ, того ради посланники и купечество не могутъ быть пропущены, но на время и посланники и купечество будутъ удержаны, дондеже дѣло изъяснено будет, и по изъясненіи пропустится по прежнему.

10.

Впред ежели кто исъ подданныхъ обоихъ государствъ перебѣжитъ, кажненъ да будетъ в томъ мѣсте, где поимается. Ежели оруженные перейдутъ за границу, учиня грабежи и убійства, также смертію имѣютъ быть кажнены. Кто же оруженною рукою безъ запечатанного пашпорту такожде за границу прейдетъ, хотя б и не учинил убійства и грабежа, однакожъ наказанъ имѣетъ быть какъ надлежитъ. Ежели кто изъ служивыхъ, или иной кто, покрадчи господина своего, убѣжитъ, ежели будетъ руского владѣнія, да будет повѣшен а ежели китайского владѣнія, имѣетъ быть кажненъ на томъ мѣсте, гдѣ поимается: а вѣщи покраденыя да возвратятся его господину.

Ежели кто прейдетъ за границу и звѣрей или иного скота покрадетъ, своему начальнику на судъ да предастся, который осудитъ ево за первую кражу вдесятеро; за другую против того вдвое; а за третію да предастся смертной казни. Кто будет промышляти недалеко от границы для своей корысти за рубежами, промышленное да будет взято на государя: и тотъ промышленникъ да будетъ наказанъ по разсмотренію судьи. Подлые же люди, которые без пашпорту прейдутъ за границу такожде имеютъ быть наказаны, какъ Россійской посолъ Сава Владиславичь Ільлирійской Графъ постановилъ.

11.

Інструментъ обновленія мира между обоими Імперіями с обоихъ сторонъ размѣненъ тако.

Посол Россійской Ільлирійской Графъ Сава Владиславичь на рускомъ и латинскомъ языкахъ написанной, за своею рукою и печатью закреплѣнной вручилъ китайского Государства вельможам къ сохраненію. А китайскіе вельможи, на манжурскомъ, россійскомъ и латинскомъ языкахъ написанные, равнымъ образомъ за своимъ подписаніемъ и укрѣпленіемъ печати вручили Россійскому послу Ільлирійскому Графу Саве Владиславичю къ сохраненію.

Сего жъ Інструмента екземпляры печати преданы, всѣмъ пограничнымъ жителямъ розданы, что б вѣдомо было о семъ дѣлѣ. Лѣта Господня 1727-го мѣсяца октября 21-го дня, а Петра Второго Всероссійского Імператора и протчая, и протчая, и протчая, государствованія первого году. Размѣненъ на Кяхтѣ, Іюня 14-го дня 1728-го году.

На подлинномъ при размѣненіи подписано тако.

Графъ Сава Владиславичь.

Секретарь посолства Іванъ Глазуновъ.

23) Соловьев, «Ист. России», М., 1876 г., т. XIX, с. с. 231—237. О посольстве Савы Владиславича—G. Cahen, Histoire des rélations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730), Paris. 1912, ch. X

24) Г. Спасский, «О нач. торг. и госуд. снош. России с Китаем и заведении в Пекине Рос. Церк. и Духов. Миссии», «Сиб. Вестн.», 1822 г., т. XVIII, XIX.

25) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 4.

26) Оно заведывало и монгольскими делами. Бантыш-Каменский сообщил, что по-манчжурски оно наз: Тулерги-Голо-Бе дазараджурган, а по-китайски: Монго-ли-фан-юян.

27) «Сборн. догов. России с Китаем», П., 1889 г., с. 55.

28) «Сборник договоров...», с. 79.

29) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 14, 15. Карт. 24, 1728 г., д. 9, Рескрипты посл. Владиславичу и указы к нему; д. 10, Реляции Владиславича из Селенгинска. Карт. 89, Выписка о бытности в Пекине Владиславича в октябре с 21 дня по 1728 г. 14 июня, т. е. по день размена на границе трактата. Карт. 67, Выписка о бытности Головина, Измайлова и Владиславича (1675—1725 г.) в Китае. Портфели Миллера, портф. 349, II, д. 1, Краткая выписка о бывших из России в Китай и оттуда в Россию посольствах 1654—1736 г. (на 14 листах).

30) Название «Кяхта», вернее «Кяхту», произошло от монгольского названия пырея «Киа», растущего там в большом изобилии и служащего превосходным кормом для скота. (Ю. Клапрот, «О дипл. и торг. снош. Рос. с Кит», Моск. Телегр., 1826 г., ч. VII, с. 153).

31) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Кит., карт. 43, 1734 г., д. 8, Записка, поданная гр. Владиславичем Остерману, почему учреждены на кит. границе два торга (также издана Бантыш-Каменским, «Дипл. собр. дел...», с. 375). Карт. 27, 1729 г., д. 10, Изъяснение Владиславича, что ему было приказано сделать в Китае, и что он исполнил.

32) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 25. 1728 г., л. 22.

33) Это был казенный караван, но он вез и некоторое количество частных товаров, как это всегда бывало.

34) Однако это не помешало Рагузинскому в 1729 г., желавшему получить откуп индуктивного сбора Малой России (на Украине), поставить себе в заслугу то, что, благодаря ему, караван был «лаской принят», отчего караванные товары (на 300.000 р.) не пропали («Сила авантажа во врученной мне (Саве Рагузинскому) комиссии при дворе китайском», Сборник Имп. Рус. Историч. Общ., т. 94, с. 424).

XIII. Китайское посольство в Россию в 1731 г. и 1732 г.—Торговля и пограничные недоразумения.—Посылка Братищева в 1756—1757 г.г.

В 1730-х годах «Великая и Чистая Империя» была весьма озабочена серьезным вопросом о Джунгарии, окончательно разрешить который Империя пыталась уже в течение нескольких десятилетий.

Стремясь покорить Джунгарию, правители которой не слагали оружия и даже служили угрозой другим владениям манчжурской династии, Срединная Империя хорошо понимала, что нападением с одной стороны на Джунгарию она ничего не сделает, потому что джунгарский владетель может опереться на Россию (1). Вследствие таких соображений, Империя решила вторично послать посольство к волжским калмыкам, именно к наследнику Аюк-хана, чтобы заручиться его помощью. Так как

во время пребывания первого посольства 1712—1715 г.г. у Аюк-хана Петр I приказал передать послам, чтобы Китай в следующий раз спрашивал разрешения русского правительства на посещение подвластного ему хана, китайское посольство теперь предварительно было направлено к Петру II (2). Но когда оно прибыло, на престол уже вступила Анна Иоанновна, у которой посольство и просило помощи против Джунгарии, обещая за это содействовать торговле России (3). Анна Иоанновна ничего не обещала, но из'явила согласие поддерживать с Китаем дружбу и пропустила послов к волжскому хану (4).

В это время до Срединной Империи дошло известие о воцарении Анны Иоанновны, и Китай поспешил отправить новое посольство с поздравлением императрицы. Но это посольство подало лишь повод к острым недоразумениям. Так, китайцы не хотели принимать официальных актов от имени Коллегии Иностранных Дел, ссылаясь на то, что они знают лишь Сенат.

Между тем китайцы, извещенные, что их первое посольство было очень хорошо принято (на него было издержано российским правительством 26.677 р.), обещало достойно принять караван (5). На жалобу же Анны Иоанновны о заявлении Ланга, что его заставили выехать, благодаря многим притеснениям, Трибунал ответил, что Ланге говорил неправду, но что его товары были подмокшими и дорогими, и высылать его они не высылали, потому что, мол, определенного срока на пребывание каравана в Пекине в трактате не указано (6). Тогда русское правительство, во исполнение трактата, послало в Пекин государственный караван с комиссаром Молоковым и снова под управлением агента Ланге. Поэтому еще до возвращения первого китайского посольства (1731 г.) и до прибытия в Петербург второго (апрель 1732 г.) караван в марте 1732 г. выехал в Пекин. Этот караван был принять хорошо. Купцам даже было позволено ходить по городу, куда пожелают. Мандарины только тем стесняли русских, что осматривали всех приходящих китайских продавцов, чтобы они не продавали запрещенных товаров; но на это они имели право, согласно Кяхтинскому трактату, которого китайцы придерживались буква в букву, что было весьма неприятно Лангу. Вообще китайцы вели себя сдержанно. Гостеприимство было доведено до того, что сам богдыхан ласково говорил с Лангом. Уехал Ланге в сентябре того же 1732 г., успешно продав товар. Напавшие на него по дороге монголы были жестоко наказаны китайцами, и ограбленное с лихвой возвращено русским (7). Прибыв в Цурухайту, Ланге должен был оставить лежать товары в открытом поле в течение двух месяцев, ибо в это пустынное место (Ланге сердился, что не могли выбрать лучшего пункта для слободки) ни русские, ни туземцы не хотели возить товаров (8).

Сравнительная неудача китайского посольства 1731 г. и недоразумения со вторым—1732 г., а также напрасное ожидание пекинским двором ответного посольства со стороны России для поздравления китайского императора (русские никак не

могли полагать, чтобы для этого были какие-либо основания, потому что Юн-Чжен уже давно царствовал и в свое время был поздравлен миссией Владиславича-Рагузинского)—послужили внешними поводами к возникновению снова напряженных отношений. К этому присоединились выражения неудовольствия и раздражения против бумаг от «какого-то» Российского Трибунала, а не Сената. Бумаги такого рода отсылались Китайским Трибуналом обратно, и Сенат принужден был тогда переменить свою титулятуру (9). Спор об этом, как и следовало ожидать, окончился уступкой более гибкой и менее консервативной стороны, которая придавала больше значения реальным выгодам, чем формальностям. Но этим не закончились столкновения. Вопрос о беглецах снова был поднят, и уже нельзя было его так легко уладить. Внутренняя Империя много раз уже напоминала русским о возвращении беглецов, которые сотнями и тысячами юрт перебегали в Россию. Кражи пограничными жителями друг у друга скота (угоны часто доходили до сотен тысяч голов) еще более способствовали раздражению (10). Русские принимали «энергичные меры» (по крайней мере делали вид, что принимают их) к прекращению всего этого, особенно перебегов, стараясь подчеркнуть этим в глазах китайского правительства свое желание исполнять трактат, но при малочисленности военных сил в Сибири это было очень трудно сделать (11). Русские при этом жаловались, что пограничные китайские начальники несвоевременно принимают возвращаемых беглецов, не следят за границами, медлят производить расследования по краже скота, отговариваясь всякими способами. Китайцы же, в свою очередь, жаловались на вялое и уклончивое исполнение русскими условия возвращения беглецов, хотя русским было приказано из Петербурга способствовать их удалению из пределов России, действуя иногда и оружием (12). Надо заметить, что выполнение этого условия было и технически затруднительным: громадное протяжение границ и наличие с обеих сторон нерадивых, неисполнительных, подкупных караульных начальников предоставляли обширное поле для случаев нарушения трактата и для возникновения взаимных неприязненных отношений, и только стремление самих правительств сохранить добрососедские отношения устраняло возможность разрыва после настойчивых напоминаний, жалоб и требований как с русской, так и с китайской сторон. Но торговля от этого все-таки страдала, потому что китайцы при крайних обострениях споров часто прекращали торг. Ко всему этому торговля на самом рубеже границ (согласно Кяхтинскому договору) налаживалась очень медленно.

В силу заключенных на Кяхте условий, пограничный торг, как уже было выше указано, сосредоточивался на Цурухайте (возле Нерчинска) и на речке Кяхте (возле Селенгинска). Но Цурухайтский пункт был выбран неудачно, торговля была там совсем незначительная и, за неимением купцов, потом даже не производилась. В Кяхте первоначально торговля развивалась

медленно, но вскоре она окрепла и сильно расширилась. Уже в 1728 г. российские сибирские власти сообщили русским купцам, что для торговли с китайцами нужно ехать на реку Кяхту в новопостроенную слободку, об'являя свои товары в Селенгинской таможне, и, взяв выписку, прямо ехать столбовой дорогой через Кяхтинскую заставу к реке Кяхте, на место, отведенное для русско-китайского торга. Китайцы тоже об'явили в этом году всем монгольским, бурятским и китайским купцам, приехавшим в Ургу, где они думали, по примеру прежних лет, торговать с русскими, ехать на север, к речке Кяхте, для торга с Россией. Из Иркутска были вызваны для торга на р. Кяхте русские купцы, и в этом же году приехали сюда русские и, в меньшем числе, китайские купцы. В 1731 году селенгинец Семенов так обрисовал состояние кяхтинской торговли: «Купечество происходит с обеих сторон порядочно, токмо не весьма довольный торг, понеже китайских купцов и с товары их зело малое число, и надеюсь, что против россиян и в полы не будет, а Российскому Империю оной торг видно, что не весьма прибылен для малолюдства китайских купцов и их товаров» То же было и в следующие годы. В 1737 г. русские купцы разных городов жаловались, что «китайские купцы русских товаров ни по чему не торгуют, от чего учинилось им, российским купцам, великое раззорение, а в прошлых годах с российскими купцами торговали не токмо китайские купцы, но и мунгальцы и ламы мунгальские и протчие, а ныне, де, им известно, что токмо с единомысленного между ими китайскими купцами согласия имеют они купечество в китайской торговой слободе при Кяхте от 8-ми компаний китайских купцов, а мунгальцев и лам мунгальских и протчих для купечества с российскими купцами не допускают». Такое состояние торговли продолжалось и в 1738—1739 г. Русские жили с товарами на Кяхте по два и по три года без всякой продажи, потому что китайских и бухарских купцов было весьма мало, вследствие чего русские товары продавались по низким ценам, а китайские—по высоким. Ланге (в своем донесении о торговле 1737 г.), сообщая об указанном печальном положении кяхтинской торговли, писал, что он, зная об этом, хотел просить при пекинском дворе об увеличении китайского купечества, но, прибыв в Пекин (с казенным караваном), «принужден был и сам терпеть неволю в торгу, чего прежде не бывало... (а потому) ничего о кяхтинском торгу им (китайцам) не упоминал..». При этом он отмечает обстоятельство, что у китайских купцов, которые и бывают на Кяхте, «у тех недостаток в китайских товарах, подлежащих к покупке русским купцам, кои от сего проживаются...» (13).

Здесь мы видим указание на компанейскую организацию торговли, которая применялась китайцами в Пекине, а с учреждением пограничной торговли, и в Кяхте, о чем и говорил к концу этого столетия иркутский купец Щегорин, хорошо постигший секрет китайской торговли, весьма опекаемой правительством Внутренней Империи (14).

Тем не менее кяхтинская торговля все-таки быстро развивалась, несмотря на разного рода недоразумения и споры. Недоразумений же было много. В самой Кяхте в 1742 г. произошел даже случай, осложнивший международное положение.

Двое русских пьяных (солдат и дьячек), будучи в китайской части кяхтинского поселения, именно в Маймачине, завели драку с китайскими купцами из-за водки и так избили китайцев, что двое умерло Это заставило китайцев требовать удовлетворения.

В это же время был послан в Пекин посланцем Шокуров с поручением возвестить (1743 г.) хану о восшествии на престол Елисаветы Петровны. Китайцы решили не посылать посольства с поздравлением русской императрице на том основании, что новый китайский император, вступивший на престол после смерти Юн-Чженя в 1735 г., не был поздравлен. Шокуров возражал на это, что в России не знали о смерти императора, и что нужно было послать извещение, как делают все государства (15). Между тем, дело о маймачинском убийстве в этом году еще не было улажено, и китайцы в 1744 г. закрыли торговлю. Открыли ее они вновь только тогда, когда был назначен суд над убийцами (16). Что же касается казенной караванной торговли за это время, то русское правительство, по наступлении срока, принимало меры к отправлению караванов в Срединную Империю, и в 1746 г. прибыл такой казенный караван в Пекин с комиссаром Лебратовским (17). Суд же над маймачинскими убийцами подвигался вперед медленно; только в 1746 г. он закончился вынесением смертного приговора убийцам; но одновременно было приказано селенгинскому коменданту Якобию тайно выслать убийц в отдаленный от Китая городок и высечь, распустив слух, что они бежали из тюрьмы до казни и потом погибли (18). В 1750 г. вообще было предписано Коллегией Иностранных Дел, по представлению Якобия, смертной казни на границах не чинить, хотя это и требовал Кяхтинский трактат, а лишь сечь виновных и то не в присутствии китайцев, потому что сами китайцы не казнят своих воров (19). Это распоряжение было серьезным нарушением трактата, и китайцы продолжали требовать смерти маймачинских убийц, совершенно не веря версии об их бегстве и гибели. Вскоре подоспел новый повод к недоразумениям. В 1752—1753 г.г. русские начали перемещать внутренние пошлины на пограничные пункты, и эта реформа на границах сильно отразилась на пограничной торговле и по существу опять противоречила трактату. Подобного рода недоразумения несколько раз служили поводами к кратковременному прекращению пограничной торговли в 1750-х годах (20). Однако, очередный казенный караван в 1754—55 г.г. был допущен в Пекин, торговал успешно и свободнее каравана Лебратовского. Директор каравана, Владыкин, при этом обратил внимание, что китайцы производили платежи с задержками и, вследствие перехода части джунгар на сторону китайцев, выражали по

отношению к России большую гордость, ненависть, неудовольствие и опасения, относясь к ней, точно к неприятелю. Сами китайцы писали в Сенат, что Владыкин не знает торгов и глуп, а потому богдыхан приказал таких караванных директоров, не знающих торгов и бывших в Пекине учениками, не впускать в Китай. Это, несомненно, как раз и доказывает, что Владыкин, как директор каравана, был на высоте положения, а возбудил недовольство китайцев именно тем, что он, действительно, хорошо знал пекинский рынок и китайский народ, имел связи в Пекине, потому что раньше он жил в Пекинской Духовной Миссии в качестве ученика многие годы и в совершенстве изучил манчжурский и никанский языки. Китайцам же, конечно, было невыгодно видеть во главе русских караванов таких знатоков Китая. Очевидно, в связи с этим обстоятельством, они отказали Владыкину принять новых четырех учеников, ссылаясь на то, что в Кяхтинском трактате (V-й пункт его) не сказано о периодической смене учеников (21).

Видя, что недовольство китайцев разрастается, Петербург отправил в 1756 г. курьера Братищева с целью поправить дела на границах, выхлопотать свободный проход судов по Амуру для снабжения провиантом русских крепостей (22) и попросить китайцев не писать в грамотах по отношению к русским государям слова «Хан» с точкой, что означало подчиненного вассального владетеля (23), а писать титул без точки, т.-е. так, как он употреблялся по отношению к самому богдыхану, и прислать в Россию посольство (24).

Посылка Братищева явилась безуспешной; единственным результатом ее было открытие вновь торговли (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Подробнее ниже, глава V.

2) Это было первое китайское посольство в Россию, именно к русскому правительству. Английский посол в ноябре 1729 г. писал, что, хотя русские ведут с Китаем большую торговлю и посылали туда несколько торжественных посольств, китайцы не прислали ни одного уполномоченного в Москву; правда, китайские комиссары не раз приезжали в Тобольск для торговых переговоров. Поэтому ожидаемое в Петербург китайское посольство вызвало тогда много соображений. От марта 1730 года тот же английский посол сообщал, что китайские послы уже в Селенгинске, и их цель—просить помощи России и Аюка против черных калмыков Великой Татарии, которая уже 10 лет воюет с Китаем.

Сборник Имп. Русск. Истор. Общ., т. 66, с. с. 110, 172.

3) В ноябре 1729 г. Россией был командирован секретарь Глазунов, чтобы проводить китайских послов в Москву («Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в СПБ. Сенатском Архиве за XVIII в.», составил П. Баранов, 1875—1878 г., т., II, 3599).

«Акты касательно китайского посольства в Россию в 1731 г.» (янв.) («Церемониал в'езда послов в Москву, приемной и отпускной аудиенций»)—«Русский Вестник», 1841 г., кн. 11—12, с.с. 102—110

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 67. Выписка о присланных наперед сего в Россию из Китая посольствах. Карт. 27, Приезд к русск. границе 1729 г., сент. – декабрь, китайского посла Туши. Карт. 28, 1730 г., д. 7, Отправление с русск. границы в Москву

кит. посла Туши. Карт. 31, В'езд и пребывание китайских послов Асхани Туши с 8-мю товарищами в Москве 1731 г. (янв.—июль) и переговоры с министрами. Карт. 32, От'езд их (1731 г.) в калмыцкие улусы, возвращение в Тобольск и Китай. Карт. 30, 1731 г. февр.—окт., д. 10, Отпуск из Москвы до Тобольска кит. посла Туши. Карт. 40, От'езд из Тобольска (ноябрь—февраль 1732 г.) первых китайских послов Асхани Туши с 8-мю тов. Карт. 54, 1755 г., д. 11, Дело об истребовании из Моск. Архива описания бытности в России в 1731 г. китайских послов.

5) Со вторым посольством богдыхан прислал (1733 г.) на 130.000 р. камки, китайки, шелка в подарков русским, трудившимся в устройстве проезда первых китайских послов. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, карт. 41, 1733 г. д. 10.

6) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 33, Приезд из Пекина на русск. границу второго китайского посольства Питхейта и Паентая, препровождение их в Иркутск. Карт. 36, Журнал (1732 г. янв.—май) о препровождении в Петербург китайского второго посольства, именно послов Дейсина Асхани Питхейта и Паентая; путь их (апр.—авг.) обратно в Москву и от'езд (июль—янв. 1733 г.) в Китай.

7) «Монгольская летопись» сообщает, что вследствие беспорядков в Халхе с 1731 г. русские посланцы и казенные караваны, боясь грабежей в Халхе, ездили в Китай не через Кяхту и Калган, а Цурухайту, Цицикар, Бодунэ и Си-фын-коу, да и тут были не вполне в безопасности. Так, в 1732 г., «когда русские шли в Пекин для представления дани, то по дороге они были ограблены», хотя все-таки дошли до Пекина. «Монгольская летопись», А. Позднеев (материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736), П., 1883, с. с. 334—335.

8) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. с. 196 и след.

К этому времени относится путешествие Г. Миллера в Сибирь. Из Петербурга Миллер выехал в 1733 г. В 1735 г. (янв.) Миллер отправился из Енисейска, в марте был в Иркутске, с 30 марта по 11 апреля в Селенгинске, в марте был в Стрелке (или Петропавловской крепости, в 9 верстах от Селенгинска), затем выехал в Троицкую крепость (78 вер.) и Кяхтинскую Слободку (4 в. от Троицкой крепости). В Кяхтинской слободке Миллер пробыл с 24 апреля по 7 мая 1735 г., т.-е. две недели. Из Кяхты он поехал в Селенгинск (91 верста; пробыл здесь 8—23 мая) Удинск (109 в.), Нерчинск (прожил тут с 15 июня по 6 июля) и в Цурухайту (26—27 июля 1735 г.). Результатом его поездки было подробное и ценное описание торговли России с Китаем.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфели Миллера, карт. 530, д. 9.

9) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 41, 1733 г. д. 9, Дневная записка 1733 г. (марта) посланного из Тобольска в Пекин с грамотами от Сената в Китайский Трибунал капитана Семена Петрова, возвратившегося оттуда в октябре в Петербург. Карт. 9, Вторичное отправление (1733 г., дек.) С. Петрова в Китай с листами от Сената. Карт. 42, 1734 г., д. 7, Журнал Петрова 1734 г. о пути в Пекин.

10) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел между Рос. и Кит. дворами с 1619 по 1792 г.», Казань, 1882 г., с. с. 220, 221 и др.

11) В 1731 г. иркутский вице-губернатор Жолобов сообщал, что едва ли не все монголы хотят перейти в Россию, и если бы прежние 2.142 юрты (в юрте, т.-е. в семье, было не менее 1 взрослого военного человека) не были бы высланы, то тогда бы уже перешло их 10.000. Жолобов жаловался на безлюдство, малое количество регулярного войска, обширность Монголии и многолюдство монголов, почему невозможно было удерживать перебежчиков. Тогда на границе были всего один пехотный полк, драгунская рота и еще 5.000 военных тунгусов и братских мужиков, верно служивших России. (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 203 и сл.). Однако, желая во что бы то ни стало отклонить от себя подозрение в неисполнении трактата, в 1734 г., после того, как убеждения и просьбы русских, чтобы монголы вернулись в Монголию, не увенчались успехом (монголы заявили, что ни за что не пойдут назад, хотя бы их смертью казнили), было решено применить военную силу против 2.150 перебежчиков военного возраста и их семей, поселившихся

в Нерчинском уезде. Для этого были собраны 1.700 вооруженных бурятов и служилых с артиллерией и 550 военных тунгусов и нарочно открыто, для произведения большего морального воздействия, были двинуты на монголов, которые только тогда поспешили удалиться в Монголию. Однако, китайские войска еще не пришли тогда на границу, чтобы принять монголов, а поэтому часть монголов вскоре вновь перекочевала в русские области; русским опять пришлось удалять их силой, и, наконец, в третий раз повторилась та же история, с такой же насильственной высылкой монголов обратно. (Там же, с. с. 215--217). Старательность, усердие, хлопоты и расходы, с которыми русские власти выполняли для Китая полицейские обязанности, мирясь при этом со вторжениями монголов для грабежей и разбоев в русские владения, лишний раз указывают на ту настойчивость, с какою русский торговый капитал стремился к китайскому рынку и старался сохранить этот рынок для себя. Впрочем, нужно отдать справедливость китайское правительство оценило эти труды русских властей; богдыхан в 1735 г. похвалил русских пограничных правителей за отдачу китайских перебежчиков и приказал за это выдать им в подарок сто камок и тысячу китаек, стоимостью в 8.000 рублей, и бригадир Якобий распределил эти подарки в 1741 г. между тунгусами, бурятами и другими участниками облавы на монголов. (Там же, с. с. 221. «Историч записка...» Сычевского, Чтения в Имп. Общ И. и Др., 1875 г., II, с. 130).

12) «Бантыш-Каменский», «Дипл. собр. дел...», с. с. 220—221 и др.

13) Сычевский, «Историческая записка о китайской границе, составленная советников Троицко-Савского Пограничного Правления Сычевским в 1846 году», Чтения в Имп. О. Ист. и Др., 1875 г., II, с. с. 223—230, Бантыш Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 235.

14) О Щегорине—ниже, гл. VI.

15) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. с. 245—247, 249 и др.

16) «Историческая записка о китайской границе, сост. Сычевским в 1846 г », II, с. 233.

17) Происшедшее с ним столкновение из-за его жены и дочерей, которых китайцы не хотели пускать через границу, привело к следствию, до окончания которого китайцы прекратили торговлю, но оно выяснило, что больше были виноваты сами китайцы, и они тогда открыли торг. (Трусевич X., «Посол. и торг. снош. Рос. с Кит.», с. 50. Это не могло случиться в 1747 г., как пищет Трусевич, а могло быть в 1746 г., потому что 21 авг. 1746 г. Лебратовский уже возвратился из Пекина в Кяхту. Бантыш-Каменский, «Диплом собр. дел...», с. 253).

18) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 250 и др.

19) Вопрос об отмене русскими смертной казни послужил в дальнейшем к большим недоразумениям с Китаем.

В 1750 г. по поводу одного тунгуса, подданного России, изобличенного в троекратном похищении у китайцев лошадей, селенгинский комендант Якобий, наблюдавший за пограничными делами и тяжбами, указал русскому правительству на тот факт, что сами китайские пограничные власти не только не казнят таких преступников, но даже скрывают их имена. Поэтому Якобий советывал не казнить таких преступников, как русских подданных, но наказывать их только кнутом в присутствии других ясашных, в назидание им, но все-таки не в присутствии китайцев Коллегия Иностранных Дел согласилась с этим мнением Якобия, поручив ему при этом, что если китайцы, действительно, будут казнить своих воров за троекратную кражу, при таком же случае со стороны России ожидать утверждения смертного приговора от Правительствующего Сената. В 1751 г. Кол. Ин. Дел подтвердила Якобию это распоряжение.

Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел. между Российским и Китайским государствами в 1619—1792 году», с. с. 254 и сл.

20) «Историческая записка о китайской границе...» Сычевского, с. с. 233 234.

21) Бантыш Каменский, «Дипл. собр. дел...» с. с. 261, 262, 263 253 и др.

22) Еще в 1754 г. русские хотели назначить в Китай особу, которая ходатайствовала бы у китайцев о дозволении ходить русским судам по р. Амуру.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с. Кит., карт. 53, 1754 г., д. 2.

23) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 5.

24) «Опись высочайшим указам и повелениям...», П. Баранов, III, 10671.

25) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 55, 1756 г., д. 8, Отправление в Китай курьером Братищева, 1756 г., май—декабрь. Карт. 56, 1756—1759 г.г. Дело (в копиях) о посылке в Китай советника канцелярии Братищева: 1) указ ему, 2) инструкция, выписка об Амуре, 3) донесения его и 4) журнал о бытности в Пекине. Портфели Баснина, портф. VII, д. 173, «Историческо-политический взгляд на пограничную черту между Империями Российской и Китайской, от берегов Восточного Океана, между реками Удью и Амуром до западной противоположной точки хребта Шабин-Дабага» (на 76 л л.). «Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского Пограничного Правления Сычевским в 1846 году», сообщил В. Н. Баснин, Чтения в Им. Об. Ист. и Др. Рос. при Моск. Унив., 1875 г., кн. II, с. с. 1—292 (обзор событий по 1769 г.).

XIV. Столкновения из-за перебежчиков и пошлин.— Дополнительная статья Кропотова 1768 г. к Кяхтинскому договору

Со времени посылки Братищева русско-китайские отношения приобретают особенную остроту, вследствие перебежки джунгарца Амурсана, который после трудной войны Центральной Империи с Джунгарией стал во главе ее врагов, изменив китайцам. В это время Джунгария уже была покорена и опустошена Империей; это присоединение новых важных областей придавало позиции двора «Великой и Чистой Империи» большую самоуверенность.

Амурсан был одним из джунгарских тайшей (1). Он возбудил ненависть китайцев нападением на часть их войск и, опасаясь наказания, бежал со своим семейством в 1757 году в Тобольск, где вскоре и умер от оспы. Вместе с ним перешло в Россию 4 000 юрт. Китайцы много раз настоятельно требовали от русских его возвращения, опасаясь, что Россия, с его согласия и содействия, захочет овладеть Джунгарией, хотя Сенат и об'явил, что он не думает об этом (2). Русское правительство отказом выдать Амурсана раздражило китайцев, которые и отдали распоряжение не пропускать в столицу новых русских караванов (последний был в 1755 г.). Но сам Амурсан вскоре умер, и Империя была извещена об этом. Однако, китайские чиновники, зная, сколько раз русские пускались в подобных случаях на хитрости, не поверили этому сообщению, вследствие чего набальзамированное тело покойника было привезено в Селенгинск, где китайцы могли собственными глазами убедиться в подлинности смерти. Однако, в 1758 г. они потребовали уже самое тело Амурсана и выдачи остальных перебежчиков, причем даже не скрывали, что хотят опозорить кости Амурсана, выставив их на пограничных столбах для

посрамления и надругательства по всей «Великой и Чистой Империи». В выполнении этого требования Россия отказала, о чем Сенат и заявил. Видя столь удивительное упорство соседа, а также то, что военных демонстраций со стороны России не проявляется, Китайский Трибунал от настойчивых и резких требований («листами») перешел к более грубым словесным оскорблениям (3). В 1759 г., так как русские убили двух монгольских воров и отняли у китайцев запрещенные к обмену товары, китайцы закрыли торговлю, но лишь на 11 дней, потому что они получили материальное удовлетворение. Для устрашения же России Срединная Империя начала совершать передвижения войск и, закупая скот, готовиться к войне. В Пекине по отношению к православной миссии китайские власти также стали проявлять враждебные действия, закрыв даже монастырь. В Маймачине (т.-е. китайской части Кяхтинского пограничного поселения) китайские купцы решили бойкотировать русские товары, пока не будут уничтожены пошлины и надолбы, вбитые русскими перед палисадами для прекращения контрабанды и перебежек. Трибунал же посылал об этом листы Сенату и продолжал настойчиво требовать тела Амурсана, а также выдачи других перебежчиков-джунгар. Один лист был, например, такого содержания:

«Мы уже вместо Вас несносный стыд терпим, что Сенат, правительства целого владения, не смыслит такого дела и не хранит чести своей, ибо об Амурсане тогда об'явил, когда он умер, а живого хотели у себя оставить и где надо употребить. Известное дело, что тело его сгнило (об этом писал всегда Сенат), но сгнить не могли кости его, кои, по обыкновению Китайского государства, у таких плутов и изменников на показание всему народу ломають на разные части» (4).

В своих листах китайцы вообще умели метко и сильно задеть русских.

В 1760 г. Сенат ответил, тобы Трибунал воздерживался от грубостей, и что тело Амурана нельзя возвратить, что надолбы у Кяхты не могут быть снесены, ибо они уже 13 лет построены против перебежчиков и тайного провоза, а китайцы не смеют их сами ломать, и желание китайцев о беспошлинной торговле несправедливо, потому что беспошлинная торговля должна происходить только в Пекине, как это следует из Кяхтинского трактата (5). Этот резкий ответ Сената был вызван после долгой и мягкой его переписки с Трибуналом, хотя и безрезультатной для «Великой и Чистой Империи» (6).

Многочисленные с'езды китайцев и селенгинского коменданта Якобия на границах, созываемые для улажения споров, не приводили к улучшению отношений (7). Вопрос все более и более осложнялся. Для успокоения китайцев русское правительство стало стягивать войска к Срединной Империи, но оба государства больше устрашали друг друга, чем готовились к решительным действиям. Правда, мысль о войне с Китаем не была чужда некоторым русским политичским деятелям как

прежде, так и в этот период (8), но едва ли сами китайцы были склонны привести ее в исполнение (9), так как они боялись Монголии (10).

Русско-китайская торговля, однако, не прерывалась. В 1762 году Петром III был отправлен в Пекин курьер Кропотов с известием о вступлении на престол Петра и для разрешения пограничных споров. Однако, Кропотов задержался в Москве до переворота Екатерины II-й, когда и был послан уже от ее имени (11). Он должен был, между прочим, требовать приличного тона переписки от Трибунала и пропуска, согласно трактату, каравана, который, вследствие пограничных беспорядков, не посылался с 1755 г. (12).

Этот караван имел быть уже не казенным, а частным, так как к этому времени уже получила преобладание та точка зрения, что казенная торговля причиняла больше вреда, чем пользы, разоряя частное купечество, а казне, в общем, ничего не принося, кроме убытка, больших расходов и забот (13). Поэтому манифестом 31 июля 1762 г. Екатерина II об'явила караванный торг свободным. Однако, кяхтинские купцы уже не хотели ехать в Пекин, предпочитая торговать на границе, где они приноровились к условиям торговли, а иркутские не могли отправиться в Пекин, не будучи в состоянии собраться с силами: до того они были обессилены в денежном отношении усиленными поборами иркутского следователя Крылова (14). Тогда сам Кропотов поехал со своими собственными товарами, причем ему, как курьеру, китайцы должны были дать много верблюдов и лошадей под его товары, на что потом жаловались (15).

Посылка Кропотова была неудачна. Трибунал заявил, что Сенат стал писать ему грубо, а сам Трибунал писал ему резко только для того, чтобы «привести в стыд». «А ежели впредь таким образом нам будете писать, то мы повелим нашим пограничным людям не продавать своих, ни ваших покупать товаров, а сверх того никакого сюда не пустим курьера». При этом китайцы также требовали уничтожения пошлин на границах, потому что в противном случае китайские купцы не будут ездить на границы, чтобы не разориться (16).

Действительно, китайцы угрозы привели в исполнение, и в 1764 г. совсем прекратили торг, выслав из своей, китайской, части кяхтинского поселения, т.-е. из Маймачина, всех своих купцов и поставив в ней солдат. Они говорили, что русско-китайская торговля «для России будто более надобна, а для себя (Китая) не столь нужна» (17). Между тем Якобий доносил, что сами китайцы нуждаются в русских товарах (18).

Прекратив торговлю, китайцы перевели ее из Кяхты в Ургу. Кяхтинские же купцы решили не потворствовать китайцам, а, в свою очередь, прекратить торговлю с ними, хотя бы от этого и произошел недобор в сборе кяхтинских пошлин (19).

Стремление Китая перевести торговлю в Ургу, вопреки постановлению Кяхтинского трактата, было связано с давними домогательствами купцов Срединной Империи, особенно монго-

лов, основанных на том, что Урга представляла для них удобно расположенный в географическом отношении центр района с многочисленным и разнообразным спросом и предложением, в виду чего сюда и с'езжались купцы многих стран, подвластных самому Китаю и даже России (бухарцы) (20).

Кяхтинская торговля, собственно говоря, формально прекратилась уже в 1762 г.; после этого же года она то возобновлялась, то прерывалась и шла обычно неофициальным путем (21). Якобию в 1764 г. даже было приказано способствовать этой тайной торговле, но только следить за тем, чтобы пошлина была непременно взыскиваема «с продолжаемого с китайской стороны, по их настоящему запрещению, потаенного, а с нашей—позволенного по-прежнему, торга» (22).

С 1766 г. и в следующих годах китайцы и монголы при всем своем желании открыто торговать с русскими,—так как экономическая потребность в торговле была велика и очень живуча,—не могли этого делать, вследствие строгого запрещения китайских властей. Однако, в торговых кругах постоянно носились слухи, что вот-вот откроется торговля, а тем временем тайная торговля продолжалась, именно с монголами (23), которые перепродавали русские товары китайцам, о чем свидетельствуют записки китайского сановника Сун-Юня (24).

Так как перерывы в торговле происходили главным образом из-за взимания в Кяхте пошлин, как и в данном случае, то Якобий, с целью скрыть происходящую тайную торговлю, а также процесс взимания пошлин, просил (1764 г.) разрешения у русского правительства перевести таможню из Кяхты в Троицкую крепость, лежавшую к северу от Кяхты всего в 4 верстах (25). Поэтому в 1766 г. таможня была перенесена из Кяхты в Петропавловскую крепость. Сам Иркутск в то время уже был губернским городом, и из Иркутска велись непосредственные сношения с Внутренней Империей (26). Основываясь на непримиримой и вызывающей позиции, занимаемой Китаем, русское правительство на всякий случай продолжало стягивать войска к китайским границам; численность военных сил около Кяхты была увеличена, и правительством Екатерины II была созвана конференция, обсуждавшая вопрос о принятии военных мер против Китая (27).

Хотя китайцы неоднократно заявляли в официальной аргументации, что от кяхтинской торговли им нет никакой прибыли, но, видя, что русские в Ургу не идут, они первые начали делать попытки к восстановлению торговли в Кяхте. Несомненно, на них оказывали определенное впечатление и военные приготовления России. Селенгинский комендант Якобий, стяжавший нелюбовь китайцев своей неуступчивостью на пограничных с'ездах, донес в Коллегию Иностранных Дел о поползновениях китайцев к возобновлению торговли. Коллегия приказала способствовать со своей стороны благоразумному желанию Срединной Империи начать торговлю, которое было выгодно не только для России, но и китайцам, не подавая

однако, повода китайцам возгордиться. На границах вновь состоялся с'езд уполномоченных обеих Империй, но он снова оказался столь же безрезультатным, как и прежние многочисленные с'езды.

Трибунал же продолжал присылать требовательные листы о тех же джунгарах, надолбах, пошлинах и упрямстве Сената, на что Сенат перестал (1765 г.) даже отвечать, пока «китайский Трибунал придет в пределы умеренности и воздержится от непристойных между дружественными державами весьма необыкновенных выражений» (28).

Сильно осложнившиеся в 1760-ых годах международные отношения между Российской и Срединной Империями, продолжившиеся уже в течение многих лет, могли длиться еще очень долго, потому что оба государства, пугая друг друга войной, в действительности не были намерены воевать.

С другой стороны, такое напряженное состояние пограничных отношений было тягостно обеим империям, вредя их государственным интересам. Понятно, что официальные представители «Великой и Чистой Империи» не могли этого открыто признать, хотя сами очень тяготились таким положением дел. Россия же решила окончательно выяснить этот вопрос, и, согласно характерным словам Сунь-Юня, «русские, раскаявшись, послали в 1768 г. посланца, который умолял открыть торговлю» (29).

Полномочным комиссаром для переговоров Екатерина II назначила в 1767 г. того же Кропотова, который уже раз был в Пекине. Теперь он был отправлен в Кяхту, с поручением уладить все недоразумения, причем Якобий должен был об'яснить ему положение дел и помогать в переговорах (30).

Результатом этих переговоров явились в октябре 1768 г. дополнительная статья к Кяхтинскому трактату, которая развила и уяснила неясный, составленный в общих выражениях, X пункт трактата о перебежчиках и пошлинах, из-за чего, главным образом, и происходили ссоры (31). Эта новая дополнительная статья (договор) явилась, по существу, победой китайских дипломатов, потому что она удовлетворила их желания (32). Так она свидетельствует, что, вследствие различия русского и латинского текстов кяхтинского трактата от китайского, все ошибки и пропуски были исправлены; решено надолбы сломать, и «определено быть границе по хребтам гор (33), не брать на торговых двух местах у Кяхты и Цурухайте пошлину вечно», старых перебежчиков не требовать, а о новых постановлено: разбойнику на границе «отсечь голову», отдав его имущество поимщику; вору с поличным дать сто ударов, а имущество его отдать поимщику «для поощрения», причем краденое возвратить обворованному и еще уплатить штраф; в третий раз пойманный вор предается казни; если пограничный начальник не сыщет в течение месяца вора, он должен уплатить штраф; у беспаспортного отнимается его имущество в пользу поимщика, а за звериный тайный промысел заграницей, кроме того,

виновный наказывается ста ударами; китайцы наказывают плетью, а русские—палкой (34).

Таковы были условия, заключенные Кропотовым.

Китайские источники, относящиеся к этим переговорам, а именно—ответы китайских уполномоченных на пункты, предложенные Кропотовым, показывают на большую самоуверенность и твердую позицию китайцев в переговорах; это преимущество имело основание в отсутствии со стороны русских дипломатического такта и умения вести переговоры с таким государством, как Срединная Империя. Во всяком случае, справедливо замечание одного исследователя, что «Кропотовский договор послужил еще к большему удовлетворению китайцев, которые более всего боятся за спокойствие границ и никак не могут прийти к мысли, что другое государство также охотно и искренне готово останавливать всякие беспорядки на границах» (35).

Ближайшим результатом заключения дополнительной статьи к Кяхтинскому договору было открытие мирных сношений между обеими странами и возобновление на прежних местах торговли, официально не производившейся уже в течение семи лет тягостных неурядиц (1762—1768 г.г.), во время которых, если торговля и совершалась, то только негласным путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Перевод с двух китайских листов, присланный при доношениях в Коллегию Иностранных Дел от сибирского губернатора от 1758 г.». Сообщено Абрамовым в Чтен. в Им. Общ. Ист. и Др. Рос., 1868 г., кн. IV.

2) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 279 и др.

3) Однако русское правительство в действительности не пребывало в спокойствии и, в виду несогласий с Китаем по вопросу о Джунгарии, послало в 1758 г. на Сибирскую линию 2.000 казаков и драгун («Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в СПБ. Сенатском Архиве за XVIII в.», сост. П. Баранов, П., III, 1878 г., № 11062).

Сибирский губернатор Соймонов в 1759 г. считал нужным для обеспечения Сибири от вторжения Китая перевести 23 000 солдат на Селенгинскую и 12.000 на Нерчинскую линии, «с надлежащей артиллерией», указывая, что «по малолюдству там регулярных и нерегулярных войск здешних Российских, Селенгинской и Нерчинской границ», Сибири угрожает крайняя опасность от Китая. Кроме того, Соймонов указывал на необходимость обеспечить войсками и сибирские линии, вследствие приближения китайских владений к Кузнецку и Колывани («Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного Правления Сычевским в 1846 г», Чтен. в Имп. Общ. Ист. и Др., 1875 г., II, с. 189 и сед.; донесение Соймонова, с.с. 190 191; план Якобия 1760 г. о размещении казаков, с. 199 и след.). В 1760 г. (17 октября) последовал указ Сената об укреплении границы и распределении войск по Сибирской линии и полках, формируемых из сибирских крестьян-казаков, с семьями, для поселения их по Нерчинской и Селенгинской линиях на постоянное жительство на хороших землях с денежным обеспечением и снабжением земледельческими орудиями (там же, с.с 202—216). В том же году был издан приказ о командировании инженеров для постройки крепостей и укреплений на Бухтарме, Нерчинской и Селенгинской линиях (там же, с. 216 и сл.). Однако, по словам Сычевского (с. 221), размещение по караулам пограничных русских казаков

последовало только в 1773 г., вследствие новых осложнений с Китаем перехода волжских торгоутов (тургутов) в Китай и закрытия кяхтинского торга.

4) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 293 и др.

5) Действительно, это следует по смыслу 4 статьи Кяхтинского трактата, но она не совсем ясно редактирована, что и вело к спорам («Сборник договоров...», с.с. 53, 77).

6) О деле Амурсана и пр.—«Историческая записка о китайской границе...» Сычевского, Чтен. в Имп. Общ. Им. и Др., 1875 г., II, с.с. 188, 189 и др. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с.с. 266, 267 и след., 295, 296 и др.

7) На пограничных с'ездах, в числе прочих вопросов, разбирались споры о скоте. Еще с первых времен сношений России с Китаем часто имели место кражи на границах и преследование грабителей («Выписки из Нерчинского Архива» в «Русском Вестнике», 1841 г., кн. 11—12, с.с. 444—447, документы 1687 г., 1689 г. о воровских людях и изменниках—угоне скота, грабеже имущества—и погоне за ними). Поэтому десятая статья Кяхтинского трактата 1727 г. гласила: «Ежели кто перейдет границу и зверей и иного скота покрадет, своему начальнику на суде да предастся, который осудит его за первую кражу вдесятеро; за другую против того вдвое; и за третью да предастся смертной казни». (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел.», с. 372). Как со стороны русских, так и со стороны китайцев составлялись ведомости о числе угнанного скота. По ведомости 1735 г. (27 сент.) числилось у русских украденными монголами: лошадей 1.582, верблюдов — 16 и рогатого скота—40 голов. Так как, согласно трактату, покража оплачивалась в д е с я т е р о, то русские требовали от Китая возврата: лошадей—15.820, верблюдов — 160 и рогатого скота—400, а всего с действительно угнанными: лошадей — 17.402, верблюдов—176, рогатого скота—440. Однако, китайцы тогда возвратили русским от монголов только 727 лошадей, 6 верблюдов и 1 голову рогатого скота, а остальные нужно было донять у монголов (кроме краденых голов, «по силе трактата претендуется от мунгал ялы, или штрафных лошадей, против каждой по десяти»). Китайцы же требовали у русских: лошадей — 1.329, верблюдов — 36, рогатого скота—122; «де со всех покраденого числа претендуется в их, китайскую, сторону, ялы лошадей 13.290, верблюдов—360, рогатого скота—1220, итого с покраденными лошадей—14619; верблюдов—396, и рогатого скота—1.342». Из этого числа русские вернули только: лошадей — 58 и рогатого скота—7, остальное считалось за ними недоданным. (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., картон 45, 1736 г., д. 7).

В 1748 г. русские считали, что им следует требовать от китайцев 63.155 лошадей и др. скота, причем на Цурухайтский форпост приходилось 57.905 штук, а на Кяхтинский остальное. (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 51, 1748 г., д. 3).

Кражи со стороны русских подданных ясашных людей так часто повторялись, что в 1750 г. селенгинский комендант Якобий испрашивал указа, как наказывать тех ясашных, которые до трех раз крали в Китае. (Там же, карт. 52, 1750 г., д. 3). Каждый год, напр., в 1751 г., 1752 г., 1753 г. и 1754 г., на следствии русских с монгольскими властями выяснялось, сколько следует отдать с обеих сторон отогнанного скота. (Там же, карт. 52, 53). В последнем году—1754 г.—при следствии русские требовали всего 11.932 головы скота (лошадей, верблюдов, скота, баранов, оленей; из них больше всего лошадей—9.196 штук), а китайцы требовали с русских 6.940 голов (из них 4.961 лошадь), и по окончании следствия осталось спорными со стороны русских 11.504 головы, со стороны китайцев—6.582 головы. Этот пример свидетельствует, что следствие очень мало способствовало улажению претензий. В 1755 г. русские требовали 65.274 головы, китайцы — 125.086 (в числе угнанного скота, как всегда, преобладали лошади); осталось спорными: у русских—60.962, у китайцев—147.741, т.-е. вновь результат соглашения был ничтожен. (Там же, картон 53, 1755 г., дело 6) В 1756 г. русские требовали возврата 465.886 голов, китайцы 212.037 голов, но обе стороны сделали фиктивный обмен

7

лишь на 12.199 голов с каждой стороны. (Там же, карт. 57, 1757 г., д. 4). В 1762 г. была составлена на русско-китайском с'езде ведомость о взаимно угнанном китайцами и русскими скоте на границах Селенгинска и Нерчинска, и оказалось, что у селенгинской границы китайцы отогнали 11.177 голов (в том числе лошадей 9 007 голов и 88 верблюдов); а русские — 6.500 голов (в том числе лошадей 4.664 и 77 верблюдов), у нерчинской границы китайцы отогнали 486.210 голов (в том числе 146 377 лошадей и 3.366 верблюдов), а русские — 318.862 головы (в том числе 118.943 лошади и 2.024 верблюда). Таким образом, русские оказывались более пострадавшей стороной, так как по общему счету с обеих границ китайцы отогнали 497.387 голов, русские же всего — 325.252 Отсюда также видно, что район границы у Нерчинска был чреват поводами для осложнений в этом отношении в наибольшей мере, по сравнению с другими районами (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем, картон 72, дело 50).

8) Два мнения графа Рагузинского о войне с китайцами—у Бантыш-Каменского, «Дипл. собр. дел...», с. 373. Рассуждение Миллера 1763 г. о войне с китайцами (тоже у Бантыш-Каменского, с. 378), если Россия пожелает «отомстить за многие от них претерпенные обиды».

9) По словам Петлина (1618 г.), «люди в Китайском государстве не воинские: болшой их промысл торги силные, а к бою торопливы» («Роспись Китайскому Государству ...», Ф. И. Покровский, «Путешествия в Монг. и Китай сиб. каз. И. Петлина в 1618 г.», П., 1914 г., с.с. 38-39). Рагузинский утверждает, что хотя китайцы к войне готовы, но «подлинно не воисты». (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...» с. 378). Еще в IV ст. нашей эры Аммиан Марцелин, описывая жителей современного Китая, говорил, что этот народ избегает сношений, очень осторожно торгует только на границе и лишь на деньги, очень воздержан, спокоен, не воинствен, чувствуя отвращение к оружию (Д. Мертваго, «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г.», с. 2) Невоинственность китайцев отмечает и известный синолог С. Георгиевский, который дает ей такое об'яснение: китайцы слишком много раньше воевали и «уже научились придавать цену благоденствию мирного времени» (С. Георгиевский, «О важности изучения Китая», П., 1890 г., с. 259).

10) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт 72, д. 41. В случае войны с Китаем большая часть монголов хотела (1764 г.) перейти на сторону России.

11) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 65, д. 5 и 6, Отправление в Китай Кропоткова первое (несостоявшееся 1762 г., апрель—июль) и второе (1762, июль).

12) Русское правительство чувствовало необходимость для улажения всех спорных вопросов, могущих привести к большим осложнениям и уже столь долгое время нарушавших мирный ход русско-китайских сношений, обменяться с Китаем чрезвычайными посольствами, и поэтому устно поручило Кропотову разведать, пошлет ли Пекин в Петербург ответное посольство Китайцы ответили на это уклончиво. В связи с намерением русских отправить посольство, было составлено «Рассуждение о посольстве в Китай г. Миллера, 1763 г.» (на 55 стр. + 12 листах), знатока русско-китайских посольских и торговых отношений, лично побывавшего в Сибири и даже в самой Кяхте (в 1735 г.)

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портфели Миллера, портф. 349, II, д. 8. («Рассуждение» также издано у Бантыш-Каменского, «Дипл. собр. дел...», с. 393 и след.)

13) Кропотов полагал, что все-таки нужно отправлять в Пекин государственные караваны «в *небольшом* числе казенной рухляди», но его мнение не было принято.

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., дела второй присылки, Выписка 1776 г. о посыланных в Пекин рос. караванах (1744 - 1754 г.г.).

14) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 314 и сл.

15) Кропотов отвез в Пекин и казенные меха, но назначенные не для продажи, а в жалование русскому духовенству в Пекине.

16) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 90, Журнал Кропотова, отправленного в Пекин курьером в 1763 г., 30 апр. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 316.

17) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., картон 74.

18) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 72, д. 42.

19) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 74, 1762—1789 г.

20) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 25, 1728 г. д. 22.

21) В Иркутской летописи, например, отмечено под 1764 г.: «В сем 1764 году торг с китайцами на Кяхте пресекся». «Первое столетие Иркутска», П., 1902 г., с. 162).

22) Архив Департамента Таможенных Сборов (Петербург), Каталог 1884 г., № 479, Секретная Экспедиция, связка 7, дело 108.

23) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. России с Кит., карт. 80, дела 76, 78 и др.

24) Записки Сун-Юня, «Открытие Китая и др. статьи акад. В. П. Васильева», П., 1900 г., с. 100. Хотя свидетельство об этом относится к перерыву позднейшего времени—1785 г., но применимо и к предыдущим перерывам торговли. Сун-Юнь писал, что китайским «купцам позволено было торговать у пограничных монголов по билетам и приказано было улусным начальникам тщательно наблюдать, чтобы купцы не переходили тайно через караулы для торговли с русскими».

25) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 72, дело 34.

26) В январе 1731 г. указом было «определено быть в Иркутской Провинции для управления тамошних дел и сборов и ради содержания учиненного с Китайским двором трактата границы и о порядочной с тем двором корреспонденции вице-губернатором статскому советнику г. Жолобову, которого велено туда отправить из Сиб. Приказа немедленно, дав инструкцию о гражданских и караванных и о купецких делах и о корреспонденции с Китайским двором из Коллегии Ин. Дел» (Сычевский, «Историч. записка...», Чтения в И. Общ. И. и Др. Рос., 1875 г., II., с. 82; там же, с. с. 83—98—инструкция Коллегии Ин. Д. вице-губернатору).

К октябрю 1764 г. относится доклад конференции о необходимости разделить Сибирь на 2 части—губернии, с 2 губернаторами: в Иркутске и Тобольске, потому что Тобольск, как далеко отстоящий от Китая, был неудобен для сношений с Китаем (Сборник Имп. Рос. Ист. Общ., т. 57, 1887 г., с. 39, Доклад императрице, на котором ею постановлено: «Быть по сему»). В том же году была образована Иркутская губерния с губернатором вместо вице-губернатора (М. Чулков, «Историч. описание рос. коммерц. по всех портах и границах», П., 1781—1788 г. г., т. III, кн. I, с. 344).

В Китае еще до этого произошла в этом отношении перемена: «С 1762 г. являются в Курене (по-нашему—Урга) уполномоченные, отправляемые от пекинского двора, которые вместе с монгольским князем заведывают делами с Россией», пишет китаец Сун-Юнь, знаменитый китайский государственный деятель конца XVIII в и начала XIX в. Он говорит, что торговля была закрыта китайцами в 1764 г. из-за взаимной пропажи у русских и монголов более 1.000 лошадей, причем русские преувеличили число, за что богдыхан прекратил торговлю на Кяхте («Открытие Китая и др. статьи академика В. П. Васильева», П., 1900 г., с. 98).

27) Таким образом, напрасно Екатерина II в декабре 1763 г. опровергала заметку в Утрехтской газете этого года, что южная Сибирь находится в опасности от Китая; она писала, что там все «находится в совершенно безопасности и тишине», и редко случающиеся пограничные распри с обеих сторон комиссарами «немедленно прекращаются». (Сборник Имп. Рус. Ист. Общ., т. 51, 1886 г., с. 131). Впрочем, сама Екатерина. хотя впоследствии и мягко отзывалась о китайцах («Дневник Храповицкого», заметка под 3 марта 1793 г.), но, услышав, что они, овладев Джунгарией, сманивают к себе киргиз-кайсацкую орду, приказала

обратить на это внимание их; но так, чтобы не раздражать Китай, и торговыми льготами привлекать киргизов, построив для их защиты крепости. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 51, 1886 г., с. с. 35—41, 16 окт. 1763 г.).

«Собрание» (конференция) 4 октября 1764 г., обсудив сибирские дела, доложило Екатерине (резолюция—«Быть по сему»): «Что касается до производимого с китайцами на Кяхте торга, который они поставили для России более надобным, а для себя не столь нужным, остановили и перевели в Ургу, китайский город до трех сот верст от Кяхты лежащий, дабы тем с одной стороны взятье с российских купцов пошлин (как видно по собственным их купцам проискам) перервать, а с другой стороны увеличить свою высокомерность и принудить здешних купцов ездить в оную Ургу, то хотя китайцы по полученным вновь от ген.-майора Якобия доношениям уже сбавили своей спеси и начинают в Кяхту паки с товарами приезжать, и уповательно тепер торг по прежнему производиться стал»;—однако, «Собрание» решило учредить вольную кампанию для желающих русских купцов, чтобы они следили сами за собой и соблюдали свои интересы, не допускали бы и контрабанды; такую кампанию надлежало устроить так, чтобы русские купцы наименее зависели от китайцев, и сами русские не подрывали бы соперничеством своей торговли; кроме того, было решено облегчить сибирский тариф 1761 г. частично или совсем уничтожением 13% налога, называемого внутренней пошлиной. (Сборник Имп. Руск. Исторического Общества, т. 57, П., 1887 г., с. с. 39—41).

Та же конференция представила ряд соображений, получивших одобрение, «о приведении сибирского края в безопасное и оборонительное состояние» посредством увеличения войск в крепости св. Петра и Павла, Омске, Ямышевской крепости, Усть-Каменогорской, Железенской, Бийске, Кузнецке, Иркутске и Селенгинске. Квартиры сибирскому генералитету были назначены в Омске (предположительно), Петропавловске, Усть-Каменогорске, Бийской крепости и Селенгинске. (Там же, с. с. 41—42).

28) Бантыш-Каменский, «Диплом. собр. дел.», с. 322 и др.

29) Записки Сун-Юня в «Открытии Китая и др. статьи акад. В. П. Васильева», П., 1900 г., с. 98.

30) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 65, дело 6.

31) «Сборник договоров России с Китаем», 1689—1881 г., изд. Мин. Внутр. Дел, П., 1889 г. (Тексты манчжурский и русский).

Сущность пунктов, предложенных Кропотовым, ответов на них китайских уполномоченных (переговоры шли в Урге) сообщена В. П. Васильевым, «Открытие Китая...», с. с. 90—95.

В 1771 г. был составлен «Экстракт, что произошло в торговле с китайцами с 1762-го года», в котором собраны переводы с китайских листов и ответы Россия на них. В введении вкратце, но точно, изложен ход событий. Согласно этому «Экстракту», Кропотов в 1768 г. уладил споры с китайцами тем, что те надолбы, которые китайцы требовали уничтожить, были русскими сняты, так как Кропотов «не усматривал от этого никакого здешней стороне вреда», все спорные дела и претензии были преданы с обеих сторон полному забвению, постановлено «пошлин с купцов на границах не брать вечно, сего ради и бывшую на границах таможню (Кропотов) перевел внутрь, где и пошлина збирается», и составлена была добавочная статья о пограничных русско-китайских сношениях; «по окончании сего торговля с китайской стороны началась паки и поныне (1771 г.) производится с желаемым успехом».

Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел., Снош. Рос. с Кит., дела второй присылки, 1762 г., д. 2, связка 526.

32) П. Мушкин в небольшой статье 1851 г.—«Основание гор. Кяхты и начало торговли с Китаем, сгустил краски, говоря, что «если гр. С. Владиславичу кяхтинская торговля (договор 1727 г.) обязана своим началом, то другому послу—Кропотову, обязана она своим развитием. Посольство это составляет вторую важную эпоху в истории торговли России с Китаем» («Северная Пчела», газета, 1851 г., № 120, с. с. 479—480).

33) Отсюда видно, что русские этими надолбами думали фактически расширить к югу свои границы, на что китайцы отвечали, конечно, негодованием и протестами.

34) Моск Гл. Арх. Мин. Ин. Дел. Снош. Рос. с Кит., карт. 66, д. 2, Журнал комиссара Кропотова о переговорах 1768 г. на границе с китайскими амбанями. Здесь на с. с. 51—52 приложена хорошая карта местности от Кяхты до р. Селенги. Картон, 91, 1768 г., д. 1, Журнал полномочного ком. пол. Кропотова о ходе переговоров на границе с кит. амбанями в 1768 г. В этой книге находится прибавление к трактату, размененное Кропотовым с кит. амбанями 18 окт. 1768 г.

35) Ответ китайских уполномоченных Кропотову на манчжурском языке впервые был сообщен акад. В. П. Васильевым («Открыт. Китая. .». с. с. 90—95). «Значение этой замечательной записки» (ответов), по словам Васильева, заключается в следующем: «Ни для кого не будет трудно расшифровать дипломатический язык китайцев, их наглость и дерзость в ответах, когда они надеются на безнаказанность. Мы не скрываем и того, что этот документ в то же время свидетельствует, по нашему мнению, и о неумении тогдашних русских вести дипломатические дела с Китаем. Мешая статьи неважные с важными, Кропотову, кажется, хотелось перещеголять трактат Рагузинского обилием статей. Между тем, мы видим, что ему не удалось составить нового трактата, а пришлось только подписать (18-го октября 1768 г.) конвенцию, которая служила не только пояснением и дополнением Кяхтинского трактата, но даже отказом от всех домогательств России. Мы обязались сломать все строения на Бургултайских горах и Бицикту-Хошо, которые считали вполне нам принадлежащими, и согласились отступить по хребет этих гор, обещались не брать пошлин в Кяхте и Цурухайту, и, сверх того десятая статья Кяхтинского договора была отменена и на ее место вставлена новая» (упомян. сочин, с. с. 95—96).

XV. История русско-китайских сношений с 1768 г. Торговые разрывы и споры о перебежчиках, пошлинах и Уладзае.—Международный акт 1792 г.

Со времени заключения Кропотовым в 1768 г. договора-статьи, торговля на границах была восстановлена, и между Российской и Срединной Империями происходил крупный и оживленный обмен товарами до 1779 г.—в течение десяти лет, за исключением трехдневного прекращения торговли в 1775 г.

Этот кратковременный перерыв возник на почве недоразумения относительно пошлин. По толкованию китайцев, русские не соблюдали статьи 1768 г., касавшейся пошлин и перебежчиков. По толкованию же русских, статья в части вопроса о пошлинах была в ее прямом и буквальном смысле невыполнима для русских, так как Россия не имела намерения отказаться от взимания пошлин во внутренних областях своего государства, тем более, что и сами китайцы взимали у себя пошлины, производя, правда, эту операцию не в Маймачине, т.-е. на границе, а в Калгане (1). Что же касается перебежчиков, то, при практическом осуществлении этого пункта русскими, всегда примешивались всевозможные соображения сибирских властей и российские государственные интересы, что приводило к отклонениям от договора; китайцы же требовали пунктуального выполнения договора. Кропотов, подписывая дополнительную статью 1768 г. к Кяхтинскому договору, несомненно, понимал, что она не

будет точно выполняться русскими, согласился же на нее из стремления во что бы то ни стало установить торговлю с Китаем, выгодную для России, и прекратить напряженное ожидание военных столкновений.

Чтобы китайцы не упрекали русских во взимании пошлин, еще в 1766 г. таможня из Кяхты была перенесена на 80 в. к северу, в Петропавловск, а в 1776 г. была образована Троицкая Коммерческая Экспедиция (в 4 в. от Кяхты, в Троицкой крепости) и Иркутское Коммерческое Комиссарство (2).

Из-за перебежчиков же новый разрыв произошел в 1778 г. и продолжался уже 2 года и 13 дней. Китай требовал возвращения китайского ученика, бежавшего в Россию, а русские— выдачи разбойников-русскоподанных, ограбивших и захвативших несколько купцов, с которыми и скрылись в Китай. Китайцы ответили на требование отказом, заявив, что русские эти сами пришли в Китай и просили о натурализации, и китайцы пред‘явили встречное требование о выдаче китайских перебежчиков. Еще в апреле 1778 г., т.-е. до момента разрыва (последовавшего в мае 1778 г.) китайцы увели в Китай русского ученика Григория Федоровича Шарина (3). В этом же году они говорили ему, что, по слухам, «в Кяхте и до ныне пошлина берется», но Шарин успокоил их, сообщив, что «пошлины у нас, на Кяхте, после полномочного посла Кропотова не берут, а только со всех военнослужащих, особливо с купцов, берется подать на содержание наших начальников и войск наподобие, как в Урге собирается на содержание заргучеев».

Однако, этот перерыв не понравился Пекину. По крайней мере, Шарин «слышал, что соли-амбань и последний кяхтинский заргучей, по взятии в (Пекинский) Трибунал по делу об остановлении кяхтинского торга чинов лишены». Сам богдыхан был настроен против России воинственно. Именно Шарину говорили, что богдыхан уже давно готовится воевать с Россией, «но отсоветывают от того вельможи, убеждая тем одним, что россиане в воинском деле великое имеют искусство, и чтоб не потерять своего отечества». Конечно, важнейшим сдерживающим фактором было и то, что к Китаю враждебно относились монголы. Один монгольский князь, проживавший возле Кяхты, хотел со своими поданными перейти под власть России, но китайцы во-время казнили этого князя; впрочем, монголы заявляли, что в случае войны «при первой битве, коя сторона выиграет, к той они и пристанут» (4).

Споры все-таки были улажены. Еще 30 сентября 1776 года правительство Екатерины II велело в виду открытия торга на Кяхте известить об этом всех купцов, пропечатав в газетах (5). Но только в следующем году Троицкая Коммерческая Экспедиция дала знать, что торг открылся (6).

С 1780 года торговля спокойно продолжалась в течение 5 лет, после чего вновь произошел разрыв в 1785 г., продолжавшийся почти семь лет. Спор возник из-за русских разбойников во главе с Уладзаем. Разбойники были пойманы на границе

и, согласно статье 1768 г., подлежали публичной казни на границе, но иркутский губернатор Якобий, наказав их палками, только сослал в далекие места (7). Разгневанный Трибунал прислал Сенату лист со следующим выговором:

«Образ, по которому россияне в сем деле поступили, весьма непонятен и странен. Удивительно, по истине, что Российская Империя столь безумному губернатору поручила пограничные дела... Таковой поступок достоин ненависти, почему и препоручается Трибуналу учинить за то россиянам выговор», уведомив, что пойманные на границе китайские воры публично казнены китайцами, как то требовала статья 1768 г., а русские ее не исполняют. «Если Сенат тому зачинщик..., то вы, россияне, большею частью безмозглы и недостойны никакого внимания, а если способ, коим вы действуете, почитается у вас сообразным обычаям и сходственным с разумом, то вы безобразное и ничего не стоящее вещество». Требуя выдачи разбойников Трибунал грозился в противном случае казнить двух русских воров и об'явил, что приказано «пограничным начальникам, дабы все проходы заперли и торговлю во всем пресекли».

На это Сенат весьма вежливо, хотя и неубедительно для китайских чиновников, отвечал (1785 г.), что:

1) Напрасно заводить между государствами бесконечные споры о наказании всякого человека.

2) Уладзай уже наказан, а второй раз наказывать, ведь, несправедливо.

3) Давно приказано Сенатом губернатору известить Трибунал об издании в России новых законов о казни.

4) Незаконно казнить в отместку людей, не провинившихся в уголовном преступлении.

5) Коли китайцы прекратят торг, то Россия все-таки позволит приезжать к себе и выезжать.

6) Нужно, чтобы китайский двор выслал полномочного сановника на границу с целью установить новые договоры.

7) Россия не намерена воевать, если только не будет к этому вынуждена, и пр.

Впрочем, отвечая вежливо и миролюбиво, русское правительство в части вопроса, касавшейся войны, не хотело быть застигнутым врасплох, и 26 июня 1785 г. был дан Г. Потемкину секретный рескрипт об увеличении военных сил на китайской границе (8).

Трибунал на приведенные доводы Сената возразил, что его требование остается неудовлетворенным, «а только повторяются нерезонно и усиленным образом одни пустые слова, ничего не об'ясняющие», и что:

1) Спор об этих разбойниках вполне обоснован, так как предусматривается трактатом (дополнительной статьей).

2) Действительно, второй раз наказывать человека несправедливо, однако требования китайцев вполне законны.

3) Об издании новых уголовных законов есть выдумка Сената, потому что губернатор не осмелился бы не дать знать, о чем ему приказано.

4) Русские воры по милости хана останутся в живых, но не будут выпущены, пока не возвратят Уладзая с товарищами.

5) Слова о позволении России переходов границы, хотя и торг был прекращен, «не токмо смешны, но и гнусны», потому что монголы и китайцы, живущие сто лет мирно и дружно, не имеют никаких данных скитаться и скрываться в России.

6) Полномочный сановник будет выслан на границу лишь для возобновления прежних договоров и то только после выдачи Уладзая и других.

7) Хотя Трибунал и оскорблен злословием Сената, но и Китай из-за такого пустяка не будет воевать (9).

Это было в 1786 г., но споры еще много лет продолжались. Уладзай, главный виновник их, успел уже умереть; однако, китайцы не верили этому и продолжали в 1789 г. требовать его казни и наказания губернатора, который скверно разрешал пограничные споры, как писали китайцы.

Сами китайские купцы и даже чиновники (напр., со стороны Цурухайты), согласно русским донесениям 1788 г. (сент.), проявляли сильное желание открыть торговлю (10). Придворные же интриги при пекинском дворе усиливали этот раздор, причем англичане в своих интересах старались его осложнить, и в Сибири и в Китае даже поговаривали о войне. Радищев, проезжая по Сибири, писал, что в Тобольске и в Иркутске помышляли не о возобновлении торговли, а о войне со стороны России, «что китайцы, приметя, о том сами упоминали» (11). Один из торгоутских лам рассказывал о военных приготовлениях России. Он был допрошен в Пекине; сам Сун-Юнь навел справки об этом в Кяхте, и богдыхан, «убедившись, что русские попрежнему почтительны», велел предать торгоутского ламу немедленной казни за распространение ложных слухов (12). Правда, русское правительство избегало войны, и когда в 1791 г. из Иркутска должна была отправиться экспедиция, чтобы завязать торговые сношения с Японией, ей было запрещено изыскивать путь по Амуру, чтобы не возбудить подозрения у китайцев и «в переговорах об открытии взаимного торга не подать повода к новым затруднениям» (13).

Переговоры с большим трудом налаживались, и несколько раз казалось, что они приходят к благополучному концу. Но Китай проявлял большую настойчивость и требовал непременно присылки от имени Российского Сената листа. Государственный Совет, рассматривавший эти дела, первоначально находил, что это требование Китая не основательно, потому что такой лист уже был послан от Сената; но, наконец, в 1790 г. он решил исполнить это требование, потому что было бы жалко, «если бы для столь неважной причины прервалась негоциация и осталось тщетным все употребленное поныне старание отвратить настоящие с китайцами недоразумения и восстановить с ними торговлю, от пресечения которой лишается казна ежегодно до 600.000 рублей пошлинного дохода, а партикулярные люди в Сибирских наместничествах обращения капитала, простиравшегося миллион до трех рублей» (14).

Столкновение было улажено только в 1792 г., чему немало содействовал ведший со стороны китайцев переговоры монгол Сун-Юнь, тактичный и умный человек (15), а со стороны России—иркутский губернатор Нагель (16). Переговоры, тянувшиеся два года, окончились подписанием международного акта от февраля месяца 1792 г. (17), подтвердившего ранее заключенный трактат и вновь открывшего торговые сношения двух империй таким выражением: «Поелику святейший государь (богдыхан) единообразно всем существам оказывает свое человеколюбие, низпослал милостивый указ о открытии торга в Кяхте». Как видно из этой формулировки, и тут китайцы по отношению к России продолжали держаться высокомерного тона сюзерена по отношению к вассалу, что проглядывает в каждой фразе этого акта, с упоминанием даже о «благосклонном прошении Российского Сената» (18).

По этому акту было постановлено пограничные дела разбирать попрежнему, однако согласно законам каждой страны (т.-е. Китай признавал новые уголовные законы России о смертной казни), и приводить в исполнение приговоры без чиновников другого государства, т.-е. контроль упразднялся (19). Таким образом, русское правительство, не показывая вида, что оно оскорблено высокомерием своего соседа, приняло этот акт, как все-таки уясняющий в пользу России вопрос о пограничной юрисдикции и, главным образом, прекращающий разрыв в торговых сношениях (20).

До конца XVIII в. и в начале XIX в. торговые сношения между обоими государствами протекали спокойно; недоразумения не возникали до неудачного русского посольства 1805 г. в Китай (21). Однако, хотя после этого посольства и возникают осложнения, но характер официальных бумаг и сношений Внутренней Империи в XIX ст. постепенно, под влиянием изменившихся экономических и политических условий, становится мягче и предупредительнее.

Характер русско-китайских отношений в XIX столетии должен был перемениться уже по одному тому, что в этом столетии, с одной стороны, начало давать себя чувствовать на востоке усиленное развитие европейского капитализма, а с другой стороны, наступил естественный предел более или менее свободной завоевательной политике манчжурской династии, достигший возможного для нее радиуса своего влияния и расширения на средне-азиатском плоскогории и вынужденной поневоле углубиться в организационную внутреннюю деятельность, связанную с экономическими, политическими, религиозными, национальными и иными проблемами и внутренними противоречиями обширной империи.

Втянутая против своей воли в сферу экономического влияния не только России, но и других крупных и даже второстепенных держав земного шара, Срединная Империя, под давлением создавшейся обстановки, меняет характер своих отношений с Россией; они не отличаются уже прежней примитивностью,

но осложняются новыми данными и факторами, из которых главнейшие заключаются в том, что Китаю пришлось считаться с такими врагами, которые для осуществления своих империалистических домогательств не колебались прибегать к военной силе, более превосходной, чем силы, имевшиеся в распоряжении Срединной Империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 73. Дела об отправлении в Китай Кропотова, 1762—1769 г.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 86, д. 62, 67 и др. Трусевич («Пос. и торг. снош. Рос. с Кит.», с. 63) ошибочно говорит, что кяхтинская торговля переведена была в Якутск (очевидно, это просто опечатка).

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 86, д. 72.

4) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., первая присылка 1828 г., дела 1762—1789, карт. 74, «Мунгальского языка ученик Григорий Федоров сын Шарин, о бытности своей в Китайском государстве апреля с 14-го по 8-е число февраля 1780 г. сделал следующую выпись».

5) Арх. Деп. Тамож. Сборов (Петроград), Каталог делам Департ. внешней торговли, 1877 г., д. 5519, св. 456 (см. Каталог, 1888 г., с. 72, № 55), л. 20.

6) Архив Департ. Тамож. Сборов, Каталог 1884 г., № 493, Экспедиция I, связка 51, д. 678, Донесение иркутского губернатора Кличка, 1780 г. 15 мая.

7) В китайском освещении (по запискам современника Сун-Юня) это событие представляется в таком виде: «В 1784 г. ургинский купец... был ограблен подвластными России бурятами... Вскоре были схвачены Урарчжай и др. преступники, которые и препровождены были в Кяхту с генералом, который вместе с цзаргучеем и произвел дознание»; русские уплатили причитающийся вдесятеро штраф, но генерал отказался казнить преступников, а только, наказав их плетьми и заклеймив нос и уши, сослал на северо-восток. Куреньский (т. е. ургинский) амбань послал иркутскому губернатору запрос, но губернатор, такой же глупый, взбалмошный и невежественный, как и генерал, отговаривался, считая дело уже решеным. По докладу об этом, наш император приказал немедленно написать бумагу в русский Сенат, с приказанием сменить губернатора и наказать их примерно. Сенат в об'яснении своем, написанном в 1785 г., также только лавировал в этом деле. Тогда Лифань-Юань получил приказание написать строгие укоризны и вслед за тем прекратить кяхтинскую торговлю, («Открытие Китая и др. статьи акад. В. П. Васильева», П., 1900 г., с. 99).

8) Сборник Имп. Русск. Истор. Общества, т. 27, 1880 г., П., с. 352.

9) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел..», с. с. 326, 327, 328 и др.

10) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Кит., карт. 95. Торговля тайно продолжалась, и иркутский губернатор, г.-майор Арсеньев препроводил в Государственный Совет ведомость о сборе в июле 1788 г. пошлин в Цурухайтуевской пограничной таможне с промена китайских товаров на русские. Арх. Госуд. Совета (см. «Протоколы Совета в ц. имп. Екатерины II», П., 1869 г., т. I, ч. II, с. 642).

11) Письмо о китайском торге, Радищева в «Полн. Собр. Соч.», т. II, 1907 г., с. 73.

12) Записки Сун-Юня, «Открытие Китая и др. ст. акад. В. П. Васильева», П., 1900 г., ст. 101—102.

13) П. Собр. Зак., XXIII, 16985. Морская экспедиция в Японию, Арх. Госуд. Совета, «Протоколы Совета в ц. имп. Екатерины II», 1869 г., П., ч. I, ч. II, с. с. 671—674.

14) Арх. Гос. Совета («Протоколы Совета...», т. I, ч. II, с. 646).

15) Е. Тимковский, «Дневные Записки», «Сибирск. Вестник», 1823 г. ч. II, с. 33.

16) Сун-Юнь в своих записках об этом писал так: «Я получил (в 1785 г.) приказание отправиться в Курен (т.-е. Ургу) для заведывания этим делом, причем удостоился священных наставлений, что в пограничных делах должно выказывать совершенно беспристрастие для того, чтобы внушить диким варварам (т.-е. русским) страх и уважение в добродетели... Русские, вследствие закрытия торговли, узнали раскаяние в своей вине. Сменив нерадевшего о деле губернатора, г. Ламба, они послали на его место отличного человека», который, однако, не мог отыскать следов Уларчжая; в 1789 г. русские контрабандисты-охотники убили китайского караульного, китайцы потребовали расследования, и «новый губернатор, человек очень внимательный», поймал преступников, которые и были казнены на границе. «Тогда я положил считать поконченным как старое, так и новое дело», и в 1791 г. Сун-Юнь получил приказание открыть переговоры, и (в китайских стихах):

«Когда получили бумагу, все варвары запрыгали от радости.

Услышав о приказании, заскакали на курьерских».

В 1792 г. Сун-Юнь прибыл в Кяхту, где был уже губ. Нагель, который заявил, «что он будет слушаться всех наших указаний». (Записки Сун-Юня в «Открытии Китая...» акад. Васильева, с. с. 100—103).

Несмотря, однако, на заявление Нагеля, что «он будет слушаться» китайцев, он, согласно своему рапорту, «употребил до 5.000 рублей на подарки и угощения и другие при таковой сделке необходимые расходы». Арх. Гос. Совета (см. «Протоколы...», т. I, ч. II, с. 655).

17) «Сборник договоров России с Китаем, 1689—1881 г.», изд. Мин. Внутр. Дел, П., 1889 г.; тексты русский и манчжурский. Полное Собр. Закон., XXIII, 17.037.

18) «Слог и тон бумаги уже совершенно для нас унизительной, и здесь китайский государь является как бы нашим сювереном», замечает акад. В. П. Васильев. («Открытие Китая...», с. 103)

19) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, портф. Баснина, V, д. 127. «Проект листа от имени Прав. Сената в Пекинский Трибунал 1791 г.», листы китайского Триб. в Сенат и др. Снош. Рос. с Китаем, карт. 93, листы Сената в Трибунал и из Трибунала в Сенат за 1784—1786 г.г.; карт. 95, такие же листы за 1787—1792 гг. Архив Госуд. Совета («Протоколы Совета в ц. имп. Екатерины II-й», П., 1869 г., т. I, ч. II, с. с. 642—660, 1788 г.—1792 г.).

20) Получив разменный от 8 февраля 1792 г. лист с новым условием о возобновлении торговли, Государственный «Совет рассуждал, что в сем разменном листе, хотя между прочим и помещены по настоянию китайцев некоторые непросвещенной их возмерчивости свойственные выражения, но в самом существе неоспоримым образом они уступили справедливым требованиям нашим, согласясь формально на выдачу у них людей здешних, на возобновление взаимной торговли и на отступление от прежнего постановления представлением обеим сторонам на волю наказывать по своим законам тех преступников, кои по оному постановлению подлежали смертной казни».

Архив Государственного Совета («Протоколы...», т. I, ч. II, с. с. 654—655).

21) Посольство графа Головкина в Китай в 1805—1806 г. фактически даже не состоялось, потому что посол, вследствие совершонных им многих ошибок, был отправлен обратно китайским ваном из Урги в Россию, не будучи даже допущен в Пекин. В результате этого и русский посол, и ургинский хан впали в немилость при дворах своих государей. Главными причинами неудачи посольства были многочисленность свиты посла и его нежелание подчиниться церемониалу «ков-тов» («Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина», сообщил В. Н. Баснин. Чтения в Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос., 1875 г., кн. II, Смесь V, с. с. 132—144, 147).

ГЛАВА IV

РАЗМЕРЫ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ И НАЧАЛО ЕЕ С ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ

Обозревая историю сношений России с Центральной Империей, мы видим постоянную и тесную связь их развития с территориальными и торговыми интересами обеих держав. Вопросы русско-китайской торговли, по своей сложности, требуют отдельных исследований; здесь же мы укажем лишь на общие размеры этой торговли.

Из предшествующего обзора видно, как постепенно, но неуклонно, развивались коммерческие сношения русских с китайцами. Начиная с половины XVII ст., русское правительство и торговые и промышленные люди одновременно ведут торг со Срединной Империей. При Петре Первом значение правительственной торговли необычайно усилилось; однако, частная торговля, хотя и стесненная преимуществами в пользу казны, успешно состязалась с нею; основанная на свободной инициативе и личной заинтересованности, не связанная бюрократическим формализмом и чиновничьим паразитизмом, а потому более гибкая, экономная и чуткая к условиям рынка, она, наконец, одержала верх над казенной, которая принуждена была, вследствие убыточности, прекратить свои функции в 1762 г.

Обороты русско-китайской торговли в XVII в. не поддаются точному определению, потому что торговый аппарат еще не был налажен, а правительство не могло сразу надлежаще поставить таможенное дело с учетом привозимых и вывозимых товаров. Но данные об общем характере сибирской торговли предоставляют возможность получить представление о том, на какую сумму русские торговцы могли торговать, сначала с монголами, а потом и с китайцами. Именно в 1646/7 сентябрьском году (155 г.) за декабрь, январь и февраль проехало через Верхотурье 30 купцов, большинство которых везло товаров на несколько сотен рублей и несколько—на 1, 2 и 3 тысячи рублей; шесть же купцов имело товаров меньше, чем на сотню рублей (1). Это обстоятельство показывает, что уже в половине XVII столетия были такие торговцы, из которых каждый мог совершать обороты русско-сибирскими товарами на тысячи рублей в исчислении на наши деньги, а некоторые из купцов были настолько мощными капиталистами, что их торговый капитал определялся, в переводе на наш же курс денег, в десятки тысяч рублей. Конечно, среди товаров вышеупомянутых купцов товары китайского происхождения могли попадаться в то время лишь

случайно, но уже подобное наличие обширной торговли в 1640 г.г. на месте географического перевала от Руси к Сибири—доказывает, что базис для расширения этой торговли в сторону китайского рынка был налицо, и торговый капитал должен был стихийно стремиться к увеличению колониальных прибылей и к приобретению новых внешних рынков сбыта и приобретения. Действительно, в скором времени это подтверждается и документальными данными, а именно,—с 1687 г. таможенные доходы Нерчинска, главного пункта, через который тогда происходила торговля с Китаем, указывают на рост русско-китайской торговли. В этот год (194 г.) в Нерчинске таможенных доходов поступило, правда, только на 141 р., но в 1688/9 сентябрьском году (197 г.), т.-е. в год подписания Нерчинского договора и прекращения состояния войны между Россией и Китаем, было собрано 1.376 р. пошлин; в 1696/7 сентябр. г. (205 г.)—почти 15.000 р., а 1701 г.—36.792 р. Впрочем, размер этих сборов в разные годы сильно колебался, ниспадая иногда даже до нескольких сотен рублей, что, конечно, зависело от караванного характера торговли.

Во времена Петра Первого частная торговля была стеснена развившейся казенной торговлей, пережившей в этот период свой золотой век. Первое время всякий посланник и посол вез с собой на продажу казенные товары; так, Байков в 1656 г. занимался в Пекине меной товаров и привез китайских товаров на 1669 р. В 1668 г. купчина Аблин отвез в Пекин русских товаров почти на 4540 р.; в 1698 г. купчина Лянгусов — на 26.000 р. Позднее ценность товаров государственных караванов достигала 100.000—200.000 рублей, а в караване 1722—1728 г. г. дошла до 300.000 р. В XVIII ст. правительственных караванов, до их упразднения в 1762 г., было семнадцать*).

Что касается оборотов частной торговли за XVII ст. и в первые десятилетия XVIII ст., то, хотя они и не учитывались с такой точностью, как казенные, все же можно сказать с известной долей уверенности, что, частные обороты, во всяком случае, принимая в соображение контрабанду, были не менее оборотов правительственной торговли, если не превышали ее. Это превышение тем более естественно, что государственные караваны совершали рейсы не ежегодно, а в разные сроки, иногда с громадными промежутками времени; частная же торговля происходила регулярно, ежегодно (за исключением моментов политических осложнений и разрывов, хотя в это время зато особенно усиливалась контрабанда); поэтому частная торговля, надо полагать, в общей сумме превосходила государственную.

*) История возникновения и развития казенной русско-китайской торговли исследована мною в отдельной монографии. См. «Українська Академія Наук. Записки Історично-філологічного відділу», кн. XX, 1928, и отдельно: Б. Курц, «Як повстала державна караванна торговля Росії з Китаєм в XVII віці», Київ, 1929; «Наукові Записки Київського Інституту Народнього Господарства», т. IX, 1928 р. и отдельно: Б. Курц. «Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст.», Киев, 1929 г.

Со времени же основания Кяхты частная торговля, все более и более сосредоточиваясь в одном этом пункте (в Цурухайте обороты были совсем незначительны), быстро выявила свое необычайное преобладание над оборотами государственных караванов, тем более, что это была уже пора полного упадка государственной торговой монополии и последний государственный караван, даже не побывав в Пекине, стал расформировываться с 1760 г., а в 1762 г., как известно, торговая русско-китайская монополия официально была об'явлена несуществующей, и частная Кяхтинская торговля начала быстро возрастать.

Действительно, в Кяхте обороты по вывозу и ввозу товаров простирались в 1744 г. до 580 тысяч рублей, в 1755 г.—840 т. р., в 1760 г.—1.360 т. р., в 1770 г.—2.620 т. р., в 1780 г.—5.400 р., в 1792 г.—4.940 т. р., в 1798 г.—5.570 т. р. и в 1800 г.—8.380 т. рублей.

Эти цифры дают понятие об общем ходе русско-китайской торговли (2). Но они характеризуют только ее абсолютное развитие; если же принять во внимание возрастание за этот период численности и плотности населения Российской и Срединной Империй и пропорциональное участие его в торговле, то, даже не приводя здесь цифровых данных по этому вопросу, заметим, что развитие этой торговли не было столь значительно, как оно может показаться с первого ознакомления с приведенными суммами оборотов (3).

Предметами торговли со стороны России были, главным образом, меха и притом—дешевые. Китай же взамен отдавал преимущественно ткани. Из русских товаров также вывозились кожи, мануфактура и другие предметы. С половины XVII ст. меха составляли почти 100% стоимости русского вывоза, в 1762 г.—85%, а в 1792 г.—только 70%. Идя в дальнейшем на понижение, меха в XIX ст. скоро уступают главное место, по статье вывоза в Китай, мануфактурным произведениям.

Китайская же Империя ввозила в Россию, кроме тканей, ревень, табак, драгоценные камни и прочие товары. Основную массу ввоза составляли ткани. Чай привозился в крайне незначительном количестве, и только к концу XVIII ст. спрос на него быстро увеличился, и к 1800 г. достиг почти 30% всего китайского ввоза в Россию; но главным предметом торга Срединной Империи с Россией он сделался лишь в XIX столетии.

С 1800 г., с введением в действие Кяхтинского устава о мене (тогда же был введен и новый тариф), кяхтинская торговля со стороны русских приобрела более сплоченный характер, чем еще в XVIII ст. выгодно отличалась от русской китайская торговля, извлекавшая из этой организованности для себя большую пользу. С этого же времени товары стали расцениваться не на китайку, как единицу ценности, а на чай (4).

То преобладающее значение, какое Россия занимала в XVII и XVIII ст. ст. на северном китайском рынке, она начала утрачивать в XIX ст., будучи принуждена разделять эту роль

с другими иностранными державами, которые сумели, благодаря своему более раннему капиталистическому развитию и более высокому состоянию производства, развить свою торговлю с Китаем в более широких размерах, чем могла это сделать Россия (5).

К концу XVIII ст. относится возникновение русской торговли с Западным Китаем.

Манчжурская династия включила в свои пределы западные области с 1758 года; прежде же здесь господствовали джунгары. Россия раньше вела в этих областях торговлю с киргизами, калмыками (джунгарами) и бухарцами через Ямышев и Семипалатинск. Китайцы знали об этой торговле, потому что бухарцы имели обыкновение посещать Ургу, где могли перепродавать монголам и китайцам русские товары; это также побуждало Срединную Империю к стремлению захватить в свои руки торговлю через Джунгарию, и Империя усиленно добивалась сломить Джунгарское государство. Еще в 1721 г. китайцы сообщили Измайлову, что война с Джунгарией близится к концу (впрочем, эти предположения оправдались только к 1758 г.), и что они намерены построить на р. Иртыше крепость с гарнизоном и учинить в ней свободное купечество, так как через эти местности послам и русским караванам будет очень удобно ходить по реке Иртышу в Пекин (6). Припомним, что этим путем, действительно, ходил в Пекин первый официальный посол России—Байков (7), но эта дорога все-таки оказалась менее удобной, чем нерчинское и селенгинское направления.

Завладев же Джунгарией, Срединная Империя не прилагала в действительности усилий к заведению через эту страну торговли с Россией, и, вследствие прекратившегося движения караванов, таможни в Ямышеве и Семипалатинске в 1763 г. были даже упразднены русским правительством (8). Только в 1797 г. последовал указ Павла I открыть торговлю с Западным Китаем через Бухтарминскую крепость (9). Было предположено торговать с городами Кульджей (верстах в 500 от Бухтарминской крепости) и Чугучаком (верстах в 800), ибо в этих городах были сосредоточены китайцами торговые центры. Но сами китайцы препятствовали здесь русской торговле, опасаясь лишиться политического господства среди покоренных народов, и русским первоначально приходилось торговать тайно (10). Поэтому развитие торговых сношений России с Западным Китаем относится уже к XIX ст., и об открытии торговли на Бухтарме было поручено домогаться неудачному посольству графа Головкина 1805—1806 г. г. (11).

Незадолго до этого, в 1804 г., пришли в Кантон первые два русских военных судна с требованием разрешить торг. Суда эти продали свои меха в этом порту, что и должно было положить начало морским торговым сношениям России с Китаем; но русская морская торговля развилась только во второй половине XIX ст. (12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Б. Курц, «Город Верхотурье в XVII в.», с. 331 -332 («Юбилейный сборник ист.-этногр. кружка при Унив. св. Влад. в Киеве», Киев, 1914 г.).

2) Согласно рапорту ген.-поручика Пиля из Иркутска от июля 1792 г., т.-е. после прекращения длительного перерыва пограничной торговли, на Кяхту было привезено русскими купцами товаров на 1.189.301 руб.; товары весьма успешно обменивались китайцами по выгодным для русских ценам, вследствие предварительного между русскими купцами условия и их единодушия; установлению выгодных условий способствовал директор Троицкой Коммерческой Экспедиции Вонифатьев, благодаря которому, несмотря на все старания китайцев, они должны были променивать свои товары нашим купцам с выгодой и пользой для русских (Архив Государственного Совета, «Протоколы . .», т. I, ч II, с. с. 656, 657).

Мы лишены возможности привести тут цифровые данные из китайских таможенных материалов для сравнения их с цифрами русских документов. Иоакинф (Бичурин) сообщает, что в начале XIX ст. отпуск китайских товаров, шедших через Калган (Чжан-цзя-кхэу) на Кяхту (Кягту), простирался до 5.000.000 рублей серебром. («Статистическое описание Китайск. Империи», Иоакинфа. П., 1842 г., в 2-х частях, ч. I, с. 123).

3) Учет населения Срединной Империи очень труден. Полагают, что при воцарении манчжурской династии (середина XVII ст.) количество населения в Империи достигало едва 50 мил. душ, в 1750 г. оно более чем удвоилось, и в дальнейшем прирост продолжался в такой же прогрессии (Паркер Э, «Китай», с. 350). В Российской Империи же в половине XVII ст. было до 5 млн., если не больше; в 1724 г. по переписи считалось 13 млн , а в 1796 г. —36 млн. и в 1815 г.—45 млн. Сибирь. в особенности, отличалась крайне слабой населенностью. Согласно Словцову («Азиатская Россия», П, 1914 г., т. I, с. 81), в ней было всего мужчин и женщин (русских и инородцев) в 1622 г.—196 тысяч., в 1662 г.—393 т., в 1709 г. —429 тыс., в 1737 г. 527 тыс., в 1763 г.—680 тыс., в 1796-1797 г. (согласно Гагемейстеру)—939 тыс. и в 1815 г. —1.534 тысячи («Колонизация Сибири в связи с переселенческим вопросом», издание Канцелярии Комитета Министров, П., 1900 г., с с. 43—44 и др.).

Кампредон сообщал, что торговля сибирскими и китайскими товарами в 1722 г. давала 200.000 рублей. а весь доход государства простирался до 7.830.000 рублей (Записка Кампредона, Сборник Имп. Русск. Ист. Общ., XI, с.с. 427—464, XLIX, с.с. 397—414). Китайский торг по отношению к остальным азиатским рынкам был по своим оборотам в XVIII ст первенствующим, по отношению же вообще к об'ему мировой внешней торговли России он занимал по сбору пошлин важное место, что видно из следующего сопоставления:

Было всего в сборе пошлин при всех российских портах, пограничных таможнях и в заставах с отпуска и привоза:		*Было всего в сборе пошлин в Кяхте:*	
В 1762 г.	2.881 т. р.	В 1761 г.	231 т. р.
» 1770 г.	3 191 » »	» 1770 г.	495 » »
» 1780 г.	4.079 » »	» 1780 г.	546 » »

Архив Деп. Там. Сборов (Петроград), Каталог делам Деп. внешн. торговли, 1877 г., д. № 4287, св. 367 (см. Каталог 1888 г., с. 63, № 2), с. с. 10—16.

4) Моск. Арх. Мин Юстиции, Сибирский Приказ, разные столбцы и дела. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос с Кит., разные дела. Г. Миллер, «Сибирские торги», Ежем. сочинения к пользе и увеселению служащие, 1755 г, 1756 г. М Чулков, «Историческое описание росс коммерции...», Москва, 1781—1788 г., т. III, кн. II. Н. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел между Россией и Кит. госуд. с 1619 по 1792 г.», Казань, 1882 г., приложение Л, ст. 393 и сл.,—Рассуждение о посольстве в Китай, сочиненное коллежским советником и профессором Миллером,—

пункт 3, о купеческих делах (там же, ст. 402—414). А. М. Самойлов, «Истор. и статист. исслед. о кяхт. торговле», Сборник статист. свед. о России, кн. II, отд II, П., 1854 г., с. с. 1—38. («Труды Импер. Русск Геогр. Общ.»). А. Корсак, «Историко-статист. обозрение торг. сношен. России с Китаем», Казань, 1857 г.

5) Соответствующих цифровых данных XVII—XVIII в.в. со стороны «Великой и Чистой Империи» об относительном участии разных государств в торговле с Китаем не было в нашем распоряжении. А. Бэр в 1860 г., сравнивая эту торговлю, охарактеризовал ее в следующих словах: «Торговля европейцев с Китаем в начале текущего столетия,—т. е. XIX,— была маловажна. Португальцы отправляли туда каждый год по несколько кораблей, но большая часть товаров принадлежала купцам в Бенгалии, посылавшим в Макао товары под португальским флагом. Менее значительны были сношения Испании и Франции с Срединной Империей; флаг первой из этих держав появлялся здесь и там на некоторых суднах, ходивших из Манильи в Амой. Английская торговля вся находилась в руках Ост-Индской компании и была незначительна. Североамериканцы, напротив, проявили бойкую деятельность, стараясь отбить первенство у своих единоплеменников. Попытки России приобресть доступ в Китай со стороны моря не имели успеха; вышел строгий указ, запрещавший торг с русскими, так как им и без того разрешены сношения через Кяхту» («История всемирной торговли», Москва, 1876 г., ч. III, с. 311).

Если для XVII и XVIII ст. ст. мы не можем пользоваться цифрами для определения относительного участия европейских держав в торговле с Китаем, то и в отношении цифр о торговле XIX ст. дело обстоит не лучше, потому что статистика отдельных держав не всегда верна. Э. и О. Реклю («Срединная Империя», П., 1912 г., с. 166) говорят, что «действительно, размеры товарообмена Британской Империи с Китаем обыкновенно сильно преувеличиваются в английских официальных документах... Лионская миссия сделала разбор их и констатировала, что приписываемое Англии огромное превосходство в этом отношении основывается отчасти на простой игре цифрами». Между тем, В. Ламанский был убежден, что «...будущность всей не-русской Азии есть едва ли не будущая история европейского (преимущественно англо-саксонского) и русского в ней владычества и влияния» (В. И. Ламанский, «Три мира Азийско-Европейского материка», 1892 г., с. 16; или же Г. Князев, «Славянский «Восточный» Вопрос», Журн. Мин. Нар. Просв., 1916 г., № 12, с. 59).

Европейским кораблям был открыт Китаем до XIX ст. только один морской порт - Кантон. Согласно «Сравнению торговли, производимой в Кантоне и Кяхте», 1837 года (см.: «Журн. Мануфактур и Торговли» за этот год, ч. I, отд. IV), товары в Кантоне были обыкновенно дороже, чем в Кяхте, на 15—20%. Тем не менее, в XIX ст. положение русской торговли ухудшилось, потому что Китай стал пред'являть усиленный спрос на материи, которыми Россия не могла снабжать Китай в достаточном количестве и по сходным ценам. Поэтому вполне правильно замечание К. Скальковского («Русская торговля в Тихом Океане», П., 1882 г., с. с. 151—152), что «наиболее самостоятельности выпало на ее (России) долю, пока она обменивала мягкую рухлядь, т. е. местное сибирское произведение, на китайские товары. Тогда она представляла дело, которому не угрожала конкуренция европейской морской торговли». К тому же, со второй половины XVIII ст. иностранцы стали скупать и промышлять меха в Америке и на Камчатке, сбывая их китайцам. В 1790 годах, по словам Фрибе (Friebe, «Ueber Russland Handel...» von V. E. Friebe, St.-Petersburg, 1796—1798, Band III, S. 212), через Кяхту еще шло транзитом много английских и голландских тонких полотен, но, со времени организации англичанами своего собственного ввоза через Кантон, и эта статья торговли пала в Кяхте. Вообще в то время собственно русские продукты и фабричные изделия стояли в Кяхте в значительной цене.

Этот переход торговли в руки англичан, впрочем, своевременно был подмечен русскими. Китайцы сами, стремясь понизить русские цены, говорили нарочно, что иностранцы навозят в Китай много товаров. В 1794 г.

иркутский губернатор доносил, что в Кантон пришло 10 европейских кораблей «и, как надо думать, англичан», что они были в Пекине, поднесли подарки и получили разрешение продолжать торговлю и вывозить ежегодно 7.500 пудов ревеня. Эти корабли привезли разные немецкие пушные товары. Президент Коммерц-Коллегии уже в 1798 г. указывал, что «Лондон, Амстердам, Копенгаген и Готенбург ежегодно многие миллионы *наличных денег* посылают в Китай для покупки чая и разных тамошних товаров, находя в торговле сей большую выгоду, несмотря даже и на то, что значительное количество вывозимых из Китая товаров расходится в собственных их землях». В этом 1798 г. вице-президент Адмиралтейств - Коллегии высказывал опасение, «чтобы и кяхтинская торговля не перешла в английские руки, ибо и там уже они учреждают свои конторы, ибо неутвержденное еще разграничение Российской Америки с Английской, частое посещение англичанами приобретенных в Америке нашими мореплавателями портов, неудобность продажи пушных товаров, вымененных на наших же островах и американских портах,— в Кантоне, по жаркости климата, — заставило их искать средств обратиться к отрасли торговой или через Кяхту, или через северные порты Китая, в ту часть сего государства, где климат более заставляет иметь нужды в сих товарах». Поэтому вице-президент предлагал завести мореходные русские компании. (Архив Госуд. Совета, «Протоколы...», т. I, ч. II, с. с. 658—659, т. II с. 730).

Торговля Англии, благодаря ее многочисленному коммерческому флоту, действительно, сильно развивалась в Срединной Империи. В 1795 г. она закупала в Китае чая до 14.000.000 фунтов в год. На Кяхте же русскими было выменено в 1792 г. — 18.413 пудов и в 1797 г. — 34.321 пуд байхового и кирпичного чая. Европейские купцы в Кантоне в XVIII ст., как говорит Э. Паркер, были крайне стеснены в своих правах, и в торговле всецело зависели от китайских компаний. Только в 1842 г. (т. е. после вооруженного вторжения англичан и захвата Гонконга) Китай открыл десять новых портов для европейской торговли (Э. Паркер, «Китай, его история, политика и торговля...», П., 1903 г., пер. М. Грулева, с.с. 236—237. А. Корсак, «Ист.-статист. обозрение торг. снош. Рос. с Китаем», Казань, 1857 г., с. с. 110—111).

6) Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 97.

7) Б. Курц. «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царств. Алекс. Мих.», Киев, 1915 г., с. 206, прим.

8) М. Чулков, «Историч. опис. рос. коммерции...», Москва, 1788 г., т. VII, с. 329.

9) Полное Собр. Зак., 17.889. В 1792 г. было приказано построить только один Бухтарминский редут близ устья р. Бухтармы, а постройки редутов при устье малой Нарымки и устье р. Черемшанки, во избежание осложнений с Китаем, отложить до более благоприятного времени. Китайцы только вначале проявили неудовольствие по поводу освоения этих мест русскими, а потом оставили их в покое. Архив Госуд. Совета («Протоколы...», т. I, ч. II, с. с. 131 и след., 659—660).

10) Гагеймейстер, «Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему повелению», П., 1854 г., т. II, с. 638. А. Корсак, «Истор.-стат. обозрение торговых снош. Рос. с Китаем», Казань, 1857 г., с. 414 и след.

В 1789 г. было разрешено поселиться возле Семипалатинской крепости 4 бухарцам, а возле Усть-Каменогорской—10 ташкентцам. Ташкентцы получили позволение жить особой слободой, иметь мечеть, так как они хотели торговать с киргиз-кайсаками, и они уже завязали небольшие торговые сношения с китайцами. Арх. Гос. Совета («Протоколы...», т. I, ч. II, с.с. 263, 264).

11) «Восточная Сибирь». Записка о командировке на остров Сахалин кап.-лейтенанта Подушкина», сообщ. В. Н. Баснин, Чтен. в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1875 г., кн. II, Смесь V, с. 136.

12) Там же, с. 137. А. Корсак, «Истор.-стат. обозр. торг. сношений России с Китаем», с.с. 54—55.

ГЛАВА V

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДОВ, ОБИТАЮЩИХ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ И СРЕДИННОЙ ИМПЕРИЯМИ

Характер русско-китайских взаимоотношений не может быть полностью выяснен вне рассмотрения того положения, в каком находились народы, независимые от Срединной и Российской Империй и обитавшие на территориях, лежавших между этими империями.

Из предыдущего было видно, как расширялась в Азии Россия в своих государственных границах. Китайская Империя проявляла такую же завоевательную тенденцию, направленную к наибольшему увеличению территории и населения. Это, несомненно, и должно было отразиться на судьбах народов, оказавшихся зажатыми между границ обеих могущественных империй.

В правление манчжурской династии, в течение XVII и XVIII ст., границы собственно Китая расширились от Великой Стены на север, запад и юг. Самим фактом вступления манчжуров в 1644 г. на китайский престол Манчжурия была присоединена к Срединному Царству, после чего наступила очередь монголов и калмыков.

Монголия в XVII в. по своему политическому положению разделялась на две половины: восточная и южная ее часть, прилегавшая к Великой Стене, называлась Чахар; северная же и западная Монголия, простиравшаяся от реки Халхи вдоль русской границы по рекам Керулену, Онону, Толе и Орхону до вершин Селенги,—называлась Халха. Чахар-Монголия скоро подчинилась «Великой и Чистой Империи», но Халха-Монголия упорно защищала независимость, пользуясь соседством России.

Халха распадалась на несколько самостоятельных ханств, каждое—со своими второстепенными удельными владениями, так называемыми, «тайшами». К западу от Халхи лежала Джунгария (Чжунгария, Цюнгария, Зенгория), во главе которой в XVII ст. стоял воинственный хан Галдан-Бушухту, простиравший свои виды, как и Центральная Империя, на покорение Халхи и Тибета. Таким образом, Халха находилась среди нескольких претендентов: Китая, Джунгарии и отчасти—России. Монгольские ханы, в стремлении сохранить самостоятельность,

пытались использовать эту ситуацию, принимая сторону то той то другой из указанных стран.

Осуществляя завоевательные планы, джунгарский хан Галдан-Бушухту напал на Халху и часть его занял.

Халхасские ханы с подвластными им тайшами обратились за помощью к России, а именно—к послу Головину (1689 год), и восемь тайш даже присягнули «на вечное подданство» русскому царю (1). Но в ту пору в Халхе уже значительно окрепло влияние буддийско-ламаитского духовенства и его олицетворителя главы лам. Он еще раньше был возведен тибетским Далай-Ламой в звание Хутухты, т.-е. бессмертного духовного главы монгольских лам, и основал монастырь там, где позднее возникла Урга (по-китайски Иехе-хуре). Срединная Империя рядом обычных в таких случаях приемов, до подарков включительно, подчинила Хутухту своему влиянию, и в 1694 г. Избрант Идес даже слыхал в Пекине, что китайцы хотят построить Хутухте город подле вершины реки Аргуни. Когда упомянутые тайши перешли в русское подданство, сторонники китайского владычества во влаве с Хутухтой, «которого по их вере и китайский хан принимает себе за главу» (2), склонили монголов спастись в Срединное Царство и таким образом уйти из-под влияния России. Действительно, шесть тайшей из числа принявших русскую присягу, уже после от'езда Головина, отягченные поборами русских властей, перешли к китайцам, оставив часть своих соотечественников в русском подданстве.

Когда джунгарский хан Галдан-Бушухту в качестве победителя стоял в Халхе, он грозил с помощью русских окончательно покорить своей власти монголов; угрожая, он даже заявлял, что русские посылают ему оружие и войско. Пекинский двор просил через бывшего тогда в Пекине русского посланника, чтобы Россия не вступала в союз с Галданом. Монголы же в это время, значительно содействуя китайцам, осаждали Селенгинск в течение 13 недель, и сам Головин отбивал их приступы и выдержал с ними несколько битв. Головин был дезориентирован: с одной стороны, монголы присягают русским, с другой—они являются союзниками китайцев. Если бы Головин поддержал Галдана-Бушухту против монголов, этим самым он словно отказался бы от покровительственной позиции по отношению к монголам; а, с другой стороны, Головин не был и в состоянии оказать помощь войсками Галдану, так как у самого Головина не было достаточных сил, и китайские войска даже превосходили русские своею численностью (3). Нельзя при этом упускать из виду и того, что сами монголы еще в XIII—XIV ст. владели Китаем, обогатив за этот период китайскую государственность привнесением многих новых данных, возвысивших Внутреннюю Землю, развивших ее торговлю, промышленность и просвещение; затем те же монголы сами были в составе обширной империи—единой с китайцами,—и, таким образом, между Срединной Империей и Монголией издавна уже существовали более или менее прочные связи. Протекторат же Рос-

сии ничего особенно определенно не обещал. Потому естественно, что монгольские владетели склонялись на сторону более известного им, по своим связям, Китая. Также следует принять во внимание, что южная часть Монголии была уже под властью китайцев, а северная—Халха—представляла слабое политическое целое с разнообразными, несогласованными стремлениями ее многочисленных удельных владетелей, и поэтому юг мог воздействовать на север в согласии с политикой Китая.

Между тем, Китай в 1680-х годах являл собою для азиатских народов такую империю, которая в этот период усиленно продолжала свою завоевательную политику, свойственную государствам недавнего оформления. Китайская Империя в этот период находилась на севере и северо-востоке в неприязненных отношениях как к России, так и, особенно, к Джунгарии, видя в них конкурентов своего империализма в северо-восточной и центральной Азии.

По отношению к России Срединная Империя еще в 1685 г. и позднее выставила против острога Албазина многочисленную, хорошо вооруженную армию. В 1686 г. служитель иезуита Вербиеста говорил в Пекине Венюкову и Фаворову, что городу Албазину в российской сторсне отнюдь не быть, что инженеров в Китае нет, но пушки и гранаты вылиты иезуитом Вербиестом с помощью двух русских людей. Хотя сам богдыхан имел мало своих войск, но, вооружая монголов Халхи против русских, он опирался на реальную военную силу, и потому Срединная Империя была в состоянии при заключении Нерчинского договора проявить больше твердости и настойчивости, чем их мог проявить Головин, и только война Китая с Джунгарией, ослабив позицию Китая, соответственно укрепила позицию российского правительства. Не имея в настоящее время достаточных архивных данных, мы не можем утверждать решительно, но можем с большой вероятностью предполагать, что именно Галдан-Бушухту своим победоносным вторжением в Халху помог России в составлении первого русско-китайского договора 1689 года. При его заключении китайцы были недовольны, что Головин отказывался заключить договор о монгольской к Селенгинску земле, не имея, будто, на это государева указа, как они потом жаловались Идесу (1694 г.), но, именно стесненные в 1689 г. Галданом, они должны были согласиться с доводами Головина.

Что же касается Халхи, то с запада на нее нажимал воинственный Галдан, а с востока—Китай, которому удалось, как сказано выше, склонить на свою сторону духовного главу Халхи и даже использовать военные силы монголов в интересах расширения своего империализма. Разумеется, что самостоятельность раздробленной Халхи была ею вскоре утрачена в пользу Китая: помирившись в 1689 г. с Россией, Срединная Империя обратила все свои и монгольские военные силы против Галдана, отбросила его в 1696 г. в Джунгарию и тем самым овладела северной Монголией, т.-е. Халхой; усилением значения мелких владете-

лей—тайшей Китай еще более ослабил политическое значение Монголии, что облегчило еще в большей мере подчинение ее военному управлению Центральной Империи.

Россия же, вследствие Нерчинского договора, отказала Галдану в помощи, о чем сообщила тогда же Китаю. Отказу, несомненно, способствовали и отсутствие достаточных военных сил у России и ее желание использовать мирные отношения для развития торговли с китайцами.

К XVIII ст. таким образом, Монголия, как и раньше Манчжурия, вошла в качестве «внешней территории» в состав Срединной Империи.

Следующей была очередь Джунгарии.

Джунгары принадлежали к калмыцким или, иначе говоря элэтским (олотским, ойратским) племенам, к которым принадлежали, кроме джунгар, торгоуты, хошоты и дурботы.

Элэты-торгоуты в 1628 г. отделились от других племен и перекочевали на верховья рек Тобола и Яика, а в 1643 г.—на Волгу, где у них был знаменитый хан Аюка. Элэты же джунгары возвысились у себя на родине над другими родственными элэтскими племенами и покорили их. Предводители джунгар, с благословения тибетского Далай-Ламы, назывались «контайшами», т.-е. великими князьями; расширяя кочевья, джунгары покорили алтайских инородцев, барабинских татар, подступали к Таре и Красноярску, воевали с монголами, киргизскими ордами, среднеазиатскими ханствами и вмешивались в смуты Тибета. Знаменитый джунгарский хан Галдан-Бушухту в 1678 г. подчинил Кашгар и притяньшанские города и в 1686 г. опустошил Халху и нападал вообще на монголов, открыто делая вызов Срединной Империи.

Джунгария этого времени была одним из сильных государств Центральной Азии. Однако, выступая претендентом на дальнейшее расширение своей территории, Галдан-Бушухту все-таки был склонен, как и прежде (при Головине), заручиться помощью могущественной России. Поэтому, когда после Нерчинского договора к нему приехал (1691—1693 г.) тобольский сын боярский Матвей Юдин с запросом, действительно ли присягнувшие Головину халхские тайши состоят у него в подданстве, Галдан Бушухту, прекрасно учитывая обстоятельства, уклончиво ответил, что монголы и ему, и России — враги, халхские земли у него во владении, и он готов радеть государю Албазином, который искони принадлежал монголам, а не китайцам (4).

Тем временем Китай готовился к войне, и когда в 1694 г. Идес был в Пекине, с ним обошлись сдержанно и отпустили ни с чем, ибо китайцы были заняты приготовлением к походу на Джунгарию. В 1696 г. они нанесли сильное поражение Гал-

дану-Бушухте на р. Толе, результатом чего явилось очищение Халхи от джунгар, но этим Джунгария не была сокрушена. Убитого заговорщиками Галдан-Бушухту сменил его племянник Цеван-Раптан. Как и дядя, этот контайша смело бросил вызов Китаю на его предложение подчиниться, угрожая освободить от китайской власти Халху, Тибет и Хухунор (Куку-нор), то-есть желая сам расшириться за счет владений Срединной Империи.

Но и сам Китай не считал войну с Джунгарией оконченной: он лишь стал выжидать случая, чтобы нанести решительный удар Джунгарии и окончательно сломить господство джунгар, разгромив их на собственной территории, т.-е. в самой Джунгарии. Однако, это нелегко было сделать в виду нахождения Джунгарии на далекой западной границе Китайской Империи, причем в тылу Джунгария имела бы, на случай войны с китайцами, несомненно, сочувственно относящихся к ней русских и, очевидно, некоторые восточные народы. Поэтому Китай должен был раньше найти себе союзников в тылу джунгар и лишь после этого начать с ними трудную последнюю борьбу. Но только в 1710 г. пекинскому правительству, которое тщательно следило за политическими событиями в Средней Азии, казалось, что настал удобный момент найти означенных союзников в тылу Джунгарии вследствие следующей создавшейся политической ситуации среди торгоутских народностей.

Один из торгоутских князей—Арабджур, кочевавший с Аюкой-ханом при Волге, поехал с 500 поданными поклониться Далай-Ламе. Сын же Аюки (Синдзиджаб), женатый на дочери Цевана-Раптана, поссорился с отцом и с 15.000 кибиток откочевал в 1701 г. на прежнюю родину, к Цевану-Раптану, где и был убит (5). Поэтому волжский хан Аюка поссорился с Цеваном-Раптаном, и сношения между обоими родственными племенами нарушились. Это также было причиной того, что вышеупомянутый торгоутский князь Арабджур, приехавший после поклонения Далай-Ламе из Тибета в Китай, не мог вернуться через Джунгарию на Волгу, и богдыхан, одарив, удержал его со всеми остальными торгоутами у себя в Китае. Однако, Аюка не был склонен лишиться своих подданных, и в 1710 г., с разрешения русского правительства, в Пекин прибыло посольство Аюки с просьбой отпустить торгоутского князя с его людьми на Волгу. Китайцы ответили, что они, дескать, сами уже готовились их отправить, и, воспользовавшись случаем, отправили к Аюке посольство с официальным заданием переговорить, каким путем (именно через Россию) лучше переправить торгоутов.

Есть, однако, веские основания полагать, что секретной целью этого посольства было привлечь на сторону китайского правительства волжских торгоутов и подготовить почву для нападения их на Джунгарию, использовав вражду, существовавшую между Аюкой и Цеваном-Раптаном. Именно, комиссар русского казенного каравана, Худяков (бывший в Пекине в 1712 г.), узнал, по слухам, что Китай, посредством этого по-

сольства, имеет тайное намерение подчинить себе Джунгарию, побудив Аюка напасть на нее с запада, при одновременном нападении китайских войск с востока. Худяков донес об этом сибирскому губернатору, указывая, что от нападения на Джунгарию будет в Сибири великая обида, что джунгарский контайша для китайского торга всегда нужен России, и если Китай завладеет Джунгарией, то от Китая будет очень тяжело России, а без помощи Аюки Китай не сможет воевать с контайшей. Русское правительство приняло меры предосторожности и преподало в этом направлении наставления Аюке-хану, в результате чего последовало заявление Аюки китайским послам, прибывшим на Волгу в 1714 г., что он без приказа русского царя, как его подданный, не может ни с кем воевать; что же касается переселения торгоутов, застрявших в Китае, то, если государь разрешит им возвратиться через русские владения, он, Аюка, сообщит об этом богдыхану.

Таким образом, Китаю все-таки не удалось найти союзников в борьбе с Джунгарией.

Начав войну с Джунгарией, Срединная Империя долго не имела успеха. Один из джунгарских тайшей даже ворвался в Тибет, занял Лхассу и провозгласил Далай-Ламой духовного главу Хухунора. Кан-Си должен был предпринять военную операцию, чтобы изгнать джунгар из Тибета. К тому же, джунгары оттеснили от озера Ямыша бригадира Бухгольца, стремившегося, по приказу Петра I, овладеть несуществующими яркентскими золотыми приисками, а затем (1720 г.) джунгары разбили и ген. Лихарева на Черном Иртыше (Кара-Ирцис), не допуская русских закрепиться на джунгарских землях. Не желая вооружать против себя джунгар, русское правительство после этого приказало сибирским властям строить крепости за Тарой, не далее озера Ямыша, оставив Джунгарию в покое; распространился было даже слух, что Петр I сговорился с Цеваном-Раптаном об установлении торговли с Тибетом. Кан-Си был сильно встревожен этим и разорвал в 1722 г. сношения с Россией, выслав Ланга из Пекина и выгнав всех русских купцов из Монголии. Объективная обстановка, впрочем, не угрожала войной. Россия не имела намерения воевать с Китаем, тем более, что Петр I, благодаря завоеваниям при Каспийском море, овладел персидскими рынками, приблизившись этим самым и к рынкам индийским. Кан-Си же в 1722 г. умер, семидесяти лет от роду, а его преемник, Юн-Чжен, опасаясь соперничества братьев, воздержался от войны с Россией и Джунгарией.

В 1727 г. Цеван-Раптан, имевший местопребывание на р. Или, был убит ламами, а сын его, Галдан-Церен, став контайшей, продолжал теснить монголов, подданных Китая, и отправил посольство в Россию. Это побудило Китай возобновить борьбу с Джунгарией. Точно так же, как и при Кан-Си, правительство Юн-Чжена решило воспользоваться силами волжских торгоутов и потому отправило в 1730 г. в Россию первое

китайское посольство с официальным поручением принести поздравления новому императору Петру II. Но посольству пришлось говорить уже с правительством импер. Анны. На совещании китайские послы заявили, что богдыхан хочет воевать с Джунгарией, и, когда завладеет ею, то, по соглашению с Россией, произведет ее раздел. На это послам был дан ответ, что Россия не нуждается в новых земельных приобретениях; однако, если дело дойдет до раздела, то Россия, во избежание нареканий, примет участие в нем. Другие ответы России были столь же осторожны и уклончивы. На просьбу же послов пропустить их к волжским торгоутам пропуск был им разрешен, но при этом им поставили на вид, что волжские торгоуты состоят подданными России, ничего не могут предпринять без воли императрицы, и что самые сношения с ними, как с русскими подданными, должны происходить впредь только через Российский Сенат; теперь же, пропуская послов на Волгу, это делается в виде исключения, лишь в знак уважения к богдыхану. Когда послы в 1731 году прибыли к торгоутам, Аюки уже не было, так как он умер еще в 1722 г.

Наследовавший после Аюки ханство его сын Церен-Дондук, желая упрочить свою власть, выразил склонность подчиниться богдыхану, признавшему его торгоутским ханом. Интересен лист, который богдыхан послал хану. В нем говорится, что торгоутский хан Арабджур со своими подданными был милостиво принят богдыханом и награжден жалованием; богдыхан «потом от зенгорцев в добычу полученных торгоутов и бывших в разных местах воедино совокупил и, учиня причастными своей милости, питал же. И хотя Аюки и не стало, однако, мы, по склонности нашей к доброжелательному нам народу, прежней милости нашей не отменяем». Разумеется, торгоутский хан между этими строками мог только прочитать призыв богдыхана переселиться к нему с Волги. Китайцы имели основания быть недовольными, что подполковник Беклемишев присутствует на свиданиях их с торгоутами (волжскими калмыками), и один из китайцев даже сгоряча упрекнул за это Беклемишева, указав, что русское правительство не доверяет и боится, чтобы торгоуты не перекочевали в Китай. Впрочем, китайцы, кроме официальных сношений, имели тайные сношения с торгоутами и могли с ними сговориться по всем секретным вопросам, о чем сам Беклемишев доносил в Петербург. Официально же Церен-Дондук выражал полную лояльность по отношению к России. Так, на призыв Китая выдавать бежавших к нему джунгар он ответил, что без указа государя он этого делать не может. Церен-Дондук был признан ханом и со стороны самой России, и когда в 1733 г. прибыло новое китайское посольство для поздравления с восшествием на престол имп. Анны и просило пропустить его к калмыкам, посольству об'явили, что так как торгоуты находятся в подданстве России, то посольство к ним со стороны Китая неуместно. Имп. Анна приняла послов, но вопрос о Джунгарии остался открытым, потому что ее ослабле-

ние в пользу Китая вообще не входило в расчеты России и, в частности, могло повлечь переход в Срединную Империю волжских торгоутов. Через короткое время, вследствие выяснившейся неблагонадежности Церен-Дондука и обнаружения его сношений с Тибетом, он был вызван в Петербург, где и умер. Преемником его был назначен (1735 г.) внук Аюки, Дондук-Амбо.

Между тем, еще в 1730 году были слухи, что китайцы решили в три года разгромить Джунгарию и снарядить в поход 300.000 войск. Независимо от упомянутых выше посольств, китайское правительство листом от 1732 года, отправленным в Петербург с курьером Соловьевым, бывшим в этом году в Пекине, тщетно просило, чтобы Россия приказала торгоутам на Волге, как русским подданным, напасть на Джунгарию. Джунгарский же контайша Галдан-Церен несколько раз наносил китайским армиям сильные поражения. От джунгаро-китайских войн страдали монголы, и поэтому продолжались беспрестанные перебежки монголов в пределы России, где монголы искали спасения от притеснений Джунгарии и Китая.

В 1735 году Юн-Чжен, при посредничестве Далай-Ламы, т.-е. Тибета, заключил мир с контайшей Джунгарии.

Сохранение Джунгарией своей самостоятельности было, несомненно, результатом политики России, не допустившей волжских торгоутов напасть на Джунгарию.

В том же 1735 году богдыхан Юн-Чжен умер, но и при его преемнике Цянь-Луне (1736—1796 г.г.) отношения Китая с Джунгарией продолжали оставаться напряженными.

В период правления контайши Галдан-Церена Джунгария была грозой Центральной Азии. Контайша Джунгарии имел под своей властью Туркестан, теснил киргизов, татар и беспошлинно торговал в сибирских городах. После смерти Галдан-Церена (в 1745 г.) в его семье, между наследниками, начались раздоры и в стране—быстрая смена контайшей. В 1754 г. один из джунгарских тайш, вместе с Амурсаном, на почве политических раздоров и соперничества из-за власти, перешел со своими подданными на сторону Китая, заявив китайскому правительству, что джунгары хотят подданства Срединной Империи. Пользуясь этим, богдыхан в 1755 году отправил китайское и монгольское войско против Джунгарии. Амурсан даже взялся помогать этой экспедиции, но затем переменил фронт, напал на китайские войска, разбил их на р. Или и завладел Джунгарией, намереваясь сделаться ее верховным главой. Намерение Амурсана не осуществилось: спасаясь от китайской армии, посланной наказать его за измену, Амурсан в 1756 г. бежал к средней киргизкайсацкой орде, а потом—в Тобольск, где вскоре и умер от оспы (6). Часть других джунгар, преследуемая войсками Империи, была загнана в пределы России, перешла в русское подданство и, в количестве до 7.000, поселилась в Алтайской области, вблизи Колывани, Кузнецка и Красноярска. Вместе с Амурсаном бежал Шерен с братом,

которые и переселились с другими торгоутами к волжским торгоутам (7).

Так, вследствие внутреннего разложения, погибло (1756—1758 г.г.) сильное Джунгарское ханство, которого китайцы не могли сломить в течение почти столетия.

Теперь Срединная Империя владела Манчжурией, Монголией, Джунгарией и Тибетом. Удовлетворенности китайским владычеством и спокойствия в этих странах, правда, не было, в особенности—в Монголии, откуда, спасаясь от притеснений китайцев, монголы часто перебегали в Россию. В 1757 году даже вся Халха, во главе с Хутухтой, раздраженная поборами и жестокостью китайских властей, помышляла одно время перейти в русское подданство.

Происходившие в Монголии волнения имели большое влияние на жизнь смежных с нею русских областей, почему необходимо подробнее остановиться на монгольских событиях этого столетия.

Как указано в начале настоящей главы, в XVIII веке северная Монголия, так же, как и южная, находилась под властью и влиянием Срединной Империи. Однако, пользуясь близостью русских границ, бесконечных по протяжению и совершенно поэтому не охраняемых какой-нибудь стражей, да к тому же неточных и не с полной определенностью установленных,—монголы беспрестанно и свободно перекочевывали из своей страны на русские земли, спасаясь этим от всяких неприятностей китайского протектората.

Кяхтинский договор 1727 года (пункт 2-й) поставил в крайне стесненное положение монголов, которые, в силу договора, уже не могли, избегая притеснений китайцев или не желая подчиняться каким-либо невыгодным распоряжениям китайских властей, скрываться в русские области. Поэтому монголы должны были или открыто об'явить себя врагами Китая, или же подчиниться.

Однако, монголы, вследствие своей общественной раздробленности, предопределяемой родовым хозяйственным строем, и происходящей от этого внутренней политической слабости, не остановились ни на том, ни на другом решении; накапливая недовольство, они проявляли его в частных случаях, укрываясь, при угрозах гибели, в русские земли. Исполняя договор, русские власти высылали их назад по мере необходимости и возможности, причем, как уже указывалось, Россия весьма тяготилась этим договорным обязательством.

Монголы платили дань Срединной Империи, главным образом, скотом, но, вследствие войны с Джунгарией, Империя обложила монголов и другими тяжелыми поборами, и, наконец, даже было решено послать их всех с семействами воевать в

Джунгарию и заселять ее. Это распоряжение вызвало особенно крупную переселенческую волну: на реку Онон в Россию переехало 2.095 монгольских юрт с 2.368 мужчинами военного возраста и с громадным количеством скота (верблюдов 5.210, лошадей 68.465, рогатого скота 14.962, баранов 131.610) (8). В силу договора Россия должна была их выдать и часть выдала (до 1736 г.), а остальных принудила откочевать в Китай. Китайцы проявили над возвращенными всю силу власти, и это заставило монголов склониться перед могуществом Пекина. Тем не менее, мы видим, что и в следующие годы совершались незначительные перебежки монголов из Китая в Россию и обратно.

Между тем, Монголия при условии внутреннего об'единения, представляла бы, несомненно, грозную силу для манчжурских завоевателей.

В 1731 году Савва Владиславич-Рагузинский собрал следующие сведения о военных силах северной Монголии (т.-е. Халхи):

Около Нерчинска, реки Курулюн (Кэрулен) и др. кочевал Цыцын-хан, который был в состоянии поставить 10.000 конницы.

Около Селенгинска кочевал Тушету-хан, имевший 30.000 конницы.

Около границ дистрикта Иркутска Саин-хан вместе с Нарги-Ваном (Очир-Ваном), отцом хутухтиным, кочевал с 25.000 конницы.

Около Красноярска кочевал Бубебели с 5.000 конницы.

Около Кузнецка кочевал Цырен-хан, имевший тоже 5.000 вооруженных всадников.

Таким образом, монголы, жившие только при русской границе, могли выставить 75.000 конницы, а вместе с даурами (татарами), которые жили вблизи Нерчинска и по Амуру (в XVII ст. дауры помогали манчжурам овладеть Пекином и считались наилучшими воинами), они в течение двух месяцев могли сообща легко собрать конное войско в 100.000 человек. Однако, в поле такое войско было бы в состоянии продержаться не более трех месяцев, потому что каждый из них должен был сам содержать себя привезенными из дому продуктами. Монголы были хорошими стрелками из лука и имели небольшое количество фитильных ружей с подпорками для стрельбы, но, по словам Владиславича, «дондеже монголец свою винтовку зарядит, могут солдаты трижды выстрелить».

В половине XVIII столетия монгольский вопрос сильно обострился. Монголия была накануне восстания, потому что тогда же окончательно решалась судьба Джунгарии, и если бы Джунгария была раздавлена Китаем, Монголии пришлось бы надолго оставить мечты о возвращении своей самостоятельности. Тогда и возникает среди монголов мысль передаться на сторону России.

Коллегия Иностранных Дел в 1753 г. на запрос Сената— принимать ли монголов, ответила, что, если следовать договору, Россия должна выдавать перебежчиков. Сенат в 1755 г.

запросил мнение об этом же у селенгинского бригадира Якобия, который непосредственно ведал тогда пограничными делами и лучше всех знал положение вещей. Якобий ответил, что проявляют желание перейти в русское подданство не главные монгольские начальники, а рядовые монголы; от принятия же монголов может прекратиться торговля с китайцами, «от которой немалой интересу ее имп. в-ства прибыток и людей полезность»; китайцы могут обвинять Россию и «в досадительных и крайне обидных терминах укорять наглым нарушением трактата и мира»; Китай «знает не только здешнее малолюдство военных людей, но ведает, чрез бывших в Российской стороне своих послов и то, что отсюда (от Селенгинска) до самого Тобольска имеется малолюдство, и почитает оное расстояние пустым местом; к тому же Китайская сторона, по близости места, может употребить сюды к границам своего войска чрез недолгое время немалое число».

Окончательное мнение Якобия было таково, что при наличных условиях принимать монголов не следовало, а что можно делать это лишь тогда, когда будут усилены сибирские военные силы, «для особливого защищения или распространения границ».

Тем временем в Монголии развивались решительные события.

Монголы оказывали всяческое пассивное сопротивление манчжурам в их войне с Джунгарией, тяготясь ее ведением. Брат Хутухты своевольно ушел с театра военных действий, за что богдыхан его казнил. Это весьма раздражило монголов, увидевших в этом проявление стремления Китая распоряжаться ими, как бессловесными подданными. Наконец, в 1756 г., у Хутухты и некоторых монгольских владетелей выявилась мысль отдаться под протекторат России. Агитируя за этот шаг, сторонники его говорили, что в их священных писаниях даже предопределено, что они будут под властью «Белого государя».

Однако, сторонники российского протектората действовали крайне нерешительно и неединодушно.

Манчжурская же династия, видя, какую опасность представляет для нее перспектива монгольского восстания, проявила большую энергию, настойчивость и жестокость, чтобы не допустить до этого. Агенты Срединной Империи и их ставленники, как убежденные, так и подкупленные обещаниями и деньгами, а также шпионы были рассеяны по всей Монголии; даже главный лама при Хутухте был на стороне Пекина.

Россией же велась в то время деятельная разведка о ходе событий в Монголии. По поручению Петербурга Якобий домогался через своих агентов и монгольских единомышленников, чтобы все монголы перешли под ведение России, вместе с Хутухтой, так как отдельных монгольских родов Россия не будет принимать, чтобы из-за таких мелочей не ссориться с Китаем. В 1757 г. ургинский правитель тайно сказал российскому разведчику: «Куда Хутухта, туда и мунгальцы; куда мунгальцы, туда и Хутухта», т. е. что вопрос о подданстве не мог быть решен без Хутухты. Поэтому Якобий и старался, чтобы Хутухта

и монгольские владетели письменно, с указанием условий, просили бы Россию о принятии их в подданство; опираясь на этот официальный акт, Якобий, согласно наказу Сената, обещал монголам защиту их русской вооруженной силой против Срединной Империи.

Первоначально было неизвестно, перейдут ли монголы в русские области или останутся на своих землях, приняв лишь русское подданство; но посредством разведок было выяснено, что монголы хотят остаться на своей родине; такое решение было более выгодно для России, как потому, что размещать всех монголов, как кочевой народ, в сибирских владениях было трудно, так и потому, что такая форма перехода вела с собою приобретение территории.

В случае возможной войны со Срединной Империей из-за Монголии, Россия рассчитывала одновременно и на разрешение Амурского вопроса, который заключался в том, что Россия домогалась у Китая разрешения плавать по Амуру, а Пекин не был склонен удовлетворить этих требований.

Совокупность этих условий создавала для России смысл вступить в споры с «Великой и Чистой Империей», с целью приобретения Монголии и Амура. Россией был выработан план укрепления Сибири и увеличенин ее военных сил (1759—1760 г.г.), достаточных, чтобы сразиться с китайскими армиями. Однако, все эти меры, благодаря длительности переписки и другим причинам, были проведены, когда события в Монголии резко изменились в пользу пекинского правительства.

В 1757 г. Китайская Империя нанесла решительный удар сторонникам перехода Монголии под протекторат России. Именно, Шадар-ван, один из монгольских владетелей, в течение года боровшийся с Китаем, был выдан китайским властям и казнен со всей родней, а Цыцын-хан, Тушету-хан, Батур-Белей были лишены всех чинов и должностей.

Русский гренадер Шарин, который был послан 7-го апреля 1757 года в Ургу для разведок о политическом состоянии, приводит следующую характерную подробность, свидетельствующую, как сдавленная в железных тисках манчжурской власти Монголия отзывалась на политику Китая.

В феврале 1757 г. джунгарское войско напало на китайскую Баркульскую крепость, разбило находившееся в ней китайское и манчжурское войско и вновь ушло к себе. Тогда богдыхан, согласно слухам, ходившим среди монголов, приказал отправить против джунгар манчжурского и китайского войска более 10.000, солонского (т.-е. тунгусского, кочевавшего по Амуру и Зее)—2.000, а монгольского—всего 700 человек. С монгольским войском в качестве одного из начальников должен был ехать старший сын Батур-Белея, но отец с сыном поспешно «уехал на Горячие Воды в вершину Иронскую, якобы для излечения своих болезней, а подлые (т.-е. простонародье) мунгальцы причину его от'езда на Горячие Воды, говорят, для того, де, он, Батур, с сыном уехал, чтобы оному сыну его при

войске не быть, а буде бы, де, ему на Горячие Воды не ехать, то, де, могут, признать нежелание быть при войске, ибо оный Батур-Белея сын здоров, а не болен».

Гренадеру Шарину его доброжелатели также сообщили, что Хутухта и главные владетели еще не окончили совещаний о переходе к России, и что скоро будет у Хутухты с'езд в Урге и тайный совет. Однако, Хутухта, окруженный шпионами, должен был от них все делать тайно.

В мае 1757 г. Якобий нарочно приехал в Кяхту—переговорить с одним монголом о принятии подданства; на его вопрос, сколько в ханствах людей, монгол ответил незнанием, но предполагал, что в четырех ханствах, решивших перейти к России, будет до 50 000 военных людей, а у Хутухты—10.000 юрт.

В декабре Якобий сообщил Сенату о секретном заявлении ургинского правителя, «что их мунгальское намерение к переходу в российское подданство не исполнилось за тем, что некоторые многие из главных ханов и ванов к тому согласию тогда не пристали, и многие из самых лучших знатных мунгальцев переказнены; к тому же ныне мунгальцы так утеснены, что им того намерения в действо произвесть ни коим образом не можно».

В феврале 1758 г. в Урге должен был состояться с'езд монгольских правителей для поклонения Хутухте, и Батур-Белей сообщал Якобию, что на этом с'езде секретно решится вопрос о принятии подданства. Однако, на с'езд не приехали хан Тушету, вследствие болезни, а хан Цыцын и другие главные ваны—из-за далекого расстояния. К тому же 24 января Хутухта умер, и, таким образом, план перехода окончательно рушился. Ламы при этом рассказывали, что Хутухта, на их просьбу еще некоторое время с ними пожить, ответил, что после казни богдыханом многих монголов ему невозможно жить в Урге, вследствие ее осквернения. Ургинский правитель (так наз., «пограничный»), инициатор принятия подданства («оному намерению зачинщик»), тоже умер в марте 1758 г., а в мае умер Тушету-хан...

Официально смерть всех деятелей перехода в российское подданство последовала от болезней...

После этого, как доносит российская агентура, «житье их, мунгал, совсем против прежнего стало худое и тяжкое».

Новый пограничный ургинский начальник издал строгое подтверждение о безусловном воспрещении переходов монголов всех семи халх даже между собой, а сам, окружив себя сильной стражей, ввел суровый фискальный режим в стране, а богатства Хутухты стал отправлять в Пекин.

Мы нарочно привели подробное изложение событий 1750-ых годов в Монголии, чтобы указать на сложность той обстановки, которая имела место в этой стране, и на трудности пограничных взаимоотношений.

Подобное же состояние наблюдалось и раньше—в 1680-ых годах, когда Срединная Империя только стремилась покорить

Монголию. Тогда несколько ханов перешло в русское подданство, но потом откочевало; тогда сам Хутухта способствовал признанию власти Срединной Империи и отказу от помощи со стороны России.

После смерти Хутухты, хотя некоторые монгольские роды и просили Россию принять их, позволив им перейти на российскую территорию, русские власти им отказывали во избежание осложнений из-за нарушения договоров, постоянно возникавших при переходах монголов в их кочевках на русские земли, а также и потому, что такие осложнения в глазах русских властей не возмещались никакими выгодами от пребывания монголов на русской территории.

Несомненно, что Россия в монгольском вопросе половины XVIII ст. действовала настолько робко и осторожно, насколько Китайская Империя,—опираясь на свои армии,—решительно и энергично, результатом чего было подавление ею к 1760-м годам Монголии и, в связи с этим, окончательный разгром Джунгарии.

Западный Китай, образовавшийся из завоеванных Срединной Империей (1758 г.) областей бывшего Джунгарского ханства, пользовался большим вниманием китайского правительства, которое стратегически укрепляло его, принимая все меры к удержанию за собою этих земель.

Главные китайские военные силы были расположены в центре прежней Джунгарии с городом Кульджа, в долине р. Или. Западный Китай был колонизован переселенцами из других китайских областей, в том числе и из Внутреннего Китая. В Притяньшани были возобновлены и вновь построены города, из которых самым значительным стал Урумчи — центр китайской торговли, где сосредоточились склады китайских купцов. Другим важным городом в Зап. Китае сделался Кашгар. В Тарбагатайской области китайцы построили город Чугучак, ставший центром управления этой области, простиравшейся до русских владений на Бухтарме и Алтае. Западный Китай управлялся китайцами из Кульджи; везде были поставлены китайские гарнизоны, назначены чиновники, и население было обложено данью.

Условия для русской торговли в этой области не отпали, и, вместо проводившейся исстари русской торговли с джунгарами (калмыками) и киргизами, Россия к концу XVIII столетия стала завязывать торговые сношения с Западным Китаем.

Покорив Джунгарию, Китайская Империя (теперь она по праву могла называться одним их своих поэтических названий «Цветущая Империя») в своем стремлении на запад встретилась с киргизами и поставила своей очередной задачей присоединения их земель к своим владениям.

Киргизы кочевали в Средней Азии, составляя союз и распадаясь на Малую, Среднюю и Большую Орду.

Теснимые Джунгарией, они в 1716 г. безуспешно просили защиты у России. В 1723 г. Джунгария покорила киргизов Западного Туркестана. Малая Орда киргизов, ограждая себя от дальнейших завоеваний джунгар, присягнула в 1731 г. на подданство императрице Анне и получила разрешение кочевать возле р. Яика, с условием «жить мирно, никого не грабить». В 1739 г. Большая Орда тоже приняла подданство России. Но Галдан-Церен, джунгарский контайша, продолжал теснить киргизов, не признавая их подданства России, Россия же не защищала киргизов силою оружия. Поэтому, когда Срединная Империя в 1758 г. окончательно сломила Джунгарию, киргизы отдались под покровительство богдыхана и заняли все джунгарские земли, опустевшие после китайского разгрома.

Русское правительство, в процессе продвижения на восток и закрепления там, еще в 1752 г. соединило Оренбургскую крепостную линию с Иртышской. Хотя в 1756 г. у русского правительства было стремление утвердиться в истоках Иртыша и занять озеро Нор-Зайсан, но китайцы уже осели около этого озера, и поэтому русское правительство в 1760 г. приказало продолжить Иртышскую линию только до Бухтармы, где потом было решено построить крепость.

Среди киргизских родов в то время усилился Аблай, которого в 1772 г. Средние киргизы, кочевавшие по Оби, Тоболу и Ишиму, и провозгласили ханом. Он распространил свое влияние на туркестанских ханов.

Хотя киргизы признали протекторат России, и сам Аблай получил в 1776 г. от Екатерины II грамоту на ханство, но одновременно они признавали и богдыхана, опасаясь его войск. Двойным подданством киргизские владетели рассчитывали вернее сохранить свою самостоятельность.

После смерти Аблая в 1781 г. Российская Империя признала ханом его сына Валли, а Срединная Империя – Хонходжу. Однако, оба хана, продолжая политику предшественников, сочли нужным, каждый в отдельности, заручиться покровительством и другого из сильных соседей: Валли просил Китай принять его под свою власть, Хонходжу просил о том же Россию. Русское правительство, привлекая киргизов и калмыков на свою сторону, позволяло им переселяться на российские земли—Алтай, Волгу, наказывало местным властям не угнетать кочевников и даже предоставлять им некоторые льготы. Но это же кочевое население доставляло и ряд неудобств для среднеазиатской торговли своими нападениями на караваны (9). Немало напряженности вносили в эти отношения и китайцы своим стремлением овладеть киргизскими землями. Так, после того, как брат киргизского хана Валли, присягнувшего России, — Касым-султан ездил (1788 г.) в Срединную Империю, заявляя о принятии китайского сюзеренитета, китайцы (1791—1792 г.г.) делали попытки сманить к себе и самого Валли.

Дальнейшая история борьбы за киргизские земли между Российской и Срединной Империями относится уже к истории XIX столетия.

Из других азиатских народов, живших между Россией и Китаем, самыми отдаленными по отношению к Китаю и, наоборот, наиболее близкими к Российской Империи являлись волжские торгоуты, о которых приходилось уже упоминать выше в связи с историей Джунгарии.

Волжские торгоуты—буддисты-ламаиты по вероисповеданию, как мы видели, постоянно находились в сношениях с Внутренней Землей, главным образом, по делам религии .

В 1730 г. 40 торгоутских посланцев ездили от Цырен-Дондука и его матери через Селенгинск, Кяхту, Ургу и Пекин в Тибет к Далай-Ламе для поминовения калмыцкого хана и подчивания чаем. Из посланцев этих в 1732 г. через Кяхту вернулось только 4 человека. Будучи в Пекине у богдыхана, торгоуты заявляли ему, что их хан будто самодержавен, а не подчинен России, и обещали, что калмыки пошлют войско против Джунгарии. Чтобы побудить хана выполнить это обещание, Китай отправил непосредственно к хану посольство. Это китайское посольство прибыло в ноябре 1731 г. в Кяхту, но получило от русских отказ в пропуске. Тщетно ожидая пропуска, оно пробыло на границе до января 1733 г. и вернулось в Пекин вместе с возвратившимся к тому времени из Москвы китайским посольством. В отместку за непропуск посольства к калмыкам, китайское правительство в 1739 г., когда от торгоутского хана Дондук-Амбо опять прибыло в Селенгинск посольство для проезда к Далай-Ламе, не пропустило его, и, напрасно прождавши здесь до 1744 г., это посольство вернулось в Астрахань. Но в этом же году приехало от нового калмыцкого хана—брата умершего Дондук-Даши—еще 10 посланцев, и они уже были пропущены пекинским правительством. В 1756 г. вновь приехавшие в Кяхту калмыцкие посланцы были пропущены в Тибет, и в следующем году они вернулись в Кяхту.

Все это показывает, что между волжскими торгоутами и Срединной Империй существовала постоянная связь посредством посланников, ездивших через Пекин по религиозным нуждам в Тибет. Несомненно, манчжурское правительство использовало эти посещения калмыков и в политических целях, для поддержки связи со своими сторонниками среди волжских торгоутов.

На Волге же в это время происходили смуты в потомстве Аюки-хана. Несколько претендентов домогалось, после смерти Дондук-Амбо, ханства. Желая заручиться сочувствием имп. Елизаветы, некоторые из них приняли христианство, но это только раздражило правоверных торгоутов, исповедывавших ламаизм.

В 1761 г. для ограничения власти хана русское правительство установило при нем совет зайсанов, т.-е. народных пред-

ставителей. Это также возмутило тайшей. К недовольным тайшам примкнули бежавшие сюда, в 1756 г. из разгромленной Китаем Джунгарии в количестве 10.000 человек, торгоуты—Шерен и другие; недовольные составили заговор перекочевать с Волги в Срединную Империю, к богдыхану, который звал волжских торгоутов к себе еще тридцать лет тому назад.

В начале 1771 г. (янв.) торгоуты внезапно поднялись и в числе до 170.000 человек двинулись в Западный Китай. На Волге же остались только те немногочисленные торгоуты—до 5.000 семей, которые не успели из-за разлива Волги перейти реку. Переселение протекало с громадными трудностями и лишениями: много торгоутов погибло в дороге от голода, жажды, болезней и оружия калмыков. Когда остатки торгоутов (до 70.000 чел.) дошли до Западного Китая, китайцы приняли их, по словам китайской грамоты, «с примерным человеколюбием» и, снабдив всем необходимым, расселили их по разным местам Западного Китая, где раньше жили разгромленные и разогнанные за десять с лишним лет до того воинственные джунгары.

Россия реагировала на уход торгоутов чисто формально. Тогда Россия вела войны с Турцией, и поэтому русское правительство в уходе торгоутов не нашло поводов к разрыву с «Цветущей Империей», но тем не менее, соблюдая державное достоинство, оно потребовало от Китая, согласно договорам, возвращения беглецов. Некоторые калмыки, однако, были задержаны, некоторые сами вернулись.

Китайское же правительство, добившееся с приходом торгоутов в Китай своей цели, уже в ноябре того же 1771 г. поспешило прислать русскому правительству лист о принятии в китайское подданство беглых калмыков. (Сенат ответил на этот лист в феврале 1772 г.).

Оставшиеся в России калмыки некоторое время волновались, также желая уйти в Китай, но затем попытки улеглись, и Государственный Совет в 1787 г. разрешил им даже перейти на левый берег Волги, мотивировав это тем, что «поступок китайцев с ушедшими сам по себе удержит подобное покушение», то-есть тоже переселиться в Китай.

И, действительно, переселившимся в Китай калмыкам жилось непривольно, и они очень страдали от притеснений китайских чиновников. Наконец, дело дошло до того, что в 1805 г. эти калмыки сами начали переговоры с начальником русской Сибирской линии о разрешении им вновь перейти в русские пределы, но китайцы, узнав об этом, переселили их еще дальше, вглубь Империи.

Что же касается тех калмыков, которые в качестве русских подданных кочевали на пространстве 200 верст от крепостной Омской линии, то китайцы, согласно рапорту от 1791 г. командующего Сибирским корпусом ген.-майора Штрандмана из крепости Омска, хотели сжить означенных русских калмыков с мест, дабы присоединить эти земли к Китаю на том основании, что эти места принадлежали Джунгарии, покоренной

Китаем. Государственный Совет тогда постановил принять все меры, чтобы силой отстоять эти земли. По этому поводу генерал-майор Соймонов писал:

«Сколь ни желательно восстановление китайского торга, столь знатную выгоду, как казне и торгующим, так и всему тамошнему краю приносящего, но податливость на такое неосновательное требование китайцев, кажется, не только не уничтожит препятствий к восстановлению согласия, но побудит их и к возобновлению требований, сделанных при Галдан-Церене и его преемнике, о уничтожении крепостей по Иртышу и Оби, ибо никогда между Россией и Китаем никакого постановления в тамошнем краю о разграничении обоих государств не было».

В результате принятых мер военной обороны, калмыки и их земли остались во владении Российской Империи.

Все вышеизложенное в настоящей главе о политическом положении народов, обитавших между Россией и Китаем, свидетельствует о той важной роли, какую играли эти народы во взаимоотношениях империалистически развивающихся держав (10).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Впоследствии сам Кан-Си, когда Измайлов был в Пекине, сказал своему любимцу-иезуиту, что эти тайши прежде принадлежали России, но перешли к нему, богдыхану, потому что у него было лучше (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 59, прим. 2)».

2) Слова из наказа Головину (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...» с. 57).

3) «Открытие Китая и др. статьи акад. В. П. Васильева», П., 1900 г. с. 69. Ср. G. Cahen, «Histoire des relations de la Russie avec la Chine...», Paris, 1912 г., ch. I.

4) В 1691 г. тобольский воевода Салтыков послал Матвея Юдина к Бушухту-хану с наказом интересного содержания. Согласно ему, приказывалось Юдину, если хан не встанет, спрашивая о здоровьи русских государей, сделать ему замечание, что во всех великих государствах «речь слушают и здоровье спрашивают, встав и шапку сняв», и что так обязан сделать и хан. Юдин также должен был требовать признания со стороны хана новых добровольных подданных России и возвращения в Россию бежавших в Джунгарию киргизов, тубинцев и алатырцев. «А которые его Бушухту-хановы улусов и подданных его тайшей из улусов люди и иных земель к Ямышевскому озеру с торгами будут и он бы, Бушухту-хан, приказал улусным своим и подданных тайшей улусным их людям, чтобы они, будучи у Ямышева озера, великих государей наших их царского пресветлого величества с служилыми и всяких чинов людьми торговали товары своими повольной ценой безо всяких задоров, и ссор бы никаких не было». При этом Юдин просил хана, чтобы его люди, торгующие или кочующие у Ямышева озера (находится в 7 верстах от Иртыша, приобретено тобольским воеводой от калмыков в 1613 г. и до открытия других озер оно снабжало солью всю западную Сибирь), провожали бы русских, когда они купят там лошадей и погонят через степь до Тары, дабы «воровские люди никакого зла им не учинили». Через Тару, Тобольск и Енисейск Юдин прибыл в Иркутск и с послан-

цом самого хана отправился обратно к нему в Джунгарию. По дороге Юдин подвергся многим и частым невзгодам и, наконец, через речку Манат прибыл к реке Кодбе, где кочевал Бушухту-хан. Юдин был принят хорошо; хан слушал, сняв шапку и, стоя, спрашивал о здравии государей и обещал «их царскому величеству служить и радеть». Посольство возвратилось в конце 1693 г.

«Сибирский Вестник», часть XV, 1821 г.. «Посольство из Тобольска к Бушухту-хану Зюнгарскому в 1691 г.» (заимствовано из рукописной сибирской летописи, Черепанова).

5) По поводу ухода в Зенгорию этих торгоутов, считавшихся русскими подданными, «со об'явлением, вместо пятнадцати, двадцати тысяч кибиток, при всяком удобном случае к Зенгорским владетелям претензия со здешней (России) стороны производилась», согласно докладной записке о Зенгории Коллегии Ин. Дел., 1758 г. (у Сычевского «Историческая записка...», Чтения в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос, 1875 г. II, с. с. 181, 182 и 183).

6) Чтобы успокоить Китай, Коллегия Ин. Дел уже в 1757 г. 1 ноября приказала отвезти тело Амурсана в Кяхту на показ китайцам. Об этом—выше, глава III, статья XIV.

7) В современном освещении джунгарские события изложены в докладной записке 1758 г. («Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского Пограничного Правления Сычевским в 1846 г.», Чт. в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1875 г., II, с. 181) и в записке о калмыках-зенгорцах 1791 г. Архив Государственного Совета) («Протоколы...», 1869 г, т. I, ч. II, с. с. 254—255).

8) Число перебежчиков и скота не всегда поддается точному учету— «Историческая записка о китайской границе...» Сычевского, с. с. 127, 129, 133. Здесь же изданы (с. с. 130—223) материалы монгольских событий 1750-х годов и след. В 1730 г. выслано 1443 юрты, в 1731 г.— 689 юрт и 1733 г—754 юрты (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел..». с. 215, прим. О числе перебежчиков и скота—также с. с. 167, прим. 236, 238, 243, 247, 257 и др.).

9) В 1798 г. ген.-майор князь Горчаков доносил, что ташкентские купцы, приезжавшие в Семипалатинск с караванами, жаловались на разбойничество и грабеж киргизов киргиз-кайсацкой орды (Архив Государствен Совета, «Протоколы ..», т. II, с. с. 672 и след.).

10) Удельный вес азиатских промежуточных народов в истории развития Российской и Китайской империй подробнее изложен в моей отдельной статье «Русско-китайская колониальная политика XVII и XVIII в в », «Новый Восток», кн. 19 (1927 г.).

Du Halde «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise ..», Paris, 4 vol, 1735. P. Pallas. «Sammlungen historischen Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften», Pet., 1776—1781. I. Ross. «The Manchous or the reigning dinasty of China: heir rise and progress». 1891. Deguignes, «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares». Иоакинф (Бичурин) «История первых четырех ханов из дома Чингисова», Пет., 1829 г. H Howorth, «History of the Mongols», 4 tt L., 1876—1888 А Позднеев, «Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ», подлинный текст . и материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., П, 1882 г. M. Courtant, «L'Asie centrale au XVII et XVIII siècles Empire Kalmouk ou empire Mantchou?», 1912) «Уведомление о бывшей в 1677 до 1689 г. войне у китайцев с зенгорцами. Выписал из китайской истории Ан Леонтиев», П., 1777 г. «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану, с описанием земель и обычаев российских. Перевел с манчж. Ал Леонтьев», П., 1782 г. «Известие о песошном золоте в Бухарии... и о строении крепости при Иртыше», Миллер—в „Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих», январь, февраль 1760 г. И. Россохин, «Описание путешествия, коим ходили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге», Ежем. сочинения..., июль ноябрь 1764 г. П. Паллас, «Путешествие по разным провинциям Рос. Империи, в 1768—1769 г.», перевел с немецкого Туман-

ский, П., 1773—1788 г. «Дневные записки путешествия Ив. Лепехина», ч. I, П., 1771 г. («Полное Собрание ученых путешествий по России, изд. Акад. Наук», П., 1821 г., т. III, IV). Иоакинф Бичурин, «Историческое обозрение ойратов, или калмыков с XV ст. до настоящего времени», П., 1834 г. «Посольство к зюнгарскому хану хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ив. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 г.», издано с пред. и прим. Н. Веселовским, Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., отдел этнографии, т. X, 1887 г. Н. Веселовский, «Прием в России и отпуск средне-азиатских послов в XVII и XVIII ст.», П., 1884 г. В. Вельяминов-Зернов, «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-хаир-хана», Уфа, 1853—1855 г. С. Жуковский, «Снош. Рос. с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие», П., 1915 г. Московский Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, разные дела по сношениям с Монголией и инородцами Азии. Н. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел. между Рос. и Кит. государствами с 1619 по 1792 г.», изд. В. Флоринским, Казань, 1882 г. Архив Государственного Совета («Протоколы Совета в царст. имп. Екатерины II», П., 1869 г., т. I, ч. II, Архив Гос. Сов. в царств. имп. Павла I, Пет., 1888 г., т. II; см. Указатели к ним). Сборник пограничных документов в «Исторической записке о китайской границе, составленной советником Троицко-Савского пограничного Правления Сычевским в 1846 г.», Чтен. в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1875 г. П. Н. Башкин, «Трактаты России с Китаем», Пам. книж. Зап. Сибири, Омск, 1882 г. «Открытие Китая и др. статьи акад. В. П. Васильева», П., 1900 г. G. Cahen «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)», Paris, 1912 г. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. H. Cordier, «Bibliotheca Sinica», II edition, Paris, 4, vol. 1904—1908. В. Межов, «Сибирская библиография,— Указатель книг и статей о Сибири», 4 т., П., 1891—1892 г.

ГЛАВА VI

ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сношения России и Китая с половины XVII в. и за XVIII в. отличаются определенным характером, в своей сущности мало менявшимся на протяжении этого времени (1).

В дипломатических сношениях России и Китая наблюдалась неодинаковая обоюдность, именно, в сношениях письменных—полная, в посольских—частичная.

Письменные сношения первоначально происходили между пекинским Трибуналом и тобольским сибирским ген.-губернатором, потом, с учреждением кяхтинской торговли и по мере ее развития,—с иркутским ген.-губернатором. Пересылка грамот между царствующими главами государств, вследствие допускаемых китайцами оскорбительных выражений, была прекращена с Кяхтинского трактата и условлено сноситься по всем делам Трибуналу и Сенату. Китайцы ни разу не прекращали дипломатической переписки, русские же прервали ее в 1765 г., когда Сенат, по приказанию императрицы Екатерины II, перестал отвечать на брань Трибунала. Однако, эта мера не только не изменила характера письменного творчества китайского правительства, но оно, наоборот, еще упорнее продолжало нарекания, негодуя на молчание Сената, пока он снова не решился писать, убедившись, что этот прием международного права не оказал никакого влияния на мандаринов, увидевших в данном случае со стороны Сената только хитрую уловку.

Посольские сношения усиленно применялись Россией, но Срединная Империя их избегала. Действительно, за все время русско-китайских сношений, до XIX ст., Китайская Империя послала в пределы России всего три посольства. При этом первое посольство 1712—1715 г. г. имело официальную цель посетить волжского торгоутского хана. Второе посольство—1731 г., хотя официально и было предназначено для поздравления с восшествием на престол Петра II, но в действительности специальной его целью было—посетить того же волжского хана. И, наконец, третье посольство—1732 г., официально имея задание поздравить императрицу Анну с воцарением, в действительности должно было стремиться к получению разрешения на пропуск к волжскому же хану китайского посольства. Таким образом, только последнее посольство—1732 г. можно считать относящимся в некоторой степени к категории тех посольств, которые обыкновенно назначаются для разрешения международных

вопросов, непосредственно касающихся обеих сторон, с их прямой взаимной заинтересованностью. Отсюда ясно, что, если бы Китаю не нужно было сговариваться с волжскими торгоутами, вооружая их против Джунгарии и в то же время сманивая их переселиться в пределы Китая, то не было бы и этих китайских посольств в Европейскую Россию. Это было следствием общей политики манчжурской династии, не выпускавшей за границы своей Империи никого из подданных.

Китайских послов Россия встречала хорошо, а не так, как среднеазиатских, которых русские иногда сажали под арест и конфисковывали у них имущество, «с целью обуздать дерзость ханов» (2).

Если Китай, таким образом, избегал в своих сношениях с Россией посольских форм сношений, то Россия, наоборот, в отношении к Китаю широко ими пользовалась и в первое время, до заключения Кяхтинского договора в 1727 г., даже злоупотребляла посольствами.

Первые сношения России с Китаем предпринимались самостоятельно сибирскими властями. Потом каждый власть имущий в Сибири также отправлял для торговли и «своих прихотей» в Китай послов, совершавших проступки, несовместимые с китайскими воззрениями, что вызывало озлобление китайцев против России, от имени которой действовали эти послы.

В 1727 г. Владиславич-Рагузинский писал: «В пекинском архиве записано приездов из России после сочиненного при Нерчинску мира более 50 послов и посланников, а Государственной Всероссийской Иностранной Коллегии зело известно, что более 4 публичных экспедиций в Китай не было» (3).

Эти послы и посланники, даже из числа официально посылаемых русским правительством, нередко бывали людьми, совершенно неподготовленными к дипломатической деятельности, и поступали по своему усмотрению, часто допуская грубые выходки. Большинство не умело найти верной линии и в отношении к китайским этикетным требованиям, как «ков-тов» и подобное. Некоторые наотрез отказывались от китайского церемониала (напр., Спафарий), другие же, наоборот, чрезмерно усердствуя, потворствовали державной надменности китайцев, подавая им повод преступать границы допустимого в дальнейших требованиях.

Русские, сверх того, не обладали дипломатической изворотливостью, не умели взвешивать обстановки и применяться к условиям данного момента. Примером печальных результатов такого неуменья может служить Нерчинский трактат, после заключения которого русские долгое время не знали даже, признан ли он Китаем (4).

При обозрении истории сношений России и Китая до XIX ст. невольно выделяется еще та характерная особенность, что со стороны России преобладают торговые интересы, а со стороны Китая—территориальные.

Манчжурская династия главным заданием своей политики ставила удержание и отвоевание принадлежавших раньше Китайской Империи территорий и удержание в своем подчинении населявших их народов. Россия же, устремляя захватническую политику на земли в ближайших к ее центру областях Восточной Европы, склонялась в Сибири к торговой политике. Поэтому и наблюдаем, что при переговорах русские представители на первый план выдвигали экономические вопросы, а китайцы—пограничные.

Действительно, цель посольства Байкова (1654—1658 г.г.) была торговая, Спафарий (1675—1677 г. г.) должен был, главным образом, утвердить торговлю, Головин (1686—1690 г.г.) имел задачей посредством улажения пограничных вопросов создать благоприятные условия для мирных торговых сношений с Китаем, Избрант Идес (1692—1694 г.г.) ездил в Пекин преимущественно для развития торговли, посольство Измайлова (1719—1721 г. г.) было направлено к упорядочению и расширению торговли; те же задачи преследовало и посольство Владиславича-Рагузинского (1725—1729 г.г.), который начал переговоры прямо с торговых вопросов, и только, когда китайцы наотрез отказались обсуждать их прежде, чем будут решены вопросы о границах, посол был принужден с этим согласиться.

Китайцы же, наоборот, в сношениях на первый план выдвигали вопрос о разграничении земель. Они негодовали на Головина, что тот отказался определить границы к западу от Селенгинска, просили через Идеса прислать послов для дальнейшего размежевания границ; от Измайлова тщетно требовали определения границ и достигли этого только во время посольства Рагузинского. В дальнейшем, именно, в связи с вопросами о границах, со стороны Срединной Империи пред'являлись к России требования о возвращении перебежчиков.

Если припомним характер внутренней деятельности манчжурской династии—Дай-Цин'ов,—то-есть постоянные войны при Кан-Си (1662—1722 г. г.), Цянь-Луне (1736—1796 г. г.) и при их предшественниках, направленные к закреплению за Империей внешних территорий, отпавших от нее во время упадка предыдущей, китайской, династии, т.-е. при Мин'ах, то станет ясно, что при сношениях в Россией весь интерес манчжуро-китайцев, диктуемый внутренней экономической политикой, сосредоточивался именно на разграничении земель, а не на торговых вопросах. Россия же к XVIII столетию исчерпала предпосылки расширения на восток и не накопила новых. Задачи расширения на восток требовали бы новых свежих физических сил, которых громадная и малонаселенная Сибирь ни дать, ни передвинуть не могла; правительство же нуждалось в силах в Восточной Европе, вследствие войн к западу, юго-западу и к югу от Урала и колонизационной деятельности в этих местах, часто не менее пустынных, нежели Сибирь (5).

Как факт, надлежит отметить, что Россия в конце XVII ст. и в XVIII столетия почти не распространяла в Сибири своих

владений, Срединная же Империя покоряла себе новые народы, удлиняя тем линию соприкосновения с Россией и создавая новые осложнения по вопросу о границах и перебежчиках.

Россия же, довольствуясь в Сибири существующими приобретениями, не была склонна и определять их границы, предпочитая в этом отношении неопределенность точности. Чувствуя свою слабость в Азии и особенно на Дальнем Востоке, вследствие необычайного отдаления могущих возникнуть театров военных действий, русское правительство в самой неясности границ видело для себя преимущество, а именно—обеспечение возможности захватнических притязаний в будущем, при условии отсутствия каких-либо точных письменных обязательств о разграничении.

Впрочем, точное определение границ физически было весьма затруднительно.

Чтобы понять, как нелегко было ориентироваться среди гор и рек Азии, достаточно ознакомиться с картами того времени, которые далеко не соответствовали действительной географии; а некоторые из древнейших карт лишь в слабой степени напоминают нам азиатский материк (6). Поэтому Головин (1689 г.) определил границы к востоку от Селенгинска по рекам Горбице и Аргуни, но земли по Амуру, судя по неясному тексту договора, остались неразграниченными. Несмотря на то, что влияние Китайской Империи на Халху уже обозначилось, границы с ней, на запад от Селенгинска не были определены Головиным. Совершил это лишь Владиславич-Рагузинский в 1727 г., установив границы от Селенгинска на запад до возвышенности Шабан-Дабага (перевал этот находится к западу от Минусинска, верстах в 200, по западной стороне Енисея, верстах в 70 от этой реки, на западном продолжении Саянских гор; он входит в состав западной части северной границы Урянхайского края). Этим и закончилось в XVIII в. разграничение владений России и Китая, и только в XIX ст. пограничные линии по Амуру и в Западном Китае были окончательно установлены договорами.

Смысл тяготения Срединной Империи к территориальным вопросам, а Российской—к торговым, кроме указанного выше, заключался, конечно, в экономическом строении этих держав. Но уровень торговых интересов, и направление их, и отношение к ним правительств в России и в Китае были различны.

Правящие группы России, с правительством во главе, строили свое благополучие издавна на торговых оборотах, продаже и покупке у иностранцев товаров. Если в княжеской Руси великий князь был первым купцом в своей стране, то и в XVII ст. и отчасти в XVIII ст. царь со своим правительством являются первыми монополистами ходких товаров. Потому и внешняя политика была в сильнейшей степени проникнута коммерческими соображениями. Непосредственное участие русского правительства (до 1762 г.) в русско-китайской торговле еще более поддерживало в правительстве стремление во что бы то ни стало сохранить мир с китайцами.

Со стороны китайского правительства и его чиновной агентуры видим не то.

На протяжении долгих десятилетий XVII и XVIII столетий русско-китайских сношений правительство манчжурской династии неоднократно и крайне настойчиво убеждало русских, что китайцы не интересуются торговлей, что торговля у китайцев самое последнее дело, о котором и не стоит даже говорить (7). Русские того времени совсем не были склонны верить этому, подозревая в этом лишь уловку китайского правительства. Но в относительной справедливости этих заявлений мы убедимся, если познакомимся с внутренней экономикой Китая того времени.

Таможенные пошлины, поступающие от внешней и внутренней торговли, всегда признавались в Срединной Империи скорее личным доходом богдыхана, чем важной статьей государственного бюджета. Главными статьями дохода считались (до 1734 г.): поземельный налог, натуральная подать хлебом и др. сельско-хозяйственными продуктами, соляной налог, чайный налог и чеканка монет (8). Китайская масса, вследствие низкого жизненного уровня и нетребовательности, не могла быть для русских товаров хорошими покупателями. Покупателями обычно являлись манчжуры— чиновный класс, сановники, имевшие деньги на предметы роскоши, каковыми, несомненно, были русские меха, хотя и низших сортов. С другой стороны, налоговая система и произвол чиновников не позволяли китайским купцам свободно вести торговлю и обнаруживать свои капиталы. Это, конечно, вело к уменьшению сделок (9). К тому же, русские меха не представляли для китайцев предмета первой необходимости еще и потому, что в пределах самой Империи производился пушной промысел подданными богдыхана, хотя, конечно, и не в таких больших размерах, как это наблюдалось в Сибири; таким образом, китайцы имели полную возможность получать меха от своих манчжурских и монгольских промышленников, не обращаясь за помощью к русскому рынку (10). Кроме того, состоятельные китайские классы могли покупать товары более интересные, чем русские товары, у западных европейцев, прибывавших на кораблях в Кантон. В свою очередь, и китайцы продавали не русским, а европейцам очень много «диковинных» вещей. Петр I сам убедился в этом, побывав заграницей, и в 1698 г. из Детфорта он писал Виниусу: «А что пишеш ваша милость, что (китайские) чашечки золотые, посланные от вас (из России), будут здесь в диковинку, и то не чаю, потому что от роду я на Москве таких китайских вещей не видал, как здесь» (11).

Манчжурская династия не поощряла развития торговли среди китайцев, хотя торговля в Китае была развита, и китайцы в торговых делах проявляют исключительные способности (12). Их сплоченность на кяхтинском рынке, торговля компаниями и навык в торговых об'единениях всегда наносили сильный ущерб беспорядочной торговле русских, которые соперничеством сами подрывали друг другу торговлю, чем весьма успешно пользо-

вались купцы Срединной Империи, проводя со своей стороны методы организованности (13). Еще в начале XV ст. богдыхан Минской династии Ян-Ван издал правила, упорядочившие китайскую торговлю, а в 1793 г. китайцы издали специальную инструкцию для производства кяхтинского торга (14).

В числе купцов Китайской Империи были также монголы, с которыми русские совершали обороты на большие суммы. Находясь в непосредственном соседстве с русскими, монголы особенно интересовались торговлей с ними, и даже во время искусственно создаваемых манчжурской династией, часто весьма длительных перерывов в торговле они продолжали тайно торговать с Россией. Перерывы в торговле создавали затруднения для монголов, громадное протяжение монголо-русской границы позволяло им и русским контрабандным путем обходить эти запреты, и даже в мирное время этим путем торговцы избегали взимания пошлин. Манчжурской же династии, властвовавшей в Монголии, как в покоренной стране, конечно, не было интереса способствовать укреплению торговых сношений монголов с русскими. То же надо сказать и о политике манчжурского правительства по отношению к торговле с русскими калмыков Западного Китая.

Если же ко всему этому прибавить, что XVIII столетие было золотым веком расцвета манчжурской династии, периодом торжества ее завоевательных планов, то характер русско-китайских отношений за это время выявится еще с большей ясностью. России приходилось иметь дело не столько с самими китайцами и с их торговым капиталом непосредственно, сколько с манчжурским правительством Срединной Империи и его чиновниками, заинтересованными в преградах русско-китайской торговле.

Производимая в таких условиях торговля отличалась еще той характерной особенностью, что она была односторонней, так как китайцы не ездили торговать в Россию, русские же посещали Пекин. Происходило это вследствие принятой манчжурской династией системы оберегать своих подданных от поездок за пределы страны. Не только торговцы не получали позволения выезжать из Китая, но даже послов избегали без крайней нужды отправлять в чужеземные страны; сам богдыхан никуда не выезжал (15).

Между тем русские послы постоянно приглашали китайцев ездить в Россию торговать. Байков предлагал им являться с торгом беспошлинно в Москву и куда сами захотят; звали их в Россию и Спафарий, и Головин (V пункт договора), и Идес, но все было напрасно. Эти попытки русского правительства сделать сношения с Китаем обоюдными, заинтересовать ими подданных Срединной Империи и ее правительство, связать оба государства более сложными, неразрывными экономическими

нитями,—не увенчались успехом. Но этим обособлением Внутренняя Империя, несомненно, выиграла при своей наступательной политике, сохранив себе полную свободу действий по отношению к России. Россия же многое потеряла: торгуя непосредственно в Срединной Империи (особенно при казенной монополии), она экономически врастала в местные китайские рынки, входила в денежные расчеты с туземцами страны (16), хранила свои товары в чужом государстве, усиливала свою одностороннюю заинтересованность, и потому китайское правительство каждой угрозой закрыть торговлю в сильной степени политически воздействовало на русских, так как торговые перерывы были для них неприятны и убыточны. После Кяхтинского договора, когда русские купцы сосредоточили свои обороты на границах, это смягчило резкость положения, но казенные караваны еще долгое время посещали Пекин. На угрозы китайцев стеснить торговлю русских в Срединной Империи Россия при таких условиях, не имея на своей территории китайских купцов с их товарами, не была в состоянии ответить подобными же мерами стеснения китайской торговли в пределах России, а потому принуждена была поддерживать свои экономические интересы только угрозами войны. Но, мы видели, угрозы эти были нереальными, так как воевать с Китаем Россия XVIII века не имела возможности, и потому ей приходилось вступать в длительную переписку с Китаем, дабы уговорами, усовещаниями, уступками и иными путями добиваться возобновления мирных сношений.

Односторонность внешних торговых сношений и была одной из главных причин остроты разрывов между Россией и Китаем, так как Китай в своих требованиях и поведении пользовался своим преимущественным положением, прекрасно учитывая значение для России русско-китайской торговли (17).

К вышеуказанному присоединялось еще то преимущество Срединной Империи, что у нее было более выгодное, чем у России, географическое положение.

От тех областей, из-за влияния над которыми Внутренней Земле приходилось сталкиваться с интересами России, Пекин находился на расстоянии, в 2—3 раза меньшем, чем Москва и Петербург, а это обстоятельство при тогдашних путях сообщения давало Срединной Империи неоспоримые выгоды в стратегическом отношении (18).

А между тем для того, чтобы обернуться между Москвою и Пекином, нужно было 2—3 года!

К тому же, и политические условия больше благоприятствовали китайским расширительным тенденциям, чем русскому наступлению. Китаю приходилось присоединять к сфере своего влияния области, некогда уже бывшие под его влиянием; и местность, и природа, и население с его особенностями и

религией были хорошо знакомы и частью родственны Китайской Империи. Русскому же торговому капиталу приходилось работать в незнакомой и чуждой обстановке, да еще—в том центральном азиатском горне, в котором созревали и выкипали азиатские народности, раньше растекавшиеся на запад и подчинившие своему владычеству и культуре земли Восточной Европы.

Вследствие этих причин, Россия в наступательном соперничестве с Китаем должна была уступить первенство Срединной Империи.

В предыдущем изложении были выяснены столкновения и поводы к ним между Российской и Китайской Империями.

Непосредственная причина столкновений заключалась в неискренности сношений, вытекающей из различия материальной и духовной культур народов этих держав и из противоречий их экономической политики на базе неодинаковой интенсивности развития общественных форм в обоих государствах.

Не брезгая ничем, по-своему истолковывая договоры, каждая сторона стремилась извлечь наибольшую ближайшую пользу из сношений, не считаясь с интересами соседа и с дальнейшими перспективами отношений. В XVIII веке, по толкованию Н. Веселовского, русские стали даже «меньше понимать Азию, чем понимали столетием раньше». Веселовский разумеет при этом то, что Россия, при сношениях с Азией, заключала письменные договоры, «которые в Азии не имели никакого значения, а нам, напротив, стесняли свободу действий» (19). Эти слова, относящиеся к Средней Азии, сторонников агрессивных действий в такой же мере относятся и к Азии Восточной. Как видим, Китай, действительно, не поддавался ухищрениям русской дипломатии, стремившейся обеспечить почву для дальнейших наступлений: Китай, раз заключивши договор, не соглашался потом на расширение его положений, между тем как Россия проявляла тенденции к гибкому и расширительному толкованию выгодных для нее положений, согласно вновь нарождающимся требованиям ее экономического развития. Срединная Империя конечной целью своей внешней политики ставила охранение границ и целость Империи, а Россия в Сибири—развитие торговли. И оба правительства, чтобы только достигнуть этих задач, обязывали себя в договорах такими пунктами, которые, как они знали заранее, не могут быть выполненными ими.

Так, Срединная Империя соглашалась по договорам на проезд своих купцов в русские города, а в действительности запрещала всем подданным покидать пределы Империи. Допуская свободную торговлю русских в своей стране, Срединная Империя в действительности всякими мерами, под благовидными предлогами, стесняла ее, выгоняла купцов из Урги и заставляла русские караваны раньше времени с убытком покидать

Пекин. В этом случае манчжурская династия руководилась своей общей политикой—не допускать европейцев к экономическому закреплению во Внутренней Земле и к проникновению их в ее города. Западно-европейские купцы до XIX столетия имели право торговать только в одном порте—Кантоне; конечно, у китайцев не было желания разрешать и русским обосновываться во внутренних китайских центрах, хотя это и было обусловлено договорами. Китайская Империя обязывалась возвращать России перебежчиков, в действительности же она даже сманила к себе волжских калмыков, перекочевавших с Волги в Западный Китай в 1771 г.

Россия, в свою очередь, держалась такой же политики. Так, не все беглецы возвращались Россией; политических врагов Китая она укрывала, хотя в договорах ни для каких категорий не было сделано оговорок (20). Согласившись на беспошлинную торговлю на границах, Россия, тем не менее, взимала их (как, впрочем, и Китай) внутри государства, а потом установила пограничные таможни, но в виду угроз и крайних настояний Китая, увидевшего в этом нарушение договоров о беспошлинной торговле, хотя и согласилась их уничтожить, но фактически только перенесла таможни вглубь страны, подальше от глаз китайских чиновников (21). Заключение Кропотовым в 1768 г. статьи о пошлинах и перебежчиках очень характерно, потому что в данном случае Россия, чтобы добиться открытия торговли, подписала условия, которые уже в момент подписания были обречены на частичное неисполнение, так как иначе русскому правительству пришлось бы для исполнения договора менять свое имперское законодательство о пошлинах и смертной казни.

К политической неискренности в русско-китайских отношениях присоединились и затруднения технические, вытекавшие в первую очередь из взаимного непонимания. Это непонимание выражалось прежде всего в прямом смысле—в незнании языка.

Вследствие обоюдного незнакомства с языком, несомненно, должны были происходить недоразумения, иногда до крайности обострявшие отношения. Не имея своих переводчиков, России как и Китаю, приходилось обращаться за помощью к третьим лицам, которые могли быть сами заинтересованы в торговле со Срединной Империей и поэтому, ознакомившись с русско-китайскими делами, имели возможность извлекать для себя выгоды, причиняя иногда вред обеим переговаривающимся сторонам. Если же и попадались национальные переводчики, то это были обыкновенно не специалисты, а случайные лица, знающие данный язык, но незнакомые с терминами и понятиями, необходимыми при международных переговорах. Естественно, что отсюда могли легко происходить большие недоразумения. Первое время и русские и китайцы при переговорах прибегали к помощи иезуитов, и насколько точно они передавали содержание речей обеих сторон,—это было известно только самим

иезуитам. Поэтому русское правительство в XVIII в. начало посылать русских молодых людей обучаться в Пекин манчжурскому и китайскому языкам. Это, несомненно, должно было обеспечить Россию от ошибок в переводах и способствовать лучшему познанию Китая, который, однако, учитывая последнее обстоятельство, со своей стороны неприязненно смотрел на стремление русских изучать языки Срединной Империи, хотя, в свою очередь, поощрял китайцев изучать русский язык (22).

Враждебные столкновения происходили и вследствие взаимного непонимания Россией и Китаем их внутреннего миросозерцания и национальных особенностей, как результата различных производственных отношений.

Относительная примитивность русских встречалась с надменностью, величием и сложностью общественных условностей китайских чиновников, наивность и узость понятий—с глубоко культивированной хитростью, грубость, самоволие и разнузданность—со стремлением к тишине, спокойствию, соблюдению внешних форм общежития, благочиния и чинопочитания, беспечность—со щепетильностью и придирчивостью, бездеятельность—с трудолюбием, настойчивостью и упрямством (23), розмах и сметливость—с мелочностью, педантизмом и консерватизмом многотысячелетней бюрократической культуры.

Все это, вместе взятое, создавало большое количество чисто технических затруднений развитию сношений, примеров чему мы встречали много в предыдущих главах.

Кроме того, помехой для развития сношений являлась и нечеткость московского бюрократического аппарата: например, в российских государственных архивах дела так велись, что несколько раз терялись нити о первых русских сношениях с китайцами, и при последующих сношениях приходилось наново начинать разведки об этом государстве. Не было тогда ни желания, ни сознания необходимости полно систематизировать приобретаемые и накопляемые материалы, чтобы воспользоваться ими в дальнейших сношениях с китайцами. Российские послы ездили в Китай, не потрудившись предварительно узнать, какой ожидает их там прием, и делали большие глаза, когда их заставляли преклоняться перед богдыханом. Яркий пример этого явил Спафарий (1675—1677 г. г.) и особенно граф Головкин (1805—1806 г. г.), который даже не был допущен в Пекин, вследствие нежелания исполнить обряд «ков-тов» (24).

Неодинаковая интенсивность развития Российской и Срединной Империй служила также основой недоразумений между ними.

Конечно, опровергая мнение, что Китай застыл в неподвижной форме, мы видим в нем тот же исторический процесс, как и в других странах, но только своеобразный и медлительный (25). Уже одно то, что в XIX столетии нарастают в нем

движения масс, свидетельствует о развитии общественного самосознания в тех или иных классовых группировках и о том, что Империя отнюдь не представляла собой замершего организма. Само стремление Империи к наибольшему расширению своих пределов служило показателем той большой политической работы, которая производилась правящими группами в лице правительства, на почве глубоких и мощных внутренних экономических процессов, и во всяком случае не свидетельствует о пребывании Китая в неподвижном состоянии. Однако, Россия развивалась гораздо быстрее Китая. Ее капитал рвался на новые рынки, какие он считал для себя доступными, и, устремляясь в Китай, наталкивался на формы и рамки, предуказываемые интересами политического самосохранения Китая.

Полуторавековые русско-китайские сношения, несомненно, принесли обеим сторонам ясно ощутимые результаты.

Не будем перечислять здесь, какие именно выгоды от каждого договора получила та и другая сторона, так как это вытекает из предыдущего изложения переговоров и трактатов. Ставить вопрос, кто из них остался при этом в большем выигрыше, после сказанного также не приходится, потому что интересы империй не совпадали, а во многом и расходились. Указывать, что Россия, вследствие Нерчинского договора (1689 г.), совершенно лишилась Амурского края, не приходится, ибо точный смысл статей, подписанных Головиным, не дает оснований к такому утверждению, а что впоследствии по этому вопросу создалось такое убеждение, это есть результат реального перевеса возможностей на стороне китайской дипломатии. Она использовала фактическую невозможность для России XVII—XVIII столетий заниматься завоевательной политикой на востоке, в виду более насущных для русского империализма неотложных задач по овладению в Восточной Европе и отчасти в Средней Азии земельными пространствами и торговыми путями (26). Но, хотя политика России в Восточной Азии отличалась относительной пассивностью, она все-таки извлекла экономические выгоды из соседства со Срединным Царством: в то время, когда западно-европейцы торговали в Кантоне, русские купцы могли торговать в самом Пекине и в Монголии (Урге), а потом—в Кяхте (с 1727 г.). Если русские (после прекращения казенных караванов в 1762 г.) не ездили в Пекин, на что, по договору, они все-таки имели право, то только по своей воле, так как впоследствии считали более выгодным торговать лишь в Кяхте.

Ни привлечение монголов под протекторат России, ни удержание калмыков от бегства с Волги в Срединное Царство, если бы означенный протекторат и удержание были бы действительно осуществлены, не принесли бы русскому торговому капиталу тех выгод, какие он получил от русско-китайской торговли, способствовавшей экономическому оживлению и отчасти культурному под'ему сибирских пустынных пространств (27). Эта же китайская торговля поддерживала, наряду с дру-

гими важными статьями, интерес русского правительства к этой далекой окраине. Только ради торговли с Внутренней Землей посещали эту страну и в XVII и еще более в XVIII ст. русские торговые люди многочисленных городов Европейской России. Поэтому для данного периода значительная доля правды заключалась в заявлении русского правительства, что приобретение в Азии новых земель, вследствие их изобилия у России, не входит в ее намерения, почему русское правительство всеми мерами и предупреждало войны с китайцами (28).

Таким образом, утверждение дипломата XIX ст. Скачкова, что русские приобретения на Востоке были достигнуты «вполне миролюбиво» (29), хотя, разумеется, не соответствует истине относительно дальнейших событий, т.-е. конца XIX и начала XX ст.ст., но применимо к XVIII столетию, когда русские бряцали оружием для устрашения, однако, избегали войн, и китайцы, со своей стороны, уклонялись от опасности доводить положение до военных осложнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Наличие смен должно было бы ярче всего сказаться в торговых отношениях. В. Суетин в статье: «Взгляд на рос.-кит. меновую торговлю и важность ее для России» делил торговлю на четыре периода: I) 1727—1762 г.г. (казенная торговля), II) 1762—1800 г.г., III) 1800—1822 и IV) с 1822 г. «Речи, говоренные на торжественном акте в Московской практической коммерческой Академии воспитанникам оной», 1841 г., с. 48). А. Корсак придерживался более дробного деления на периоды, беря в основу суждения этапы русского торгового законодательства и связанные с этим перемены на кяхтинском рынке. Что же касается вообще истории русско-китайских сношений, то периодизация их может основываться на экономических признаках, территориальных хронологических и других, причем со стороны развития России и Китая она может не совпадать даже в сфере однородных признаков. Приемлемое для обеих сторон деление может быть принято лишь по обоим явно отличительным данным, выявляющимся на протяжении только более длительных эпох, составляющих не переходную ступень к новым формам, а новую стадию развития государственного организма.

2) Н. Веселовский, «Прием в России и отпуск средне-азиатских послов в XVII и XVIII ст.», Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 254 (1884 г., июль) с. 70.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Снош. Рос. с Китаем. картон 19, 1727 г., Реляция Владиславича 1727 г., 28 сентября, л. 34. Эти четыре экспедиции в Пекин, по словам Владиславича, были «именно: Николай Спафарий, Елизар Избрант, Лев Измайлов и четвертый—я». (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», Донесение Владиславича ко Двору, с. 143). Считаясь с таким положением вещей, китайцы в ограждение своей безопасности и спокойствия, об'явили Избранту Идесу (1694 г.), что если в Китай будут посылаться от государя послы и гонцы, то свита их должна состоять из двухсот человек, а если от порубежных воевод—то в пятьдесят. Тогда же был послан лист Нерчинскому воеводе кн. М. П. Гагарину, что богдыхан издал новый приказ: при после, из России в Пекин приезжающем, быть числу людей по двести только человек, кроме торговых людей. а при посылающемся от нерчинского и других воевод—по пятидесяти, не больше. (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. с, 71, 72).

4) В наказе Избранту Идесу, бывшему в Пекине в 1693/4 г., было поручено об'явить китайским министрам, что государи, «не ведая доселе,

принят ли оный (Нерчинский) договор Богдыхановым Величеством, и будет ли содержан ненарушимо, желают о намерении его, Богдыхана, чрез них, ближних людей, откровенного изъяснения» (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. 67).

5) Согласно утвержденному Екатериной II докладу конференции октября 1764 г. о средствах к поднятию благосостояния Сибири и ее защите, «в сем обширном и весьма малолюдном царстве знатная часть народа без всякого попечения остается рассыпанною в отдаленных северных пределах, проводя жизнь почти скотскую и, наконец, погибая совсем...»; это происходило от того, что, промышляя охотой, сибиряки жили ради «зверинной ловли в безплодных к северу лежащих сибирских землях». Поэтому доклад предлагает принять все меры, «всякими выгодными и ласковыми способами выводить людей их тех холодных пределов» на юг, в более удобные земли к границам, вследствие чего разовьются сельские промыслы и земледелие. (Сборник Имп. Рос. Ист. Общ., т. 57, 1887 г., с. 39).

К концу XVIII ст. относится проект князя Г. П. Гагарина, получивший одобрение государя (1799 г.), о заселении первоначально десятью тысячами душ местности между Байкалом, р. Верхней Ангарой, Нерчинском и Кяхтой. Государственный Совет нашел проект полезным и что «со временем, без сомнения, может оно доставить много пользы по торговым с китайцами сношениям» (Архив Государственного Совета, «Протоколы..», 1888 г., т. II, с с. 571—582).

6) «Чертежная книга Сибири, составленная тоб. сыном боярским Сем. Ремезовым в 1701 г.», П., 1882 г., изд. Имп. Арх. Комиссии, in folio В. А. Кордт, «Материалы по истории русской картографии», II серия, вып. I, Киев, 1906 г., in folio. g. Cahen, «Les cartes de la Sibérie au dix—huitième siécle (Nouvelles archives des Missions scientifiques et littèraires, nouvelle série, fascicule I), 1 vol, in 8⁰, Paris, 1910 г. Л. С. Багров, «Карты Азиатской России», П., 1914 г., «Азиатская Россия», издание Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия, П., 1914 г., т. III, с. CXXXV и след., указатель по истории картографических работ. «Атлас Азиатской России», то же издание, П., 1914 г., in folio.

7) «На торговлю смотрят у нас с презрением», говорили китайцы (дневник Ланга в «Белевых путешествиях..», ч. III, с. 86). Китайский Трибунал, по словам Ланга, уверял, что торговля у них не пользуется большим значением (Lange, «Journal du sieur Lange» в «Recueil de voyages au Nord», Amsterdam, MDCCXXVII, t. VIII, p. 282).

8) Э. Паркер, «Китай, его история, политика и торговля...», П., 1903 г., гл. X.

9) В 1727 г., когда русский караван был в Пекине, богдыхан, не терпящий зажиточных подданных и желающий проведать о богатстве каждого, приказал всех приходящих торговать с русскими китайцев, обыскивать и расспрашивать, где они живут, сколько у них серебра или товаров; поэтому зажиточные китайцы не пришли, а только бедные с плохими товарами. Сам же богдыхан заявил, что караван потому плохо торговал, что все купцы обнищали и мало кто хочет покупать русских товаров (Н. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с. с. 160, 161).

10) Тягостные споры Китая из-за амурских областей и перебежчиков были часто связаны с указанием, китайцев, что Китай не может лишиться прекрасных соболиных мест и хороших ясашников, напр. Гантимура, сдававшего казне много мехов. Не только Манчжурия, но и северные и западные части Монголии изобиловали зверем (напр., Урянхайский край, на который китайцы объявляли притязания и который считали своим). Китайские северные области настолько были обильны пушниной, что русские промышленники переходили границы для звериного промысла, а это служило причиной столкновения между государств, и со стороны богдыхана раздавались укоризны по адресу сибирских властей. Так, в 1670 г. пекинское правительство в грамоте к царю по делу Гантимура писало, что «издавна наши ловцы, которые ловят соболи, и прочие подданные наши объявили и челобитную дали, что те, которые живут на

Черной реке (уповательно Шилка), суть лочи (т. е. малые разбойники и небольшой силы), и что те лочи изобижают наших джуржей и такаров, также и соболей их ловят они ж». В 1693 г. китайцы видели около 20 русских промышленников, перешедших границу для промысла зверя по рекам Зее, Лее, Биринде и Ликинчаре, и заметили у них большое количество соболей. Потом китайцы поймали более 20 русских промышленников (якутов) с 30 кибитками, наполненными соболями, которые были наловлены якутами на китайской земле (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел. . », с. с. 21, 71, 73).

11) «Письма и бумаги имп. Петра В.», П., 1887 г., т. I, с. 240.

12) Э. Паркер. «Китай...», с 517 «Китаец замечательный торговец, стоящий вне всякой конкуренции. Это его преимущество проявляется не только в Середине (Китае), но и везде, куда бы собственная воля или судьба не забросила китайца, будь то Индо-Китай, Филиппинские острова, Ява, Австралия, Америка и т. д. Склонность к торговле у китайцев, как говорится, сидит в крови. По мнению А. Колькгауна,—они настоящие, прирожденные торговцы. . .» (Э. и О. Реклю, «Срединная Империя», П., 1912 г., с. 150) Г. Гаусман в очерках «О торговле Кантона и Китая» (Содержание: 1. Древняя торговля Китая, II. Таможная Кантона. Лингвисты. Ханнисты. Кантонские купцы. III. Монеты. Проценты. Вес и меры. IV. Привоз и вывоз. V Будущность торговли Франции с Китаем), («Журнал Торговли и Мануфактур», 1851 г., ч. I)- отметил высокие достоинства кантонской торговли, указав, что китайские торговцы обладают замечательной купеческой дипломатией, до которой европейцам, далеко. У них сильно развито чувство товарищества, они имеют понятие о некоторых сторонах политической экономии, которые в Европе были приняты после них. У них развито учреждение торговых обществ, участие в прибылях, и все это, конечно, развивает стремление к выгоде, барышу поддерживает единодушие, что очень выгодно в торговле с Европой. Купцы, например, запрашивали втрое, вчетверо больше, чтобы уступив, взять все же цену большую, чем бы они взяли со своих сородичей. Так, в Макао было всеобщее правило: умеренная цена для своих, повышенная—для жителей Макао и очень высокая—для иностранцев.

13) Сборник Имп. Русск Ист. Общ., т. 57; П., 1887 г., с. с. 40—41.

14) Причины, побудившие Ян-Вана издать правила, были, согласно его указу, следующие: 1) наследники богатых купцов расточительны, не умеют торговать и соперничать с частными купцами, отчего разоряются, причиняя вред государству; II) фабриканты, заводчики, промышленники и купцы, соперничая друг с другом, подрывают торговлю, возвышают или понижают цены, отчего сами раззоряются; III) «презрение к собственному изделию, а безпомерное уважение к иностранцам, не только уменьшило фабрики, заводы и художества, столь тщательно предками нашими воздвигнутые, но повсюду увеличило роскошь, праздность и скудость в жителях. . ., а несогласие купцов и плохое их знание в торговле утратило баланс оной со всеми иностранными и тем сделало общий недостаток в отечестве»; 4) умножение купцов ослабляет значение купечества, увеличивает дороговизну, уменьшает число земледельцев, порождает много судебных тяжб,—и все это ведет «к разрушению всеобщего порядка в империи: следовательно, без точных правил коммерция никогда не придет у нас в цветущее состояние, то и обилию быть не от чего».

Составленные по этому поводу правила о китайской торговле представляют обширное законодательство по данному вопросу. Оно подробно касается правил об учреждении компаний, их деятельности, о начальствующем над компаниями в городе, опекунском банке в городе, советах компаний в городе, училище коммерции, устава каждой из компаний (о выгодах компании, правилах торговли, привилегиях компании, правителе компании, опекунстве, советах, конторах компании, классах служащих в компании), о взаимно-кредитных банках компаний, о вложении капиталов в банк, о займе капиталов из банка, о пересрочке и о банкире.

В компанию вступали купцы не моложе 20 лет, имеющие не менее 6.000 руб. денег, или наличных, или в заводах, фабриках, мануфактурах и товарах (компания 1 степени), не менее 3.000 р. (комп. II степ.) и не

менее 500 р. (комп. III ст.). Купцы должны были входить в состав компании своего города. В каждом избираемом городе было узаконено образовать не менее трех компаний I степени; в каждом губернском и провинциальном— не менее шести компаний II степени, и в каждом губернском городе—не менее девяти компаний III степени. При таких условиях не могло быть и речи о монополии какой-нибудь одной компании, но деятельность их была сопряжена в развитии операций с основами законного соперничества. Дворянам, находившимся на государственной службе, и отставным, земледельцам и другим классам обоего пола, имевшим фабрики, мануфактуры и заводы, также было разрешено вступать в компании своей местности, но на несколько иных условиях. Купец вкладывал в компанию часть капитала, пользуясь ежегодно дивидентом, но пятую часть его оставлял неприкосновенной для увеличения своего основного капитала. Компанион I степени не мог из'ять основной капитал в течение 100 лет, II степени—50 лет и III степени—25 лет.

Права компании I степени: фабричная и заводская, морская деятельность, металлургическая (но не земледельческая), торговля оптом по всей империи, всеми товарами и со всеми иностранцами в портах своей местности. «Общества купцов, торгующие с иностранными, снабжать коллегии нашей внешних дел по сообщению коммерческой, по свойству тамошних народов и торга, инструкциями по секрету, в кои вмещать главные пункты, в приложении здесь под литерой Б постановленные и которые—по учреждению коммерц-коллегии—отослать оной по секрету ж». (Хотя упомянутые секретные инструкции при означенной рукописи не сохранились, но содержание их ясно и несомненно, было направлено к сплочению китайских купцов при промене товаров с иностранцами).

Компанионы делились на 4 степени по размеру внесенного капитала: 24.000 руб., 18.000 руб., 12.000 руб. и 6.000 р.; «компанионы во всех собраниях, кроме родственных пиров и священных храмов, один другому по степеням (статьям) дают место, но в советах равный имеют голос».

Права компании II степени: местная и ярмарочная торговля туземными и иностранными товарами в розницу или поштучно; банный трактирный и с'естной промыслы I разряда... Компания делится по внесенному капиталу на 4 степени: 12.000 р., 9.000 р., 6.000 р. и 3.000 р.

Права компании III степени: бакалейная и с'естная торговля углем, сеном, дровами .., банный и трактирный промысел II разряда... Делится по взносу капитала на 4 статьи: 6.000 р., 4.000 р., 2.000 р и 500 р. Все компании пользовались известным кредитом у правительства, и вообще кредит был развит в империи, но в долг запрещалось отдавать товары.

Из этой, даже общей, схемы законодательства Китая о торговле, видно, как широко была поставлена правительственная регламентация экономической жизни империи в начале XV ст. Если она по идее этого законодательства, действительно, оберегала китайскую промышленность и торговлю от потрясений, банкротств и оскудения ее экономическими благами в пользу иностранцев, то, с другой стороны, она препятствовала свободному и быстрому разворачиванию мощи капитала, его концентрации и широкому развитию производительных сил страны.

Манчжурская династия, со вступлением на китайский престол, воспользовалась этим законодательством.

Иркутский купец Ф. Щегорин, дважды бывший в Пекине, долго торговавший с китайцами, знавший русско-китайскую торговлю, по его же признанию, едва ли не лучше всех во всей Российской Империи и умевший говорить по-китайски, писал в 1799 г., что «после многих лет и прочего» и то «токмо случай по секретным делам в Пекине вовлек меня в содружество китайских чиновников, так названных там государственных деловцев, от коих получил я сведения о законах относительно к их коммерции..» Именно от осторожных и скрытных китайцев Щегорин получил приведенное выше законодательство о торговле, действовавшее, по его словам, в то время в Китае.

С этим законодательством вполне согласна та секретная инструкция, которая была утверждена богдыханом в 1793 г. (57 год царствования

Цянь-Луна) для кяхтинского китайского купечества, сообщенная тем же Щегориным. Согласно ей, китайские купцы должны были «общей пропорции товаров своих, доселе шедшей, не только превышать, но стараться еще время от времени умалить оную с понижением на русские товары цены, дабы наши всегда были у них в уважении, а тем и самый торг наш будет им нуж и связь государственных дел лучше...»; в Кяхту ввозить товары каждой компании пропорционально так, чтобы количество товаров не превышало русский ввоз, «и тем не делать один другому подрыва и общего вреда...»; «жадности к покупке русских товаров не только не чинить, но и вида к тому при торговле не оказывать, хотя бы кому и крайная настояла в оных нужда, поелику частная польза не должна смениться с общей, которая награждает всех и каждого, а первая разрушает весь порядок в коммерции...»; если будет замечено, что русские какой-нибудь товар не навезли или в меньшем количестве, то заявлять русским, что такие товары нужны, и «оказать жар в покупке наличным с непосредственной передачей один против другого в цене», а потом разделить их между компаниями; если же русские навезут много товаров, или чтобы понизить их цены, китайцы должны были им говорить, «что некоторые из оных вышли у нас из употребления, а прочих другие иностранцы навезли и тем самым нужных нам товаров всегда получать можно от них достаточно и без всякого уважения, следственно и с понижением в цене к общей пользе»; а «на вопрос (русских относительно причин) уменьшения наших товаров или хладнокровной покупки их, отвечать: неурожай шелку, чаю, иногда бумаги, либо привоз к нам всяких товаров другими иностранцами в Кантон...», для каковой цели китайский начальник Кяхты с 8-мью представителями китайского купечества должен был, по получении каждой почты, давать общее распоряжение не только всем купцам, но и служителям, имевшим общение с русскими, чтобы не было разногласий; «обходиться с русскими купцами учтиво, а не так, как прежде было...»; «монгол без опытных купцов тамошней коммерции (и) совсем к торгу не допускать, дабы они ошибками не сделали расстройства связи»; «в долг русским не давать, таксу на товары свои не понижать, золота и серебра в деле и не в деле не отпускать; меди, железа, шелку и бумаги не в деле, без указу, не привозить, а ревенем, в охранение данной привилегии бухарцу Мученэи, и вовсе не торговать»; «дорогих, а в самом деле пустых, и всех относящихся к роскоши товаров, так равно заводских, фабричных и мануфактурных, какие у нас выделываются, и всяких вин — не брать»; «кто откроет секрет торговых наших дел, как-то: о состоянии цен внутри государства нашего на русские товары, или требование оных, количество собственно своих или других пришедших к Кяхте, либо идущих, — того, лиша Кяхты вечно, сослать в каторгу на три года, а кто откроет сие постановление словом или делом, того сослать в каторгу вечно».

Как видим, эта инструкция, изданная после длительного перерыва в пограничном торгу, в сильнейшей мере упорядочила со стороны Внутренней Империи кяхтинскую торговлю и оставила далеко позади по своему глубокому смыслу, традициям и предусмотрительности соответствующее русское и большинство западно-европейских законодательств чем Китай мог по справедливости гордиться

Купец Ф. Щегорин практическим умом догадывался о ценных сторонах китайского торгового законодательства, но его представления относительно этого в Петербурге не встретили должной оценки со стороны стоящего у власти консервативного дворянского класса. Именно, представив императору Павлу I об этом письмо в 1798 г., а в 1799 г. — донесение с приложением указанных китайских законов, он получил ответ, что «представление его неудобоисполнительно». Это было результатом того, что государственный Совет, рассмотрев их, только признал, «что оные суть токмо произведения разгоряченного воображения». Тем не менее, в 1800 г. были изданы правила торговли для русских купцов в Кяхте.

Архив Государственного Совета, «Протоколы...», т. II, Записка Щегорина о внутренней китайской торговле, с инструкцией о торге

китайцев на Кяхте и Учреждение Китайской Империи о торговле в 5 частях, с. с. 733 880.

15) Китайцы, по словам Ланга, почти не торговали «в Индиях» и в других странах, а только на своих границах с соседними народами. Но Ланге в то же время признает, что иногда китайцы торговали в Бенгале, на Филиппинских островах, в Батавии «и даже в Гое», однако, все это делали украдкой, потому что должны получать на заграничную торговлю законный отпуск. (Дневник Ланга в «Белевых путешествиях через Россию в разные азиатские земли...», П., 1776 г., ч. III, с.с. 48, 49).

Еще в XVII ст. китайские министры говорили Избранту Идесу (1694 г.), что китайцы позволили многим иностранным послам и купцам ездить в Китай, но никаких послов или торговых китайских людей в иностранные царства ни с чем от них не посылаются (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», с.с. 72—73). В китайской грамоте 1619 г. было напечатано: «и я, по своей вере, царь, ни сам из государства не выезжаю и послов своих и торговых людей не выпущаю» (там же, с. 7).

Такая политика Китая, впрочем, вполне согласовалась со взглядами экономиста того времени Юрия Крижанича, который писал, что ни в каком случае «никаковы иноземски торговцы нѣмаютъ ся допустить въ кролевству держать домовъ, ни лавъ, ни складовъ, ни сводовъ, ни оправниковъ, либо намѣстниковъ своихъ; ни консуловъ въ Москве, либо пословъ всегошныхъ; нить прихажать на торгованіе въ нутерняя мѣста господарства, но токмо не означена торговища на рубежѣ».

(«Русское государство в половине XVII в.», Раздел I, с. 23, Приложение к № 1 «Русской Беседы», 1859 г.).

Китай, таким образом, точно исполнял эту программу Крижанича, когда не пускал своих торговцев в Россию и торговал только на границах.

16) Русские торговали с китайцами в долг. Казенные караваны отдавали меха маломощным торговцам не за наличные деньги, а в долг, и, если те не платили долга, настаивали перед мандаринами, чтобы те заставили их уплатить. Это, разумеется, вызывало недовольство манчжурского правительства на русских, и оно требовало от русских, чтобы они в долг не продавали. Взыскивая долги, русские караваны, к тому же, задерживались под этим предлогом в Китае, а это было неприятно китайцам, которые стремились как можно скорее отправить обратно караван и не нести по содержанию его расходов и забот. Поэтому, например, Трибунал, отпустив в 1719 г. караван Истопникова, сообщал с негодованием сибирскому губернатору, что богдыхан, чтобы только удовлетворить русских, «за подлых (бедных, мелких) перекупщиков (китайских торговцев) долг повелел заплатить деньгами из государевой казны» (Бантыш-Каменский, «Диплом собр. дел...», с. 83). В 1737 г. китайцы поэтому, открыв в Пекине русский двор для торговли, об'явили «торговым и подлому народу, что, ежели кто в сем дворе покупать будет товары или вещи, чтобы всякий торг был на готовое серебро, ибо в долг никому ничего давано не будет» (там же, с. 281). Но это не всегда соблюдалось, и недоразумения с долгами продолжались, если не в Китае, то на границах. В 1746 г. русские власти требовали у маймачинских начальников взыскать с китайских и бухарских купцов более 20.330 р. долгов за товары, взятые по векселям у русских купцов. В 1747 г. долг увеличился до суммы около 25.000 р. В 1753 г. осталось долга более 17.324 р., так как остальное было уже уплачено. Монголы тоже брали русские товары в долг. («Историческая записка о кит. границе...» Сычевского, Чтения в Имп. Общ. и Др. Рос., 1875 г., II, с. с. 230—231, 256—257).

Но, что касается китайской торговой этики, то необходимо заметить, что «он (китайский торговец) добросовестный плательщик, точно выполняет свои обязательства и всегда аккуратно соблюдает сроки платежа» (Э. и О. Реклю, «Срединная Империя», П., 1912 г., с. 152). И. И. Попов указывает, что в Кяхте и Маймачине создались (XVIII в.) отменно редкие отношения между русскими, монголами и китайцами: «Не нужно забывать, что торговые сделки в кредит на сотни тысяч рублей здесь совершались без всяких документов, на одно только честное слово. За все

время существования кяхтинской торговли мы знаем только один-два случая, когда русский купец не уплатил за купленный чай у китайцев. За неуплативших внесли кяхтинские купцы. При иных условиях торговля, при незнании покупателем языка продавца, была бы невозможна». («От Небесной Империи к Срединной Республике», М., 1912 г., с. 297).

17) Русские иногда даже переоценивали значение этой торговли. В 1789 г. комиссия о коммерции видела одну из причин падения курса русского рубля в пресечении торга с китайцами, побуждающем покупать чай у европейцев и платить за него деньгами. (Архив Государственного Совета, «Протоколы...», т. I, ч. II, с. 464). По мнению же Радищева, закрытие торга не влияло на низкий курс денег и ухудшение торговых оборотов, потому что размеры русско-китайской торговли были малы по сравнению с общим оборотом денег в России. (Письмо о китайском торге, с. 68, в «Полном собр. сочин.», т. II, 1907 г.).

18) В торговом значении эта дальность расстояния обесценивала выгодные стороны сношений России с Китаем. Достаточно привести расценку стоимости провоза пуда товара в 1823—1833 гг., чтобы в этом убедиться. В Кяхту из Петербурга провоз пуда стоил (в рублях, с округлением) 31—17 р., из Москвы—20—11 р, с Нижегородской ярмарки—16—6 р., из Томска—9—4, из Иркутска—2—1 р. (Гр. Неболсин, «Статистические записки о внешней торговле России», П., 1845, ч. I, Прибавление к приложениям).

19) Н. Веселовский, «Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII ст.» (по документам Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Журн. Мин. Народ. Просв., ч. 234, 1884 г., июль, с. 81).

20) В 1756 г. был дан указ сибирскому губернатору, как поступить с Монголией, желавшей перейти к России. Если ургинский Хутухта и монголы пожелают перейти на русские земли, принять, а на требования Китая вернуть их, как перебежчиков, отвечать, что их никто не сманивал, они пришли по своей воле; что удержать и не допустить к насильному переходу их через границы не было никакой возможности, и сами китайцы должны были их удержать от этого в своих владениях, не допуская переходов монголов границ, как это ежегодно бывало, когда монголы своевольно вторгались в пределы России, сильно разоряли русских подданных, и, тем не менее, китайцы монголов от этого не удерживали и не вознаграждали убытков России; поэтому «когда они (монголы) ныне сами в Российскую Империю пришли и беспокойства от них не происходит, то выгонять их нужды нет». Если же Хутухта и монголы пожелают принять русское подданство, но о с т а т ь с я н а с в о и х м е с т а х, в Монголии, то тоже принять их, а китайцам на их требования ответить, «что они (монголы) в подданство российское никогда не призываны, но сами об оном просили и приняты не в противность настоящего с Китайским государством мирного трактата, ибо они на своих прежних жилищах пребывают, а не перебежали в Российскую сторону так, чтобы по силе трактата (в котором только о перебежчиках упоминается) назад выдать их надлежа». Таким образом, Правительствующий Сенат, как бы основываясь Кяхтинском договоре, создавал казуистический заколдованный словесный круг: принявши русское подданство, монголы, если будут перебежчиками, не должны быть допущены к переходу самим Китаем, а если останутся в Монголии, их нельзя рассматривать, как перебежчиков, и Китай не имеет на них права. (Указ издан Сычевским в «Исторической записке...», Чтения, 1875 г., II, с. с. 148, 149).

21) В 1764 г. Г. Миллер советовал убедить китайцев пропускать частные караваны в Пекин, Ургу и Наун по тем соображениям, что при таких условиях русское правительство не будет взимать пошлин со своих купцов, на что именно жаловались китайцы («Но китайцы могут сии жалобы предупредить, если они дозволят русским караванам приходить в собственные их земли, в коих никакой пошлины собираться не будет») Однако, в действительности, как говорит сам Миллер, при такой торговле русских в Китае русское правительство попрежнему вело бы у себя учет по ввозу и вывозу товаров, облагая их пошлиной, отчего таможенные

доходы даже увеличились бы. (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел...», Рассуждение о посольстве в Китай..., с. с. 410—411).

22) Какое большое значение могли иметь в дипломатической истории об'ективные и суб'ективные переводы, показывает характерный случай, происшедший с богдыхановой грамотой 1670 г. о Гантимуре, которую тогда же перевел нерчинский русский толмач, но, очевидно, по соображениям его личным или же воеводы, прибавил в перевод от себя царский титул, которого не было в грамоте, и смягчил грубые китайские выражения Однако, в 1698 г., по просьбе Спафария, эта грамота была переведена в Пекине иезуитом Ф. Вербиестом, и значение ее получилось совсем иное. (Оба русских перевода изданы у Бантыш-Каменского, «Дипл. собр. дел...», с.с. 20–21). Нет оснований отрицать, что такие же случаи повторялись и в следующем столетии. В 1757 году (20 мая) Сенат по вопросу о перебежчике Амурсане вежливо и обстоятельно ответил о невозможности выдать его, потому что Амурсан умер. Тем не менее богдыхан, по словам Братищева, прочитав русское сообщение, «весьма озлобился и, пришед в жестокую запальчивость, приказал в грубых терминах ответный лист написать и в скорости отправить», угрожая России войной Докладывая об этом имп. Елисавете, Коллегия Иностранных Дел сочла нужным обратить внимание (1758 г.) на то обстоятельство, что «хотя и подлинно получен здесь ответный лист их (китайцев) на здешний от 20 мая (1757 г.), писанный китайцами в грубых весьма терминах, однако, при всем том кажется, что у них здешний лист по неисправленному в их месте учиненному с того на их манчжурский язык переводу, весьма в другом разуме принят, нежели в каком он отсюда писан». (Докладная записка Коллегии издана Сычевским в его «Исторической записке о китайской границе...», Чтения в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос., 1875 г., II, с.с. 185—186)

Что китайцы не любили, когда русские изучали их язык, об этом свидетельствует одиннадцатый пункт китайской инструкции торгующим на Кяхте с русскими купцам 1793 г., гласивший:

«Торг производить на русском языке, и для чего предписывается каждому купцу и всем их служителям знать оный сколько можно совершеннее, а русских к китайскому отнюдь не поощрять, поелику на оном неприметно иногда между разговорами открываться могут секреты торговых дел наших, а паче государственные, к общему вреду» (Архив Гос. Совета, «Протоколы...», т. II, с. 744).

Иркутский купец Ф. Щегорин, более 20 лет торговавший в России, дважды бывший в Пекине, сделал к этому пункту такое замечание (1798 г.):

«Китайцы в Кяхте сначала торг производили на монгольском языке посредством толмачей, а когда обучась российскому, то и поднесь производят на оном. Наши же купцы ни один не знает их китайского, хотя другой и много лет торгует там; почему они (китайцы) и считают нас людьми нерадивыми и коммерцию мало знающими». (Там же, прим. «е»). Эта нерадивость продолжалась еще долгое время. В 1792 г. даже в самом Петербурге не оказалось в Коллегии Иностранных Дел переводчика с китайского и манчжурского языков, почему было решено послать в Китай для обучения тамошним языкам учеников на место там уже находившихся, которых поэтому следовало отозвать в Петербург (Архив Государственного Совета, «Протоколы...», т. I, ч. II, П., 1869 г., с.с. 9—10). Что же касается самой Кяхты, то только в 1835 г. в ней было открыто русским правительством училище китайского языка, в котором бесплатно обучали разговорному и письменному китайскому языку («Коммерческая газета», 1839 г., № 90).

Что касается «взаимного понимания» в более широком смысле, то оно, конечно, не возникло и тогда, когда затруднения с языком были до известной степени ослаблены. Интересен ниже приводимый взгляд на эту сторону отношений с китайской точки зрения, высказанный уже в начале XX века. Он принадлежит советнику чрезвычайного китайского посольства Литья-ао и касается торговых сношениях Срединной и Российской Империй. Вследствие большого интереса означенной характеристики,

приводим ее целиком, по перепечатке газеты «Киевлянина», 1909 г. 12 июля, № 190 (из «Торгово-Промышленной Газеты»).

«Главным тормозом развития русско-китайских сношений является обоюдное незнание рынков, взаимное непонимание языков и харатера народов, робость в совершении сделок, боязнь риска, недоверие к общему направлению политики и полное почти отсутствие среди политических и руководящих кругов той и другой страны лиц, знающих историческое прошлое и настоящее политико-экономическое состояние России и Китая—этих двух великих колоссов мира.

«Чтобы уничтожить эти причины, необходимо прежде всего начать с изучения страны путем посылки различными, по преимуществу торгово-промышленными, учреждениями особых коммерческих экспедиций и два, три человека со специальными коммерческого характера поручениями, как это широко практикуется японцами, англичанами, немцами, французами и др.

«Разумеется, эти экспедиции должны иметь полномочия от крупных фирм для совершения сделок, а не только знакомить Китай с образцами товаров, как это практикуется русскими теперь.

«Пока русский комиссионер, в большинстве случаев мало подготовленный, не знающий языка и ведущий переговоры через малограмотного китайского переводчика, об'езжает район и показывает образец, да „разговоры разговаривает", в это время японец, англичанин, немец—китайцу уже всучат свои товары

«Поэтому русским необходимо посылать в Китай людей хорошо подготовленных, интеллигентных, знающих китайский язык, понимающих характер и обычаи нашей страны

«Вы скажете, что таких людей в России нет, а я вам отвечу, что они есть, и я их лично знаю до 60 человек—;это воспитанники Владивостокского Восточного Института, которых я, в бытность мою консулом во Владивостоке, знал еще студентами. Теперь из них некоторые состоят уже на службе нашего правительства на таможне. школах и др. учреждениях—и все прекрасно знают Китай и китайский язык.

«Далее я скажу, что почин в оживлении торговых сношений должен исходить от России, как наиболое заинтересованной в сбыте ее фабрикатов в Китай.

«Возможна ли конкуренция русских коммерсантов с другими иностранцами в Китае? Я категорически заверяю, что возможна при известной организованности русских коммерсантов и понижении цен на фабрикаты до уровня европейских».

Этот любопытный отзыв 1909 г интересен тем, что показывает, как мало изменился со времени купца Щегорина, более, чем за столетие, торговый характер русско-китайских сношений; при свете этих фактов можно говорить об относительной закоснелости не только Китая, но и России в указанных выше областях народного хозяйства каждого из этих государств.

23) Раз что-нибудь китаец сказал, то, как бы его ни опровергать и ни урезонивать, все напрасно, он буд т стоять на своем первоначальном мнении (Дневник Ланга 1721 г. в «Белевых путешествиях через Россию в разные азиатские земли...», II., 1776 г., ч. III, с. 32).

Отзывы случайных наблюдателей-иностранцев о народах не всегда бывают правильны, и их характеристики отличаются, большею частью, суб'ективизмом. Лица, жившие долго с китайцами, находят в их характере положительные хорошие черты. Неизвестная авторша, 30 лет прожившая в Сибири, («Записки и замечания о Сибири. Сочинение ..ы...ой» Москва, 1837 г., с. 85) пишет, что «многие говорят о китайцах более дурного, нежели хорошего, но я не нахожу это справедливым... (кяхтинские китайцы) вежливы, умны, сметливы, хитры». Интересно с этим сопоставить отзыв китайского посла, ездившего при Петре Первом в Россию, относительно русских, что русские очень самохвальны и тщеславны,» однако, живут между собой совестно и согласно, любят шутки и разные забавы; раздоров и драк у них мало, но к тяжбам весьма склонны» (Китайское посольство, Ежемесячные сочинения, 1764 г., июль—декабрь, с. 312).

24) Автор статьи «Восточная Сибирь» критически относясь к поведению гр. Головкина, как дипломата, указывает, что спор его с ургинским ваном об уменьшении русской свиты с 270 человек до 120, послужил началом дальнейших неудач. Автор дает такой анализ промахов посольства графа Головкина:

«Допуская ошибку в количестве людей, по незнанию затруднений пути, чего китайцы никак не могли допустить, потому что этот путь был известен России как нельзя лучше, и особенных сокровенных причин неприятности для манчжурской династии чужого господства в ее монгольских степях, можно было бы знать заранее хотя одно то, что азиаты вообще скупы на издержки для чужих и не терпят блеска, затмевающего их собственную надутость. И об этом-то надо бы было подумать еще в Петербурге. Но уж если эта ошибка почему бы то ни было случилась, послу надлежало бы вникнуть по крайней мере на месте действия в настоящие причины настойчивости вана и не относить их в своем уме к одному упорству монгольского аристократа унизить аристократа России. Если бы граф Головкин расчел, что ему полезнее будет сделать и в этом пункте уступку, в таком случае ему бы надлежало сделать ее не с бою, в продолжительных и несносных прениях, без толку и пользы, о величии одной империи сравнительно с величием другой, а как знатоку дела, который не заставляет себя уламывать там, где видит, что противная сторона не в состоянии ему уступить по разуму вещей. Он бы мог расспросить потоньше и деликатнее о пути, его затруднениях и, приняв вид, что радуется, в видах собственной пользы, дружелюбным предостережением вана, поблагодарить его за спасение людей, которые бы иначе могли напрасно погибнуть. Тогда бы и уступка была любезна, и ван достигал ею своей цели — заслужить у своего двора одобрение, и впечатление, произведенное умом на умы, гораздо выгоднее. От этого в графе Головкине стали бы уважать не посла России, а лицо, с которым приятно иметь дело, как с представителем ума и всех достоинств, свойственных ее государственным людям. Это необходимо везде, но тем более с азиатами, потому что они, при всей своей полуобразованности, как дети, во всем поклоняются не отвлеченным началам общенародных прав и взаимных выгод союза, а одной живой силе, умеющей выразиться разумом этих верховных начал, в физическом ли то проявлении, т.-е. в стройной борьбе оружием, или в нравственном, т.-е. в уме, знании дела и обращении. Но соображая все те обстоятельства, каких граф Головкин не мог предвидеть, и особенно то, что сам посол уже сильно занялся настойчивостью в количестве людей пред ваном, ему никаким образом не следовало бы сдаваться, но отвечать наотрез: или я еду со своей свитой, как угодно моему государю, или я не еду вовсе. Сделав же уступку с бою, он тем самым только удостоверил вана в своей нравственной несостоятельности; а, между тем, явил новый довод тому, что ехал, действительно, не с мирной целью, потому что, в противном случае, уж, конечно, как могли думать китайцы, не упорствовал бы так долго, целые три месяца, на каком-нибудь ничтожном пункте, на лишней горсти людей, если бы тут не скрывалось какой-либо существенной причины..».

25) Закоснелость опровергается и С. Георгиевским: «Важность изучения Китая», П., 1890 г., с.с. 53, 54, 172, 258.

26) Глава II, статья 1, прим. 20.

27) Характерное мнение высказывал Г. Миллер в 1763 г. относительно инородцев, мнение, несомненно, частично отражавшее взгляды правительства и русского общества. Он полагал бы полезным киргизов, «хотя не весьма опасный, но всегда неспокойный народ», отделить от Сибири, натравив их на китайцев в Зенгории. Он также считал полезным «выехавших в Оренбургскую губернию зенгорцев, если они того сами пожелают, отпустить назад в прежние их жилища. Не знаю, бывала ли от них какая польза, а мнится, что и кроме их в России довольно народов, в лености житие препровождающих. Народ, не упражняющийся в земледелии и в рукоделиях, не достоин места, которое на земле занимает ... Ради того кажется, что интересная польза требует о том стараться, чтоб со временем калмыки и все им подобные народы другой род житья

приняли (вместо кочевого),—так как уже начало сделано в Ставрополе с новокрещеными калмыками. В противном случае не отрицали бы часть своих угодий уступить тем, которые лучше оными пользоваться в состоянии» (Н. Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел..», с. 392).

28) Согласно мнению графа Владиславича - Рагузинского (1731 г.), Амур, конечно, легко было очистить от китайцев, но это только заставило бы китайцев больше заняться военным делом, а России было бы от этого мало прибыли. и убытки от экспедиции на Амур и в сто лет нельзя было бы вернуть; кроме того, «коммерция с Китайским государством пресечется; сибиряки, всероссийские подданные, придут в убожество и разорение» (Бантыш-Каменский, «Дипл. собр. дел..», с.с. 373—374). В 1731 г. официально было сообщено китайским послам. что императрица Анна, «имея пространное владение, никакой чужой земли себе присовокупить не желает ..» (там же, с.с. 179). Что касается торговли, то знаток сибирских торгов Г. Миллер в 1764 г. говорил, что торги с Китаем «не инако, как Российскому государству полезными называть можем», потому что китайцы платят за меха дороже всех прочих наций, а в Европе, кроме Турции, на них малый спрос (там же, с.с. 404, 405). Этому не противоречит и отзыв А. Радищева, что сибирской торговле с Китаем нельзя придавать первенствующего значения для сибиряков; в другом месте он пишет, что «... торг на Кяхте, с китайцами производимый, (он) не есть основание благосостояния обширной Сибири, может заменяем быть другими выгодами, при производстве его не существующими» (Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, М., 1907 г., ред. В. Калаша, т. II, с. 551, «Письмо о китайском торге», II, с. 48). Итак, Радищев этими словами хотел только указать, что, кроме китайской торговли, Сибирь может богатеть другими промыслами, и она сама заключает в себе много богатств, которые составляют и могут составить в будущем благосостояние сибиряков. Выдающийся экономист того же самого времени — Фрибе был такого же мнения. В своем сочинении о русской торговле, он писал, что нельзя смотреть на русско-китайскую торговлю, как на главную кормилицу Сибири, видеть в ней главный нерв, которым билась вся Сибирь, и полагать, что все сибиряки только и думают о ней; конечно, она была для Сибири полезна в смысле приобретения для нее дешевых китайских материй, но купцы иногда и пренебрегали ею, видя более прибыльности в другой торговле — торговле с Камчаткой, с Океанскими островами, с Американским берегом; такие предприятия приносили, если они только были несколько удачны, больше прибыли, чем даже вся торговля с Китаем; но понятно, что результаты этих торговых поездок часто находили себе дальнейшее движение в кяхтинском рынке, так как купцы привозили с таких предприятий много мехов, которых и отпускали в Китай (V. E. Friebe, «Ueber Russland Handel... von Friebe». St.-Petersburg, 1793–1798, Band III, 205—206). Таким образом, торговые операции в Кяхте были весьма выгодны купцам, ездившим на Камчатку за мехами. Несмотря на большое расстояние, трудность и дороговизну доставки, мена камчатских товаров все-таки давала четыре тысячи на тысячу; в Кяхте получалась, при профессоре Крашенникове, «по малой мере двойная прибыль» («Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенниковым, Акад. Наук профессором, в 4 частях, часть IV, с.с. 425, 429, в Полном Собрании ученых путешествий по России, издав. Акад. Наук, СПБ., т. I, II, 1819 г.). Клингштейн думал «каким образом сделать более полезным для России торг китайский». В 1793 г. крупное петербургское купечество от лица городского головы Резцова указало на необходимость «распространять русскую торговлю с китайцами» (Н. Н. Фирсов. «Правительство и Общество в их отношениях к внешней торговле в царствование импер. Екатерины II, Очерки из истории торговой политики», Казань, 1902 г., с. 311).

29) К. Скальковский, «Русская торговля в Тихом Океане» (экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Вост. Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии), П., 1883 г., с. 151.

ГЛАВА VII

ОСНОВЫ СНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ И СРЕДИННОЙ ИМПЕРИЙ

Обозрение условий внешней и внутренней деятельности Российской и Китайской Империй дает возможность определить основы, на которых созидались международные отношения этих держав с половины XVII ст до XIX ст.

Дипломатические сношения отличались нормальной обоюдностью только в области переписки; посольские же отношения были односторонни, потому что Срединная Империя по вопросам, непосредственно касавшимся отношений к России, не посылала посольств ни в Москву, ни в Петербург, ограничиваясь только перепиской, которой особенно энергично пользовалась.

В первое время сношений характер их был устный, опираясь на словесные обещания, потом, главным образом, на Нерчинский договор 1689 г., определивший границы и способы торговли, но, вследствие своей краткости, неясности и незаконченности, замененный в 1727 г. Кяхтинским, установившим новые границы, уяснившим пограничные вопросы, положившим начало торговле на границах, вместо торговли на китайских землях, и упорядочившим посещение русскими караванами Пекина.

В своих сношениях с Китаем Россия преимущественно руководствовалась экономическими интересами, Китай же—политическими, т.-е. со стороны России преобладала политика торговая, а со стороны Китая—территориальная.

Это положение соответствовало медленному темпу развития внутренней экономической деятельности Срединной Империи и относительно быстрому развитию экономической жизни в России.

Торговые сношения обоих государств отличались односторонностью, потому что только русские ездили торговать в пределы Внутренней Земли, китайцы же, вследствие правительственной регламентации и запрета манчжурской династии подданным выезжать за границы империи, не посещали русских городов. Но со второй половины XVIII ст. торговля преимущественно сосредоточилась на границах, потому что сами русские купцы, избегая притеснений китайских чиновников, предпочли торгу в Пекине торг пограничный.

Только в XVII ст. из-за Албазина была война между русской и китайской державами. В XVIII же столетии, хотя и были с обеих сторон угрозы военных действий, но обе империи

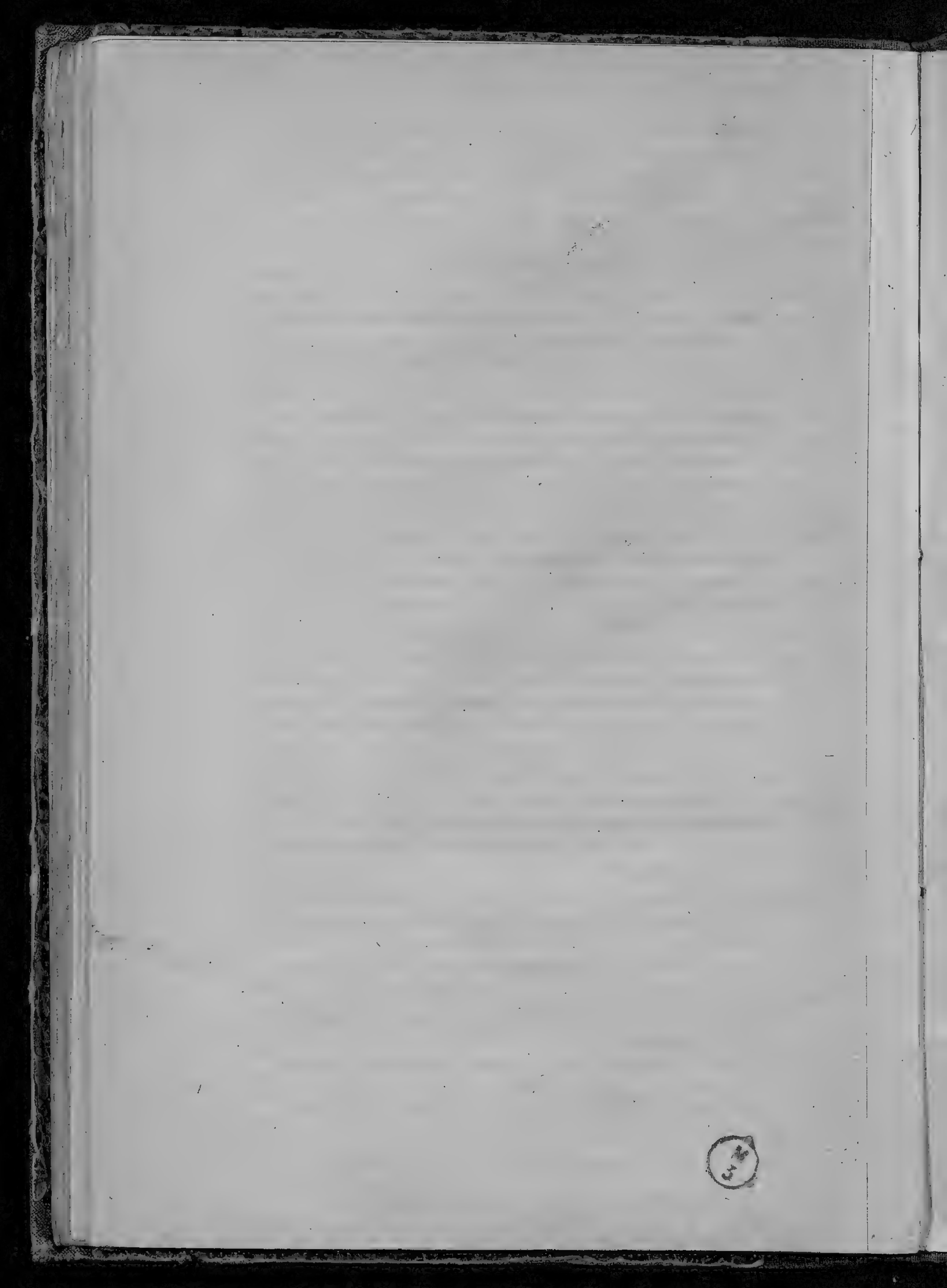
воздерживались от них, предпочитая худой мир доброй ссоре. При этом правительство богдыхана оказывало на Россию давление в желательном для него направлении путем притеснения торговли и перерывов ее, а русское правительство—возможностью, по мнению китайцев, территориальных захватов и массовых переходов китайских подданных в российские пределы.

Правительство манчжурской династии находилось в более благоприятных, чем Россия, географических и политических условиях, что позволяло ему в домогательствах по отношению к России быть более настойчивым, чем иногда допускали это интересы России. С другой стороны, отдаленность сибирских владений от центра и их пустынность не позволяли России использовать в торговом отношении все выгоды, которые мог бы дать при иных обстоятельствах китайский рынок.

Обе империи при сношениях в большей или меньшей степени проявляли неискренность, взаимное непонимание и даже отсутствие желания быть понятыми друг другом. Причиной тому были как своеобразие и различная степень интенсивности развития государственных организмов обеих стран, так и разная степень устойчивости политической линии во внешних сношениях, которая в Китае была более твердой и выдержанной, чем в России этого периода.

К XIX столетию оба государства достигли наибольших выгод в поставленных ими 150 лет тому назад задачах: Россия увеличила торговые обороты с Китаем, давшие положительные последствия для оживления Сибири, а Срединное Царство расширило свои границы присоединением новых областей, некогда уже входивших в состав Китайской Империи. Если же к этому времени, с одной стороны, на крайнем востоке русских владений Амурский край оставался для России еще закрытым, то, с другой стороны, на крайнем западе китайских пределов попытки манчжурской династии подчинить своему влиянию близлежащие средне-азиатские земли оказались тщетными для Срединной Империи; в следующем же—XIX—столетии эти области, как и Амурский край, составили новые владения империалистически развивавшейся России.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 2 руб. 50 коп. (Р)

